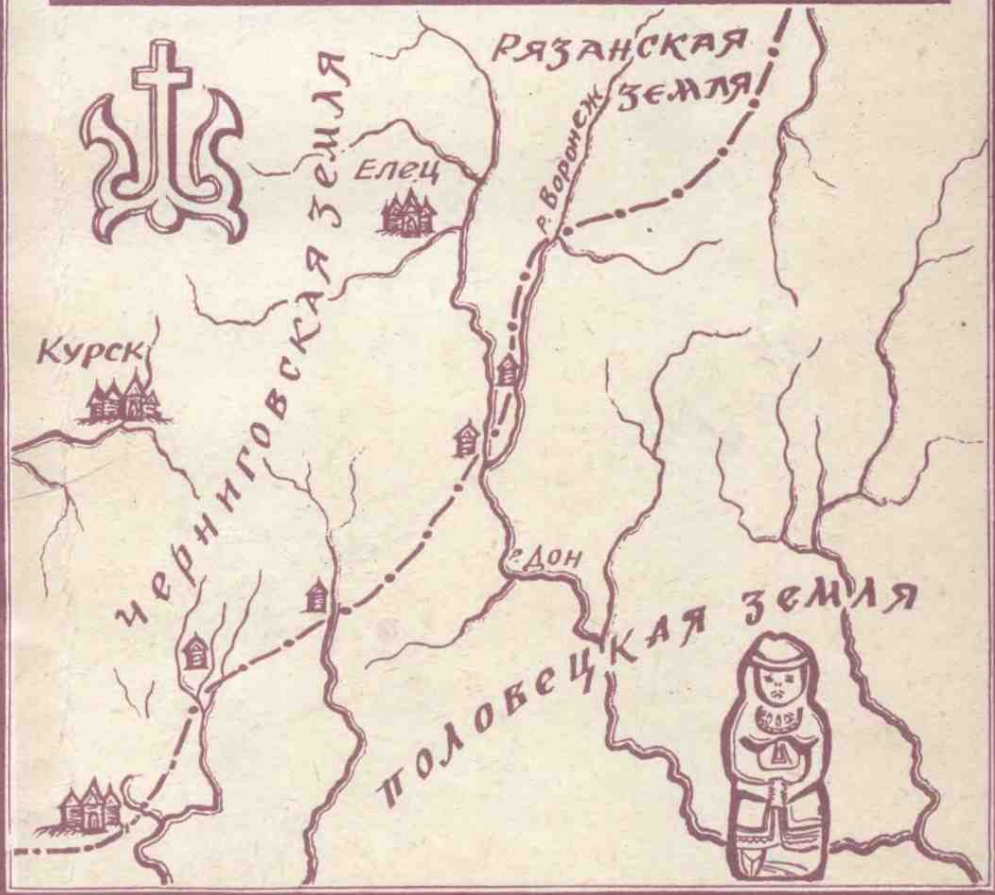
На юго-востоке Древней Руси



ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НА ЮГО-ВОСТОКЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Историко-археологические исследования

Сборник научных трудов

Издательство
Воронежского университета
1996

ББК 63.3(2)41

Н 12

Редакционная коллегия:

А. Д. Пряхин, д-р ист. наук (науч. ред.);
М. В. Цыбин, канд. ист. наук (отв. секретарь);
А. Г. Дьяченко, канд. ист. наук

Н 12 **На Юго-Востоке Древней Руси: Историко-археологические исследования: Сб. науч. трудов. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1996. — 120 с.**

ISBN 5-7455-0880-9

Сборник содержит статьи по актуальным проблемам археологии и истории Юго-Востока Древней Руси. Публикуются материалы многолетних раскопок Новгорода-Северского, Семилукского и Донецкого городищ, результаты комплексного археолого-географического изучения древнерусских памятников Куликова поля. Анализируются первые итоги выполнения кафедрой археологии Воронежского университета научно-прикладной программы "Вантит—уникальная археологическая территория".

Сборник адресован научным работникам, студентам, учителям, работникам музеев, сотрудникам органов охраны памятников истории и культуры.

ББК 63.3(2)41

Н $\frac{0504000000-006}{М174(003)-96}$ без объявл.

© Воронежский государственный университет, 1996
© Оформление. Издательство Воронежского университета, 1996

ISBN 5-7455-0880-9

А. В. КУЗА, В. П. КОВАЛЕНКО, А. П. МОЦЯ

НОВГОРОД-СЕВЕРСКИЙ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

В бурных событиях древнерусской истории XII—XIII вв., на многие века определивших судьбы нашей страны, наряду с другими центрами Южной Руси немаловажную роль суждено было сыграть и Новгороду-Северскому. С историей этого "родового гнезда Ольговичей" в различной степени связаны жизнь и деятельность многих известных русских князей: энергичного и неуемного Олега Святославича, одним из первых начавшего привлекать для решения династических вопросов половцев (за что и прозван был в "Слове" Гориславичем), великих киевских князей Всеволода Ольговича и Святослава Всеволодовича, верного союзника Юрия Долгорукого Святослава Ольговича, с описанием приема которого в 1147 г. связано первое упоминание Москвы, наконец, главного героя "Слова о полку Игореве" — Игоря Святославича, начавшего в 1185 г. свой знаменитый поход против половцев, события которого легли в основу бессмертного произведения, 800-летие которого по решению ЮНЕСКО в 1985 г. отмечал весь мир. Название города постоянно мелькает на страницах древнерусских летописей, однако ранняя история Новгорода-Северского, время его возникновения и становления не нашли своего отражения в письменных источниках. К моменту первого упоминания в "Поучении Владимира Мономаха детям" в связи с событиями зимы 1078—1079 гг. (1, стб. 248) город, несомненно, существовал как сложившийся организм.

Долгое время не везло Новгороду-Северскому и с археологическими исследованиями. Справедливости ради необходимо отметить, что город привлекал внимание краеведов с XVIII в. и неоднократно осматривался как дореволюционными (Д. Я. Самоквасов, С. А. Гатцук), так и советскими археологами (М. В. Воеводский, Т. Н. Тралло, Ф. В. Лучицкий, П. Н. Третьяков, О. Н. Мельниковская и др.). Первая попытка организации на его территории научных раскопок была предпринята еще в 1910 г. членом Киевского отдела Императорского Русского военно-исторического общества Б. С. Стеллецким, однако начать их удалось лишь в середине 50-х гг., когда в связи с проводившимися в новгород-северском Спасо-Преображенском мо-

© Куза А.В., Коваленко В.П., Моця А.П., 1996

настыре реставрационными работами Н. В. Холостенко частично вскрыл остатки древнерусского храма, попавшие под фундаменты Спасского собора XVIII в. В 1959—1962 гг. разведочные работы на территории детинца и окольного города Новгорода-Северского провел сотрудник Черниговского исторического музея И. И. Едомаха.

Однако информация о городе была явно недостаточной, и в 1979—1984 гг. комплексные исследования Новгорода-Северского были начаты экспедицией Институтов археологии АН СССР, АН УССР и Черниговского исторического музея. В ходе работ экспедиции были проведены раскопки и разведки в различных частях города (детинец, окольный град, подол, острог) и на территории загороднего Спасского монастыря [2; 3], на городищах и поселениях у сел Рябцево и Случевск Брянской области, Горбово и Путивск Черниговской области; впервые выявлен культурный слой на территории летописного Стародуба (раскопки Е. А. Шинакова, А. В. Григорьева), исследовались курганные могильники у сел Пушкари, Комань и Ушивка Новгород-Северского района, обследованы десятки городищ и поселений Подесенья.

И хотя в связи со смертью начальника экспедиции Андрея Васильевича Кузы ее работы были преждевременно прекращены, шестилетние исследования города и его округи позволили в значительной степени ликвидировать "белые пятна" в истории Новгорода-Северского.

Как и в других древнерусских городах, господствующее положение в Новгороде-Северском занимал детинец (городище Замок) (рис. 1). Он располагался на высоком (до 50 м) останце правого коренного берега Десны, ограниченном со всех сторон глубокими оврагами с крутыми обрывистыми склонами и долиной Зубрицкого ручья. В настоящее время площадка городища имет размеры 160 × 100 м (северный край городища сильно поврежден оползнями и молодыми оврагами). Въезд находился с юга и шел по специальной насыпи-пандусу, начинавшейся на дне глубокого оврага (рис. 2, А). Неоднократными перепланировками эпохи позднего средневековья, а также функционировавшим здесь селитренным заводиком XVIII в. культурный слой на территории детинца был значительно (местами до материка) поврежден, что существенно затрудняло проведение археологических исследований.

Проведенные работы позволяют считать, что древнерусский Новгород-Северский возник на месте значительного центра летописной северы. Многочисленные материалы роменской культуры получены в ходе раскопок не только на площадке детинца, но и у его подножия, а также в различных частях окольного града. Исследован ряд хозяйственных сооружений и жилищ столбовой и срубной конструкции с глинобитными печами. Исключительно благоприятные топографи-

ческие условия позволяли обитателям Замка обходиться без сложных искусственных оборонительных сооружений. Имеем мы дело с гнездом роменских поселений или же это был единый социальный организм протогородского типа — судить на сегодняшнем этапе исследований сложно. В ходе становления древнерусской государственности северянское городище на Замке в последней четверти X в. прекратило существование, по-видимому, в результате военного разгрома. Традиции роменской культуры были полностью прерваны, и в дальнейшем материальная культура приобретает новые общерусские формы.

На новом этапе развития город, вероятно, первоначально играл роль укрепленного форпоста на северо-восточных границах "Русской земли" в процессе огосударствления северянской территории. Остатки оборонительных сооружений этого времени исследованы в южной части детинца (траншея III 1979 г.). Они состояли из небольшого вала (сохранившаяся высота 0,8 м, ширина подошвы 7—8 м), насыпанного из желтой материковой супеси по периметру городища (рис. 2, Б). Высота и крутизна останца позволяли обойтись без рва — достаточно было эскарпировать его склоны. В нижней части насыпи вала зафиксирован след бревна диаметром 0,25 м, которое лежало параллельно склону. Более четкие следы деревянных клетей, составлявших конструкцию вала, а также остатки кладки из кирпича-сырца в нижней части заполнения некоторых из них зафиксированы в западной части площадки городища (раскоп IV-а 1981 г.). Непосредственно под подошвой вала исследовано жилище 2 (раскоп VI 1980 г.), погибшее в пожаре в последней четверти X в. (в его заполнении наряду с лепной роменской найдена керамика раннегончарных типов, в том числе фрагмент днища горшка с тамгой Святослава Игоревича). Таким образом, возведение первоначального вала можно относить к концу X в.

События XI в., по-видимому, мало затронули город: имя его практически не встречается на страницах летописей. Лишь зимой 1078—1079 гг. Владимир Мономах за городом "разгнахомъ силны вои" половецкого хана Белкатгина, отбив полон [1, стб. 248].

В городской застройке этого периода господствуют жилища с углубленной нижней частью, четко фиксируемые по котлованам подквадратной формы площадью 16—25 кв. м. Как правило, они ориентированы углами по сторонам света. Глубина котлованов колеблется в пределах 0,4—1,5 м. Традиционно жилища этого типа связывают с полуземлянками и землянками, однако материалы, полученные в последнее время при исследовании Киева, позволяют предполагать, что по крайней мере часть из них служила лишь нижней частью (подклетом) наземных жилищ [4, с. 102].

Примером таких построек является жилище № 1, исследованное в раскопе V 1980 г. Котлован постройки, размерами 4,55 × 4,6 м, был

ориентирован углами. Его глубина от уровня материка составляла 1,3—1,4 м. По углам и в центре стен находились ямы от столбов. Вход в виде ступеньки (0,8 × 0,5 × 0,5 м) располагался в юго-западной стенке около южного угла. Развал печи, сложенной из глины и кусков болотной руды, был обнаружен в восточном углу постройки, напротив входа. Под печи, диаметром около 1 м, понижался от краев к центру. Кроме столбовых, в полу жилища было выкопано несколько неглубоких (до 0,5 м) ям хозяйственного назначения. В заполнении постройки встречен небогатый инвентарь (костяной кочедык, два шиферных пряслица, сверленый астрагал) и обломки керамики конца X—XI вв.

Большинство углубленных жилищ имели аналогичную конструкцию. Выделяются только две постройки, относящиеся к XI в., в которых печи были целиком сложены из колотых камней. Печи такого типа совершенно не характерны для всего региона и, несомненно, отражают переселение определенных групп населения из более северных областей Древнерусского государства.

Судьба Новгород-Северского круто изменилась в самом конце XI в., когда он стал, согласно решению Любечского съезда русских князей 1097 г., стольным городом обширного удельного княжества. Перемещение на более высокую ступень феодальной иерархической системы привело к значительному увеличению объема поступающего в город прибавочного продукта, что позволило уже первому его князю — энергичному и честолюбивому Олегу Святославичу — заняться укреплением и благоустройством своей столицы. Первым делом почти вдвое была увеличена мощность фортификационных сооружений детинца (рис. 2, Б). Исследованиями на южном и западном его склонах зафиксированы следы заполненных суглинком и переотложенным культурным слоем клетей, прослеженных в стратиграфических разрезах на высоту до 2,4 м.

В это же время, по-видимому, на Замке был построен и княжеский двор, из состава которого пока удалось исследовать лишь одну постройку (рис. 3). Она находилась в северо-западной части городища, в непосредственной близости от крепостной стены. Сооружение, ориентированное углами по сторонам света, имело размеры 7,4 × × 7,3 м. Котлован углублен от уровня материка на 0,7—0,9 м, по углам его находились столбовые ямы диаметром и глубиной 0,6× × 0,7 м. Вероятно, не менее мощные столбы стояли и посередине стен, но столбовую яму удалось зафиксировать только в центре юго-западной стены, остальные повреждены перекопами или вскрыты не полностью. Вдоль стен прослежены остатки горелых деревянных конструкций.

Весь ровный материковый пол сооружения был покрыт рядами округлых лунок диаметром 0,3—0,6 м и глубиной 0,15—0,3 м. Многие из них на треть были залиты известковым раствором. Интересно,

что в некоторых из них сохранились отпечатки амфор. Судя по тому, что в заполнении постройки были также найдены многочисленные обломки амфор, лунки служили для вертикальной установки этих сосудов с рифлеными стенками и ручками, не возвышающимися над горлом. Постройка использовалась довольно длительное время, на что указывают случаи взаимного перекрытия некоторых лунок. Вторично были выкопаны обширные углубления (диаметром до 0,7 м), перекрывшие ранние ямки.

Две большие ямы (в центре и у юго-западной стены) имели в разрезе колоколовидную форму (их глубина 0,6—0,8 м, верхний диаметр 0,4 и 0,5 м, нижний — 0,8 и 1 м) и, очевидно, предназначались для хранения пищевых припасов — в их заполнении собрано значительное количество костей животных и рыб.

Функционально исследованное сооружение может быть идентифицировано с хорошо известным по письменным источникам погребом-медушей. Площадь данного сооружения (54 кв. м), вмещавшего одновременно 120-140 полутораведерных корчаг, а также его расположение на детинце однозначно указывают на принадлежность медуши к княжескому двору. Подобные сооружения на территории дворов северских князей известны и по сведениям письменных источников: под 1146 г. летопись описывает медушу в Игореве сельце, где много было "в погребе вина и медове..." [5, стб. 333], и в Путивле, где победителям осталось 500 берковцев меда и 80 корчаг вина [5, стб. 334]. Судя по обломкам керамики и амфорной таре, медуша в Новгороде-Северском была построена в самом конце XI—начале XII в., а перестала использоваться после пожара в середине XII в. Причем, судя по отсутствию целых амфор или их развалов, в момент гибели она была пуста.

В восточной, противоположной, части детинца находился центральный храм города — Михайловская церковь, упомянутая в Ипатьевской летописи под 1180 г., когда "... преставися Олег Святославич месяца генваря в 16 [день] и положиша у святого Михаила" [5, стб. 613]. К сожалению, остатки фундаментов ее выявить пока не удалось, однако многочисленные находки строительных материалов (обломки плинфы, цемянка, фрагменты фресок) позволяют предположить, что церковь была возведена в начале XII в. Олегом (Михаилом) Святославичем в честь своего святого патрона. Храм был разрушен, вероятно, в середине XIII в. Во всяком случае, уже в слоях второй половины XIII—XIV вв. отмечено использование горожанами для своих нужд значительного количества строительных материалов из его руин.

Сведений для реконструкции планировки остальной части Замка пока не достаточно. Южная часть площадки городища, находившаяся непосредственно перед въездом, по-видимому, не была застроена,

в ходе работ участков древнерусского культурного слоя здесь не выявлено.

Вдоль юго-западного края детинца, параллельно гребню вала располагались, вероятно, жилища княжеских дружинников. Одно из них исследовано в раскопе VI 1980 г. (жилище № 1). Это была наземная постройка срубной конструкции, размерами около 4,5 × 3,6 м, ориентированная длинной осью перпендикулярно насыпи вала. Вследствие большой продолжительности жизни на Замке следы ее едва фиксировались в слое по углистым прослойкам, завалам печины, древесному тлену и глиняной подмазке пола. Остатки печи в виде бесформенного завала крупных камней и фрагментов глиняных вальков от свода находились в юго-западном углу жилища. Вероятно, печь стояла на деревянном опечке и потому ее конструктивные особенности проследить не удалось. В противоположном, северо-восточном углу найдены обломки двух жерновов из песчаника. Вблизи жилища исследованы ямы-погреба и небольшой хлев, в котором во время пожара сгорели два поросенка. Найденные в помещении находки указывают на относительно высокий социальный статус его хозяина. Здесь встречены два миниатюрных сосудика из желтого стекла, обломки двух стеклянных бокалов (расписного и желтого тонкостенного), железные ножи, калачевидное кресало (рис. 4, *24*), ключ типа В (рис. 4, *28*), железное писало с бокаловидной лопаточкой, инкрустированное медной проволокой (рис. 4, *27*), железная шпора (тип 1, с шипом типа А по А. Н. Кирпичникову) (рис. 4, *5*), две янтарные вставки от перстней, фрагменты стеклянных оконниц, а также значительное количество фрагментов гончарных сосудов середины XII— начала XIII в.

Интерпретацию этого района города как места сосредоточения военно-феодальной верхушки подтверждают и другие многочисленные находки, собранные в различных частях замка (рис. 4): предметы вооружения (боевые топоры, наконечники копий, сулиц и стрел различных типов, в том числе арбалетной), снаряжения всадника и верхового коня (инкрустированная медной проволокой по язычку и рамке железная подпружная пряжка, фрагменты удил и псалий, накладки для колчана и лука, железные подковообразные фибулы со спиральными концами и бронзовые поясные кольца и пряжки, подковы и обломок скребницы для чистки коней и др.), предметы быта (ножи, в том числе инкрустированный серебряной проволокой по спинке, ovalовидные и калачевидные кресала, замки и ключи типов В и В1, накладки, иглы, проколки, кочедыки, прясла); украшения и детали одежды (серебряные и бронзовые браслеты и перстни, серьги и височные кольца, бубенчики и пуговка, каменные и стеклянные бусы и др.).

Интересно отметить, что фрагменты стеклянных браслетов встречаются на детинце крайне редко — за все годы работ их найдено здесь не более десяти. В то же время в слоях на посаде они являются достаточно массовой категорией находок. Видимо, у местных женщин княжеского круга эти украшения не пользовались успехом.

Некоторые находки необходимо отметить особо. Одна из них — вислая свинцовая печать архаического типа, принадлежавшая черниговскому и киевскому князю Святославу Ярославичу (рис. 4, *1*). Диаметр печати 29—30 мм, на одной ее стороне помещено изображение князя, а на другой — его святого патрона Николая.

Другой уникальной находкой является железный скальпель (длиной 133 мм) с маленьким лезвием (длина 35 мм, ширина до 7 мм) и овальной в сечении ручкой с кольцом для подвешивания (рис. 4, *31*). Как показали проведенные Г. А. Вознесенской исследования, лезвие скальпеля было изготовлено в технике классического трехслойного пакета, а затем закалено.

Некоторые категории находок свидетельствуют о наличии среди населения замка определенного ремесленного контингента: фрагменты литейных форм, изготовленных из местного известняка, железные напильники и шилья, обрезки серебряных слитков, всплески цветных металлов и др.

С востока, юга, запада детинец широкой дугой окружает обширный посад (площадью 40—50 га), занимавший высокие отроги коренной террасы (от ур. Городок до Никольской церкви XVIII в.). Частично были застроены также пологие участки ее склонов, дно оврагов и берега Зубрицкого ручья (рис. 1). Заселение этой части территории началось еще в VIII—IX вв. — фрагменты керамики роменской культуры выявлены в ходе раскопок практически на всех ее участках. Наблюдения за мощностью культурного слоя в различных частях посада позволяют прийти к заключению, что основной тенденцией в его развитии было постепенное расширение освоенной территории от края террасы вглубь. В XI в. посад Новгорода-Северского был уже довольно плотно застроен.

Одно из жилищ этого времени исследовано в 1979 г. у подножия детинца, во дворе ветеринарного училища. Оно представляло собой постройку со слегка углубленным в землю полом, кубической печью и обширным подпольем с деревянными стенами. В жилище найдены железный топор (рис. 6, *20*), боевой нож-засапожник с рукоятью в медных обкладках, шиферные пряслица, многочисленные фрагменты кружальных сосудов и обломки амфор, а также костяная копоушка с небольшой вытянутой ложечкой, круглым валиком, цилиндрической рукоятью с прорезным орнаментом и "петушиным гребешком" с отверстием (рис. 6, *1*). Последняя попала в Подесенье из Новгорода Великого, где ей известны прямые аналоги, датируемые второй половиной XI—70-ми гг. XII в. [6, с. 143].

В начале XII в. значительная часть посада (площадью около 30 га), непосредственно примыкавшая к детинцу и расположенная на возвышенных участках террасы (ур. Городок — ур. Кляштыр — район пл. Ленина — район рыночной площади), была укреплена отдельной линией фортификационных сооружений, состоявших из рва и вала с деревянными конструкциями. В позднесредневековое время эти укрепления неоднократно перестраивались, существенно не меняя, впрочем, своей конфигурации. Однако в конце XVIII в., когда границы Российской империи отодвинулись далеко на юг, Новгород-Северская крепость утратила свое значение и ее оборонительные сооружения быстро пришли в состояние запустения. Уже тогда современники отмечали, что "... крепость окружающий земляной вал от древности едва приметен в иных местах..." [7, с. 15]. В начале IX в. остатки укреплений были окончательно снивелированы.

И все же комплексный анализ материалов археологических исследований, летописных известий за 1146 и 1152 гг., планов города XVIII—XIX вв. позволяет уточнить границы и топографию окольного города. В его северо-восточной части оборонительные сооружения начинались на обрывистом краю террасы, в районе современной ул. Герцена (остатки вала здесь зафиксированы И. И. Едомахой в 1960 г.), проходя вдоль края глубокого оврага в юго-западном направлении, где, захватывая пл. Ленина, поворачивали на запад по ул. 50-летия Октября. Между корпусами торговых рядов и торговых складов XVIII в. эта линия укреплений пересекала улицу (остатки рвов отмечены здесь в 1983 г. во время наблюдения за ходом строительных работ), захватывая частично территорию колхозного рынка. Затем, пересекая ул. Крестьянскую, вал резко поворачивал на северо-восток и вдоль края оврага (по ул. Овражной) выходил к детинцу в районе ул. Советской. В северо-западной части города древний ров был разрезан И. И. Едомахой в 1960 г. Исследования показали, что он имел глубину 4,5—5 м при ширине на уровне материка 11 м и 3 м — по дну. Неподалеку этим же исследователем в двух местах были зафиксированы и следы вала.

Окольный город имел несколько ворот. Летописец указывает Черниговские (южная часть города, неподалеку от торговых рядов) и Курские (восточная часть в районе пересечения ул. Герцена с ул. К. Либкнехта) [5, стб. 331, 460]. По планам XVIII в. известны также Водяные ворота [8, с. 160, рис. 86], находившиеся в северной части города, на краю террасы (где ул. Либкнехта спускается в овраг, выходящий в пойму р. Десны). В летописи отмечены, кроме того, "острожные ворота" [5, стб. 331, 460], не известные, в отличие от остальных, по картографическим материалам. Что представлял собой в это время острог Новгорода-Северского, пока не ясно: летописные строки слишком скупы, а археологически выявить его еще не удалось. Параллельное упоминание "города" и "острога" в летописной статье 1152 г. позволяет допускать, что это была третья составная часть города, имевшая, по-видимому, отдельную линию укреплений типа частокола [9, с. 744—745]. Подобные легкие фортификационные сооружения были достаточно хорошо известны в Древней Руси наряду с более мощными дерево-земляными сооружениями срубной конструкции [10, с. 119]. До конца не ясна и локализация Новгород-Северского острога. Анализ топографической ситуации позволяет предполагать, что он находился в западной части древнего города, в районе Никольской церкви XVIII в. Судя по данным археологических изысканий, этот район был заселен с конца I тыс. н. э., но по картографическим материалам располагался за пределами укреплений окольного града, а Никольская церковь называлась "Заградской" [7, с. 4]. Вероятно, для защиты этого района со сложным рельефом, расположенного в непосредственной близости к детинцу и окольному граду, и была возведена дополнительная легкая линия укреплений — острог, оградившая площадь около 5 га. В таком случае острожные ворота могли находиться либо неподалеку от Никольской церкви, либо в районе пересечения улиц Советской и Овражной. Как отмечают летописи, острог был самой уязвимой частью города: во время осад Новгорода-Северского в 1146 и 1152 гг. именно здесь нападавшие добивались наибольшего успеха [5, стб. 331, 460].

Структура и планировка посада Новгорода-Северского не ясны. Вероятно, как и в ряде других древнерусских городов, он имел радиально-кольцевую планировку, своеобразными "узлами" которой являлись храмы. Правда, работы, проведенные в 1979 г. вблизи Успенского собора XVIII в. и Никольской церкви XVIII в., основание которых литературная традиция относила к домонгольскому периоду [8, с. 161], каких-либо следов древнерусских каменных построек не выявили (что, впрочем, не отрицает возможности существования здесь в древности деревянных культовых сооружений). Лишь при раскопках в районе современной базарной площади в 1982 г. было обнаружено жилище второй половины XII в., под печи которого выложен из целых и фрагментированных плинф, имевших размеры 31,5 — 32,0 × 27,5 — 28,0 × 4,0 — 4,5 см. По мнению П. А. Раппопорта, плинфа может быть датирована серединой—второй половиной XII в., она существенно отличается от кирпичей Спасского собора и от строительных материалов, собранных на Замке, что позволяет предполагать существование в данной части посада неизвестного каменного сооружения XII в.

В посадской застройке этого времени преобладает наземный тип жилищ. Многие постройки были, вероятно, двухэтажными, с холодным или теплым (жилым) подклетом. Примером такого сооружения может быть жилище № 2, исследованное на раскопе II в юго-запад-

ной части посада в 1982 г. Котлован его нижнего этажа, ориентированный (с небольшим отклонением) углами по сторонам света, был углублен в материк на 1,08—1,12 м и имел размеры 4,52 × 4,58 м. Вдоль северной, западной и южной стен на глубине около 0,5 м прослежен нешироκий (0,25—0,7 м) материковый уступ, игравший, по-видимому, какую-то конструктивную роль. В северо-западном углу котлована расчищен аморфный завал печины размерами 0,8 × 0,6 м, находившейся в переотложенном состоянии. Возможно, это остатки стоявшей на деревянном опечке глинобитной печи. В юго-западном углу постройки находилась небольшая хозяйственная яма (диаметром 0,6 м, глубиной 0,1 м).

Второй этаж, следы пожара которого четко фиксируются стратиграфически, имел свою печь, под которой, как отмечено выше, был выложен из целых и фрагментированных плинф (не использовавшихся ранее в кладке) на глиняном растворе. Все плинфы были сильно пережжены, что свидетельствует об их длительном использовании в печи. С восточной и южной сторон к дому примыкала открытая галерея-гульбище, опиравшаяся на столбы (диаметр 0,2—0,23 м, глубина ям 0,62—0,68 м), вынесенные на 0,5—1 м за пределы котлована.

В заполнении постройки, кроме многочисленных обломков керамики XI-XII вв., найдены бронзовая литая сердцевидная бляшка (рис. 6,*5*), два железных наконечника стрел (рис. 6, *8*, *9*), три ножа, железные стержень и пластина, два шиферных пряслица, обломки двух стеклянных браслетов и перстня, две костяные проколки и фрагмент костяной накладки с циркульным орнаментом (рис. 6, *2*). Особенно отметим находки обломков стеклянных оконниц.

Кроме жилых на посаде исследованы многочисленные хозяйственные постройки различных типов. Количественно среди них преобладают хозяйственные ямы разнообразных форм и размеров. Остатки сооружения несколько более сложного типа исследованы И. И. Едомахой в 1960 г. в юго-восточной части посада, неподалеку от водонапорной башни. Его котлован неправильной округлой формы, размерами 3 × 2,75 м был углублен в материк на 0,9 м. Вход в полуземлянку находился с северо-западной стороны. Ее крышу поддерживали четыре столба (диаметр 0,18—0,2 м), располагавшиеся у стен котлована. К западу от входа была расчищена зерновая яма грушевидной формы (глубина 1,85 м, диаметр 1,35 м), находившаяся, по-видимому, под одной крышей с полуземлянкой.

В заполнении постройки найдены шиферное пряслице, оселок, два обломка синих витых стеклянных браслетов, кусок жернова из вулканического туфа, обломки железного обруча, многочисленные фрагменты горшков XI—XII вв., а также 15 кусков железного шлака. На дне зерновой ямы найдена трехзубая острога (рис. 6, *13*).

На посаде находились, по-видимому, и небольшие погреба-медуши, принадлежавшие рядовым горожанам. В отличие от княжеской медуши, вмещавшей десятки амфор, в них стояли всего один—два сосуда. Вероятно, именно из такого погреба происходит большая (высота свыше 50 см, диаметр 30 см) округлодонная амфора грушевидной формы, обнаруженная в 1959 г. И. И. Едомахой в 150 м к западу от детинца, в склоне оврага по ул. Овражной. К сожалению, остатки самой постройки не сохранились.

Как уже было отмечено, город не ограничивался пределами укреплений "окольного града" и острога. Достаточно плотно был застроен и обширный район у подножия коренной террасы, который, вероятно, как и в других древнерусских городах, именовался подолом. По степени интенсивности культурного слоя особенно выделяется район так называемого Заручья (площадь около 10 га), расположенный на левом берегу Зубрицкого ручья, к северо-западу от Замка. В 1962 г. здесь, на территории школьного двора, И. И. Едомахой была частично исследована усадьба зажиточного горожанина XII в. От жилища *1* сохранился котлован размерами 3,6 × 3,5 м, ориентированный стенами по сторонам света. Вход находился в севера. На глубине около 1 м обнаружен пол толщиной 10 см из светло-желтой глины (сверху подмазанный белой глиной), плотно утрамбованный. Развал печи (1,8 × 1,6 м) в сильно потревоженном состоянии (включая под) расчищен у восточного угла котлована. Вероятно, печь стояла на опечке, опиравшемся на четыре мощных столба. Столбовые ямы диаметром 0,3 м выявлены и в углах жилища. Особенности стратиграфии остатков жилища (наличие в заполнении слоя потолочной засыпки) и некоторые конструктивные детали позволяют предполагать, что оно имело два этажа. Жилище функционировало довольно длительный срок — зафиксированы следы его ремонта или перестройки, вследствие чего уровень пола повысился почти на 0,4 м. В заполнении котлована найдены целые или фрагментированные ножи (пять экз.), четыре оселка, часть удил (рис. 6, *15*), наконечник сулицы, обломок шила, ведерное ушко, коленчатый железный нож-медорезка (рис. 6, *19*), шиферное пряслице, два обломка жерновов, донце бокальчика из желтого стекла и фрагменты тонкостенного бокала из фиолетового стекла, два маленьких нательных крестика из серого мрамора (рис. 6, *4*), три фрагмента стеклянных браслетов (синего и зеленого стекла), обломок цилиндрического замка, несколько рыболовных грузил, сделанных из амфорных стенок, а также значительное количество керамики XII в.

Жилище *2* находилось в 0,9 м от первого. Его котлован размерами 3,4 × 3 м, глубиной 0,8 м также ориентирован стенами по сторонам света. В углу обнаружены столбовые ямки диаметром 0,2—0,25 м и глубиной 0,25—0,3 м, а также несколько более мелких ям, вероятно,

от хозяйственной утвари. Вдоль северной и южной стен расчищены следы лаг пола диаметром 0,15 м. У восточной и южной стен котлована в полу были открыты корытовидные ямы овальной формы размерами, соответственно, 2 × 0,9 — 1 м и 2 × 0,6 — 0,7 м при глубине 0,6 м. Они предназначались, видимо, для хранения каких-либо припасов. Вход в жилище (1,4 × 1 м) располагался с востока, близ юго-восточного угла. У западной стенки, возле северного угла, находился завал печи, устроенной на невысоком (0,15 м) материковом останце размерами 0,9 × 0,8 м. В заполнении жилища, кроме обломков круглодонных сосудов XII в., собраны фрагменты амфор, шиферное пряслице, костяной двусторонний трехчастный гребешок, скрепленный медными заклепками (рис. 6, *3*), железные нож и уздечное колечко, семь обломков синих и зеленых стеклянных браслетов.

К западу от жилища *2* исследованы остатки прямоугольной хозяйственной постройки размерами 1,6 × 0,9 м, углубленной в материк на 1,4 м, в заполнении которой найдены обломки керамического светильника и маленькая медная чашечка (вероятно, от лампадки).

В 25 м к юго-западу зафиксированы остатки другой хозяйственной постройки, значительно поврежденной перекопами XIX в. Ее сохранившаяся часть имела овальные очертания (размеры 1,2 × 0,75 м при глубине 0,6 м). В сооружении найдена небольшая (высота 0,38 м) целая амфора с отбитыми ручками, на плечиках которой до обжига была начертана буква "И" (9 × 4 см) (рис. 6, *21*), обломок жернова, ключ от цилиндрического замка, серебряное трехбусинное височное кольцо (рис. 6, *6*), две бронзовые поясные пряжки (рис. 6, *17*, *18*) и костяной гребешок.

Судя по вещевым находкам и керамическому набору, все исследованные постройки существовали одновременно, что позволяет считать их единым комплексом. Этому не противоречат и стратиграфические наблюдения. Усадьба погибла во время пожара в середине или второй половине XII в.

Таким образом, в XII—XIII вв., в эпоху расцвета, общая площадь Новгорода-Северского достигала 45—50 га, что позволяет считать его крупным административным и торгово-ремесленным центром Южной Руси.

Основное ремесленное производство концентрировалось на территории посада. Правда, остатки ремесленных построек исследованы здесь еще слабо — значительная их часть, несомненно, была уничтожена в ходе многовековых перепланировок города. Можно назвать обнаруженные на территории окольного города (ур. Городок к северо-востоку от Замка, в конце ул. Уралова) остатки трех печей-домниц для выплавки железа, размещавшихся в ряд в 0,7—1,1 м друг от друга. Они представляли собой состоявшие из двух камер ямы с почти вертикальными обожженными стенами. Верхняя камера наиболее сохранившейся из домниц имеет диаметр 0,9 м при глубине 0,6 м,

нижняя — по 0,4 м. С четырех сторон через под верхней части в нижнюю идут узкие желобки. Край пода около желобков сильно прокален. Верхняя часть домниц не сохранилась. На основании открытого в одной из камер керамического материала комплекс можно датировать X — началом XI в. Здесь же исследованы остатки плохо сохранившихся построек со слегка углубленным основанием, имевших навесы, опиравшиеся на столбы. Функциональное назначение построек не ясно, однако наличие многочисленных остатков производственной деятельности в виде ошлакованной керамики, железных шлаков и кусков крич свидетельствует об их связи с обработкой черного металла.

Скопление железных шлаков зафиксировано и на противоположном конце посада, на обоих берегах Зубрицкого ручья, а также в некоторых постройках в районе базарной площади.

Наличие других высокоразвитых ремесел подтверждается многочисленными находками различных категорий вещей. О высоком уровне железообрабатывающего производства свидетельствуют находки предметов вооружения (топоры, наконечники копий, сулиц и стрел), снаряжения всадника и верхового коня (шпоры, пряжка, удила и др.), быта (ножи, кресала, замки и ключи, гвозди, ножницы), орудий сельского хозяйства и промыслов (серпы, косы, медорезка, рыболовные крючки, острога) и т.д. Металлографическое изучение почти 40 железных изделий (20 ножей, 8 наконечников стрел, два топора, серп, кресало, шило, рыболовный крючок и др.), проведенное Г. А. Вознесенской, показало, что новгород-северские кузнецы владели всеми основными технологическими секретами своего дела. Наиболее часто (25 предметов) употреблялась простейшая технологическая схема изготовления — горячая ковка изделия целиком из кричного железа или сырцовой малоуглеродистой стали с последующей закалкой. С использованием операции цементации — поверхностного и сквозного науглероживания лезвий — отковано пять изделий (три ножа, наконечник стрелы и топор). У последнего после цементации был произведен отжиг, а затем лезвие было закалено в мягкой закалочной среде. Классическую схему древнерусского трехслойного пакета (стальная полоса в центре с выходом на лезвие, а по бокам — полосы железа) демонстрируют упомянутый выше скальпель и наконечник копья; многослойного пакета — один из ножей. Один из основных приемов в древнерусском кузнечном ремесле — наварка и вварка лезвия в нижнюю часть железного клинка с последующей термообработкой — представлен в четырех случаях (три ножа и калачевидное кресало) [11, с. 97—98].

Относительно широко использовалась, по-видимому, в основном по заказам представителей военно-феодального сословия, и инкрустация железных предметов (главным образом, связанных с военным делом) цветными металлами (рис. 4, *4-6*).

Существование ювелирного ремесла подтверждается фрагментами глиняного тигля и литейных форм, изготовленных из местного известняка, выплесками цветных металлов, шлаками, обломками изделий. Анализ образцов, проведенный Р. С. Орловым с учетом стилистических и технологических признаков, в том числе методом количественного спектрального анализа, показал, что изготовившие их ювелиры в совершенстве владели производством украшений как из традиционных (Cu + Sn + Pb), так и из сложнокомпонентных (Cu + Sn + Pb + Zn) сплавов. Типы украшений, их орнаментальный декор так же, как и рецептура сплавов, в целом характерны для школ художественной металлообработки Среднего Поднепровья. Некоторые изделия изготовлены по северной (балтийской) рецептуре из сплава Cu + Zn + Pb. Применялся также эвтектический сплав (Ag + Cu в соотношении около 70 и 30 %), соответствующий северянской металлургической традиции.

Новгород-северские мастера уже в X в. применяли гончарный круг, о чем свидетельствуют массовые находки керамики разнообразных размеров и форм (рис. 5). Горшки конца X в. еще полностью выполнены приемами ручной лепки и лишь затем обработаны на медленном круге. В слоях X в. широко представлены и фрагменты лепной роменской посуды. Постепенного перехода от керамики первой группы ко второй на материалах Новгорода-Северского не прослеживается. Кружальная керамика появляется здесь, вероятно, в сложившемся виде. В дальнейшем гончарная посуда развивается в традиционных для Среднего Поднепровья параметрах.

В XII—XIII вв. в городе широко было развито производство плинфы, а также полихромных глазурованных плиток для мозаичных полов. Изготовление последних могло привести (как это случилось в Полоцке, Новгороде, Смоленске и, вероятно, во Владимире и некоторых других городах) к появлению местного производства стеклянных браслетов. Во всяком случае, специалисты подтверждают возможность изготовления браслетов из бесщелочного свинцово-кремнеземного стекла, являвшегося основным компонентом поливы, применявшейся для глазурования керамики [12].

Отдельные категории находок говорят о развитии в Новгороде-Северском и других ремесел: косторезного, камнерезного, дерево- и кожеобрабатывающего, ткацкого, скорняцкого и др. Где-то в окрестностях города велась добыча мела, широко использовавшегося при сооружении монументальных построек как в самом городе, так и в Чернигове, а карьер по добыче камня функционировал неподалеку от Замка еще в начале нашего столетия.

Высокий уровень развития торговых связей древнего Новгорода-Северского подтверждают археологические находки: бусы, вставки перстней из прибалтийского янтаря, пряслица из овручского шифера и обломки жерновов из вулканического туфа, восточные стеклянные

сосуды и бусы, стеклянные браслеты киевского и византийского производства, фрагмент византийского поливного орнаментированного блюда, цветной металл и, вероятно, некоторые типы изготовленных из него украшений. Частыми находками являются обломки византийских и киевских амфор, в которых доставлялись масло и вино.

Бурно развивается культура, еще не ставшая, к сожалению, предметом специального исследования. Б. А. Рыбаков убедительно доказал, что с Новгородом-Северским связаны несколько древнерусских хроник, из которых наиболее известной является летопись Поликарпа [13, с. 307—311; 14, с. 40—41]. Исследователю удалось выявить следы семейной хроники Игоря Святославича, известия из которой были включены, по его мнению, в свод 1190 г. [14, с. 179].

В начале XIII в. в городах Северской земли появляются замечательные архитектурные памятники, из которых наибольший интерес представляет Спасский собор Новгорода-Северского, являвшийся центром ансамбля Спасо-Преображенского монастыря. Предания и литературная традиция относят время возникновения монастыря, находившегося в 2 км ниже по Десне от города, к XI—началу XII в. [7, с. 2; 8, с. 195]. Никаких достоверных сведений о времени его построения не сохранилось; в древних письменных источниках он не упоминается. Около 1790 г. храм был разобран, а на его месте в 1791—1796 гг. по проекту Д. Кваренги воздвигнут новый большой собор в стиле классицизма. В 1954—1956 гг. Н. В. Холостенко произвел здесь раскопки и обнаружил остатки древнего памятника. Ему удалось вскрыть почти всю западную стену храма с западным притвором, а также, как он полагал, юго-западный угол южного притвора. Строительство храма исследователь относил ко второй половине XII в., а Г. Н. Логвин — ко времени Игоря Святославича (1180—1198 гг.).

Исследования памятника были возобновлены Новгород-Северской экспедицией в 1981—1983 гг. В ходе работ вскрыты все его участки, не уничтоженные фрагментами позднего собора, что позволило дать достаточно достоверную реконструкцию плана (рис. 7). Это была четырехстолпная трехапсидная церковь, имевшая наружные размеры 19,9 × 13,5 м и ориентацию оси 28—30°. Наружные стены имели толщину 1,6 м; толщина стен центральной апсиды — 1,25 м, стен боковых апсид — 1,15 м. В центральной апсиде имелась скамья-синтрон (горнее место). Для уточнения характера кладки и точной увязки всех частей здания при обмере была повторно вскрыта западная стена храма. Западный притвор, также ранее исследованный Н. В. Холостенко, повторно не вскрывался, кроме плохо сохранившейся паперти, нанесенной на его план очень схематично. Паперть примыкала к древнему храму не совсем симметрично.

Столбы храма крестчатые в плане, причем восточные столбы имели лопатки, сильно выступающие в сторону апсид. Столбы были расставлены очень широко, образуя большое подкупольное про-

Существование ювелирного ремесла подтверждается фрагментами глиняного тигля и литейных форм, изготовленных из местного известняка, выплесками цветных металлов, шлаками, обломками изделий. Анализ образцов, проведенный Р. С. Орловым с учетом стилистических и технологических признаков, в том числе методом количественного спектрального анализа, показал, что изготовившие их ювелиры в совершенстве владели производством украшений как из традиционных (Cu + Sn + Pb), так и из сложнокомпонентных (Cu + Sn + Pb + Zn) сплавов. Типы украшений, их орнаментальный декор так же, как и рецептура сплавов, в целом характерны для школ художественной металлообработки Среднего Поднепровья. Некоторые изделия изготовлены по северной (балтийской) рецептуре из сплава Cu + Zn + Pb. Применялся также эвтектический сплав (Ag + Cu в соотношении около 70 и 30 %), соответствующий северянской металлургической традиции.

Новгород-северские мастера уже в X в. применяли гончарный круг, о чем свидетельствуют массовые находки керамики разнообразных размеров и форм (рис. 5). Горшки конца X в. еще полностью выполнены приемами ручной лепки и лишь затем обработаны на медленном круге. В слоях X в. широко представлены и фрагменты лепной роменской посуды. Постепенного перехода от керамики первой группы ко второй на материалах Новгорода-Северского не прослеживается. Кружальная керамика появляется здесь, вероятно, в сложившемся виде. В дальнейшем гончарная посуда развивается в традиционных для Среднего Поднепровья параметрах.

В XII—XIII вв. в городе широко было развито производство плинфы, а также полихромных глазурованных плиток для мозаичных полов. Изготовление последних могло привести (как это случилось в Полоцке, Новгороде, Смоленске и, вероятно, во Владимире и некоторых других городах) к появлению местного производства стеклянных браслетов. Во всяком случае, специалисты подтверждают возможность изготовления браслетов из бесщелочного свинцово-кремнеземного стекла, являвшегося основным компонентом поливы, применявшейся для глазурования керамики [12].

Отдельные категории находок говорят о развитии в Новгороде-Северском и других ремесел: косторезного, камнерезного, дерево- и кожеобрабатывающего, ткацкого, скорняцкого и др. Где-то в окрестностях города велась добыча мела, широко использовавшегося при сооружении монументальных построек как в самом городе, так и в Чернигове, а карьер по добыче камня функционировал неподалеку от Замка еще в начале нашего столетия.

Высокий уровень развития торговых связей древнего Новгорода-Северского подтверждают археологические находки: бусы, вставки перстней из прибалтийского янтаря, пряслица из овручского шифера и обломки жерновов из вулканического туфа, восточные стеклянные

сосуды и бусы, стеклянные браслеты киевского и византийского производства, фрагмент византийского поливного орнаментированного блюда, цветной металл и, вероятно, некоторые типы изготовленных из него украшений. Частыми находками являются обломки византийских и киевских амфор, в которых доставлялись масло и вино.

Бурно развивается культура, еще не ставшая, к сожалению, предметом специального исследования. Б. А. Рыбаков убедительно доказал, что с Новгородом-Северским связаны несколько древнерусских хроник, из которых наиболее известной является летопись Поликарпа [13, с. 307—311; 14, с. 40—41]. Исследователю удалось выявить следы семейной хроники Игоря Святославича, известия из которой были включены, по его мнению, в свод 1190 г. [14, с. 179].

В начале XIII в. в городах Северской земли появляются замечательные архитектурные памятники, из которых наибольший интерес представляет Спасский собор Новгорода-Северского, являвшийся центром ансамбля Спасо-Преображенского монастыря. Предания и литературная традиция относят время возникновения монастыря, находившегося в 2 км ниже по Десне от города, к XI—началу XII в. [7, с. 2; 8, с. 195]. Никаких достоверных сведений о времени его построения не сохранилось; в древних письменных источниках он не упоминается. Около 1790 г. храм был разобран, а на его месте в 1791—1796 гг. по проекту Д. Кваренги воздвигнут новый большой собор в стиле классицизма. В 1954—1956 гг. Н. В. Холостенко произвел здесь раскопки и обнаружил остатки древнего памятника. Ему удалось вскрыть почти всю западную стену храма с западным притвором, а также, как он полагал, юго-западный угол южного притвора. Строительство храма исследователь относил ко второй половине XII в., а Г. Н. Логвин — ко времени Игоря Святославича (1180—1198 гг.).

Исследования памятника были возобновлены Новгород-Северской экспедицией в 1981—1983 гг. В ходе работ вскрыты все его участки, не уничтоженные фрагментами позднего собора, что позволило дать достаточно достоверную реконструкцию плана (рис. 7). Это была четырехстолпная трехапсидная церковь, имевшая наружные размеры 19,9 × 13,5 м и ориентацию оси 28—30°. Наружные стены имели толщину 1,6 м; толщина стен центральной апсиды — 1,25 м, стен боковых апсид — 1,15 м. В центральной апсиде имелась скамья-синтрон (горнее место). Для уточнения характера кладки и точной увязки всех частей здания при обмере была повторно вскрыта западная стена храма. Западный притвор, также ранее исследованный Н. В. Холостенко, повторно не вскрывался, кроме плохо сохранившейся паперти, нанесенной на его план очень схематично. Паперть примыкала к древнему храму не совсем симметрично.

Столбы храма крестчатые в плане, причем восточные столбы имели лопатки, сильно выступающие в сторону апсид. Столбы были расставлены очень широко, образуя большое подкупольное про-

странство, несколько вытянутое по продольной оси храма (5,6 × 5 м). В интерьере на стенах лопаток нет, а наружные лопатки имеют характер сложно и очень своеобразно профилированных пилястр.

Наиболее отличительной особенностью церкви было наличие на южном и северном фасадах не прямоугольных притворов, как считал Н. В. Холостенко, а полукружий, частично вскрытых в портике собора XVIII в. Несмотря на очень небольшую протяженность сохранившихся участков (около 70 см), совершенно очевидно, что они примыкали к основной стене храма не перпендикулярно, а под углом, вследствие чего должны были сомкнуться в виде полукруга. Доказательством, что здесь не было притвора, является сама величина пристройки — около 3 м, тогда как ширина западного притвора (по интерьеру) равна 5 м. Благодаря этой разнице, стены южной пристройки не лежат на линии подкупольных столбов, в то время как стены притворов всегда соответствуют внутренним столбам. Вероятно, Н. В. Холостенко ошибочно принял за профилированный угол юго-западного притвора остатки одного из склепов XVI—XVII вв. Стены древнего храма сложены из кирпичей-плинф в равнослойной технике. Наружная и внутренняя версты кладки выведены целыми кирпичами, а середина стены заполнена обломками и лекальными плинфами. Кирпичи заполения уложены горизонтально без какой-либо системы и перекрыты слоями жирного известкового с примесью цемянки раствора, общими для всей стены. Все плинфы хорошо формованы и обожжены, их цвет в большинстве красноватый. В сортаменте доминируют кирпичи 3,5 — 4,5 × 20,5 — 23 × 27 — 29 см, но достаточно часто (до 40 %) встречаются и более узкие — 14 — 16 × 21,5 — 23 см. Обнаружены лекальные кирпичи различных типов. Среди них чаще всего встречаются плинфы "каплевидной" формы, использовавшиеся для выкладки тонких полуколонок, и сегментные в четверть окружности.

На некоторых кирпичах имеются знаки на торцах или клейма на постелистой стороне (рис. 8, *4 — 35*). Среди последних особый интерес представляют клейма, которые Н. В. Холостенко считал оттисками княжеской печати: "трезуб Рюриковичей" с высокой средней мачтой и отрогом от нее вправо (10 экз.) или влево (3 экз.) (рис. 8, *4, 5*).

Фундамент сложен из больших камней на растворе, промежутки заполнены щебенкой. Местами он имеет слоистый характер с выравнивающими прослойками щебня. Глубина фундамента вместе с вымосткой — до 2,4 м, причем нижняя часть его впущена в материк. Фундамент придела представляет собой непосредственное продолжение фундаментов стен собора. Изучение наслоений внутри храма позволило прийти к выводу о том, что под здание был выкопан сплошной котлован глубиной около 50 см, а после закладки фундаментов он был засыпан. Очень вероятно, что храм имел также внутреннюю сетку ленточных фундаментов, хотя полностью проверить это предположение не удалось.

Пол в храме был кирпичным (размеры кирпичей 20 × 20 см, 21 × 21 см, 17—18 × 22—26 см), значительные его участки сохранились in situ. В центральной апсиде и западном притворе все кирпичи пола оказались покрытыми поливой желтого, зеленого, темно-вишневого, сине-черного цветов. Представлены и плитки с полихромным узором двух видов. Пол был настлан по тонкому слою суглинка, под которым лежали прослойки раствора, супеси и песка общей толщиной около 20 см.

Изнутри собор был богато расписан. В цветовой гамме представлены темно-красный, красно-коричневый, коричневый, синий, голубой, розовый, белый, серый, желтый, бледно-фиолетовый, лиловый цвета и их оттенки. Встречены фрагменты фресок с обрывками надписей-граффити на них. Найдены также обломки оконных стекол, обрывки медных цепочек и т.д. Особо отметим фрагмент бронзовой орнаментированной накладки, найденный в слое пожарища середины XVIII в. Вероятно, это фрагмент оклада иконы, выполненный из тонкого бронзового листа с позолотой. Геометрический и растительный орнамент нанесен в технике тиснения, с заполнением образовавшихся бороздок эмалью красного, белого и зеленого цветов (рис. 8, *1*).

Архитектурные формы и строительная техника Спасского собора позволяют датировать его первой третью XIII в. Чрезвычайно близкой аналогией плану этого здания (в несколько уменьшенном и упрощенном виде) является план церкви, раскопанной на детинце в Путивле (исследования Б. А. Рыбакова в 1965 г.). Появление у обоих храмов боковых полукружий было, очевидно, связано с требованием заказчика, пожелавшего, чтобы собор напоминал формы храмов почитаемой на Руси Святой горы (Афона).

В состав городской агломерации в какой-то степени входили, по-видимому, и некоторые пригородные открытые поселения (Сухомлиновка I и II к северо-западу от Заручья, Домотканово на северной окраине современного города, Вить на противоположном берегу Десны). Еще дальше располагались многочисленные княжеские села, в которых сосредоточивались несметные богатства, вызывавшие удивление летописцев. Так, в 1146 г. киевские и черниговские князья разграбили "имение" Святослава Ольговича и в принадлежавших ему дворах и селах захватили огромные запасы железа и меди, "готовизны много": "... не тягли бяхоуть от множества всего того вывозити"; меды и вина, табун в 400 коней и "кобыл стадных", сожгли гумно с 900 стогами хлеба, "пожгоша жита и дворы" и т.д. [5, стб. 331—333, 458].

Значительный экономический и военный потенциал позволял новгород-северским князьям проводить достаточно самостоятельную политику, а временами играть заметную роль в общерусских делах (принимать участие в борьбе за киевский престол, организовывать самостоятельные походы против половцев и т.д.). Вместе с тем во

второй половине XII в. происходит постепенное, но неуклонное ослабление Новгород-Северского княжества. В это время новгород-северские князья потеряли Сновскую тысячу — огромную территорию с городами Сновск, Стародуб, Ропеск и др., принадлежавшую им по решению Любечского съезда 1097 г. Упорное стремление новгород-северского князя возвратить себе хотя бы часть утраченной волости (военные столкновения 1167 и 1175 гг. из-за Стародуба) подтверждает ее значение. Тогда же под юрисдикцию черниговских князей перешла (полностью или частично) и Земля вятичей, в качестве компенсации за которую Ольговичи получили Посемье. И если в первой половине XII в. Новгород-Северское княжество соперничает с Черниговским, то во второй его половине уменьшенное территориальными урезками, ослабленное выделением уделов (Трубчевск, Курск, Рыльск), зависящее от наделений черниговского князя оно "...становится не только юридически, но и фактически младшим, вторым столом Черниговской земли" [15, с. 112]. Источники свидетельствуют, что сами князья зачастую рассматривали его лишь как ступень на пути к овладению черниговским столом.

Развитие Новгорода-Северского, как и многих других древнерусских центров, оборвало нашествие орд Батыя, о чем свидетельствуют открытые в разных частях городской территории следы запустения. В XIV в. Новгород-Северский попал под власть литовских феодалов, а с 1500 г. добровольно перешел под власть Московского государства.

ЛИТЕРАТУРА

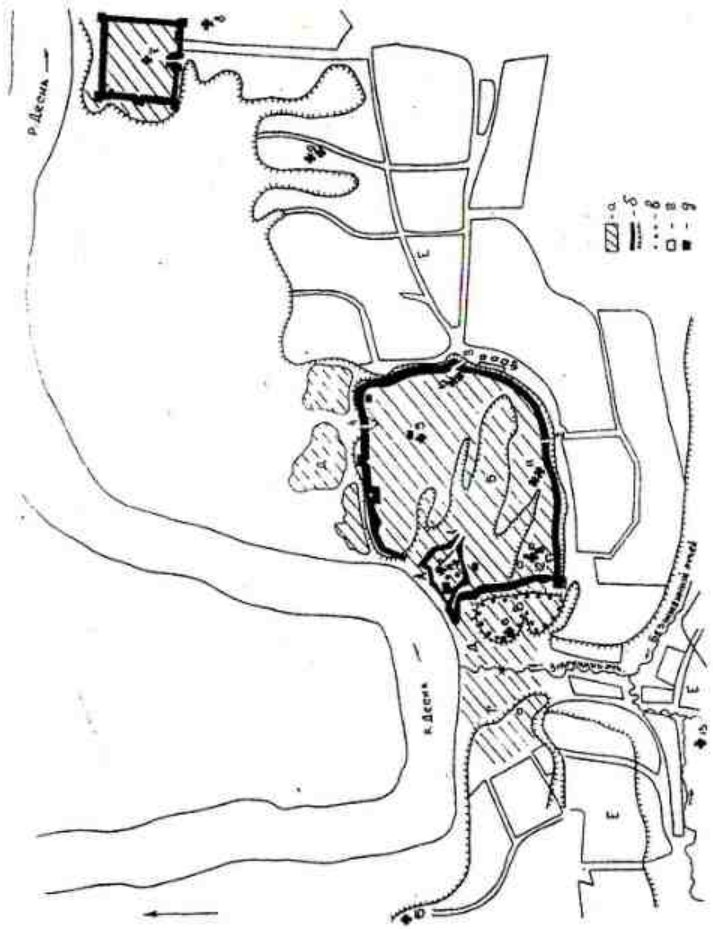
1. ПСРЛ. М.; Л. 1962. Т. 1.
2. Куза А.В., Коваленко В.П., Моця А.П. Чернигов и Новгород-Северский в эпоху "Слова о полку Игореве" // Историко-археологический семинар "Чернигов и его округа в IX-XIII вв.". Чернигов, 1985.
3. Моця А.П., Коваленко В.П. Новгород-Северский // Археология УССР. Киев, 1986. Т. III.
4. Толочко П.П. Древний Киев. Киев, 1983.
5. ПСРЛ. Т. II.
6. Арциховский А.В. Раскопки на Славне в Новгороде // МИА. 1949. № 11.
7. Рклицкий М. Город Новгород-Северский, его прошлое и настоящее. Чернигов, 1900.
8. Логвин Г.Н. Чернигов. Новгород-Северский. Глухов. Путивль. М.,1980.
9. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб. 1895. Т. 2.
10. Раппопорт П.А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. // МИА. 1956. № 52.
11. Вознесенская Г.А., Коваленко В.П. О технике кузнечного производства в городах Чернигово-Северской земли // Земли Южной Руси в IX—XIV вв. Киев, 1985.
12. Калюк А.П. Об экспорте стеклоделательного ремесла из Киевской земли в середине—второй половине XII в. // Чернигов и его округа в IX—XIII вв. Киев, 1988.
13. Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963.
14. Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор "Слова о полку Игореве". М., 1972.
15. Зайцев А.К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975.

Рис. 1. Схематический план Новгорода-Северского (по планам XVIII в. и материалам археологических исследований).

А — детинец, Б — окольный город XII—XIII вв., В — острог (?) XII—XIII вв., Г — заручье, Д — подол (?), Е — посады XVIII в.

а — площадь распространения древнерусского культурного слоя, б — укрепления XVIII в., в — границы острога, г — раскопы 1960—1962 гг., д — раскопы 1979—1984 гг.

1 — въезд на Замок, 2 — Черниговские ворота, 3 — Курские ворота, 4 — Водяные ворота, 5 — Успенский собор, 6 — церковь св. Николая, 7 — Спасский собор Спасо-Преображенского монастыря, 8 — Троицкая церковь, 9 — Крестовоздвиженская церковь, 10 — Воскресенская церковь, 11 — церковь Рождества Христова, 12 — церковь св. Варвары, 13 — церковь Благовещения, 14 — церковь Воскрешения Христова, 15 — Покровская церковь, 16 — кузницы



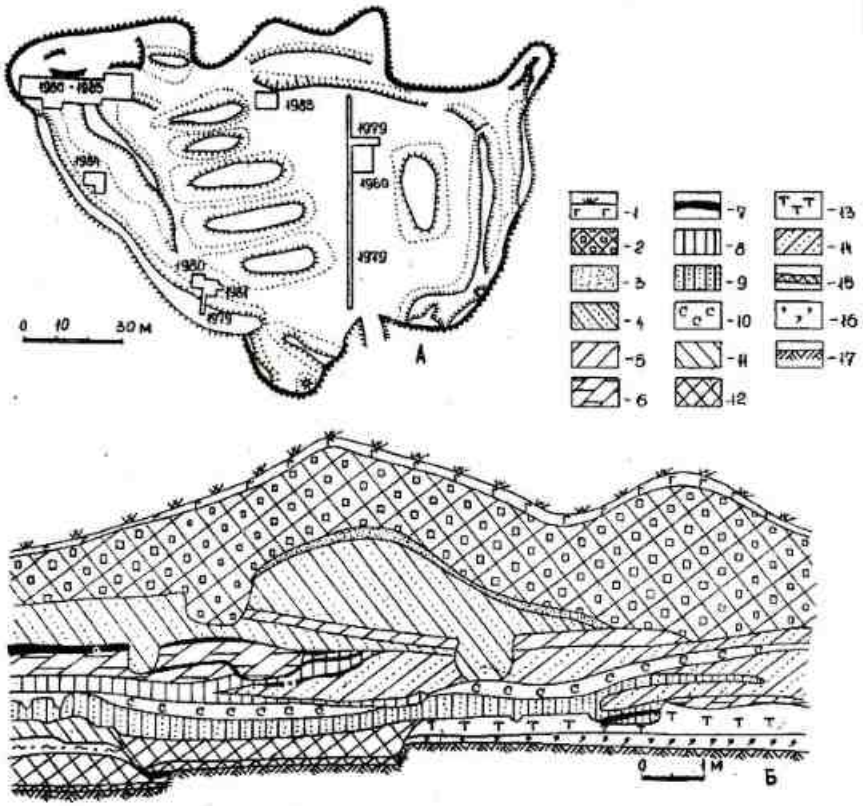


Рис. 2. Детинец Новгорода-Северского (городище Замок)
А — план детинца, Б — южный разрез вала детинца.
1 — дерновый слой, 2 — серый слой со строительным мусором, 3 — песок, 4 — серо-желтая супесь; 5 — серо-желтый суглинок, 6 — слой с меловой крошкой, 7 — горелый слой, 8 — бурый суглинок, 9 — серый золистый слой, 10 — светлая супесь, 11 — меловая крошка, 12 — заполнение жилищ, 13 — темно-коричневый слой, 14 — желтая супесь, 15 — глиняная подмазка полов, 16 — светло-коричневый слой, 17 — материк

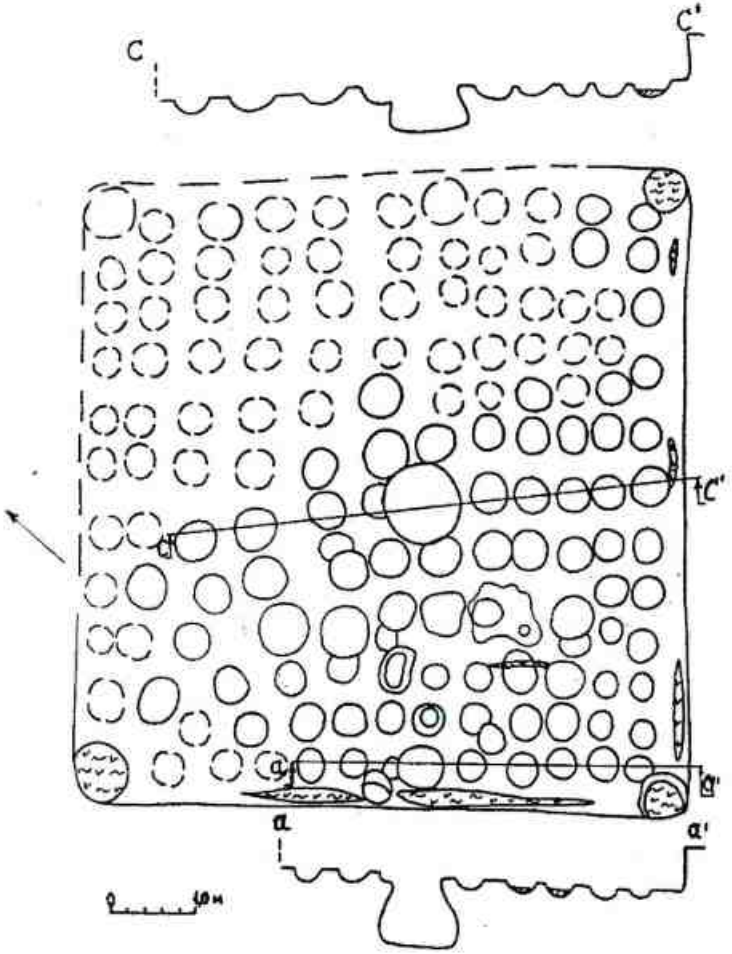


Рис. 3. План погреба-медуши на детинце

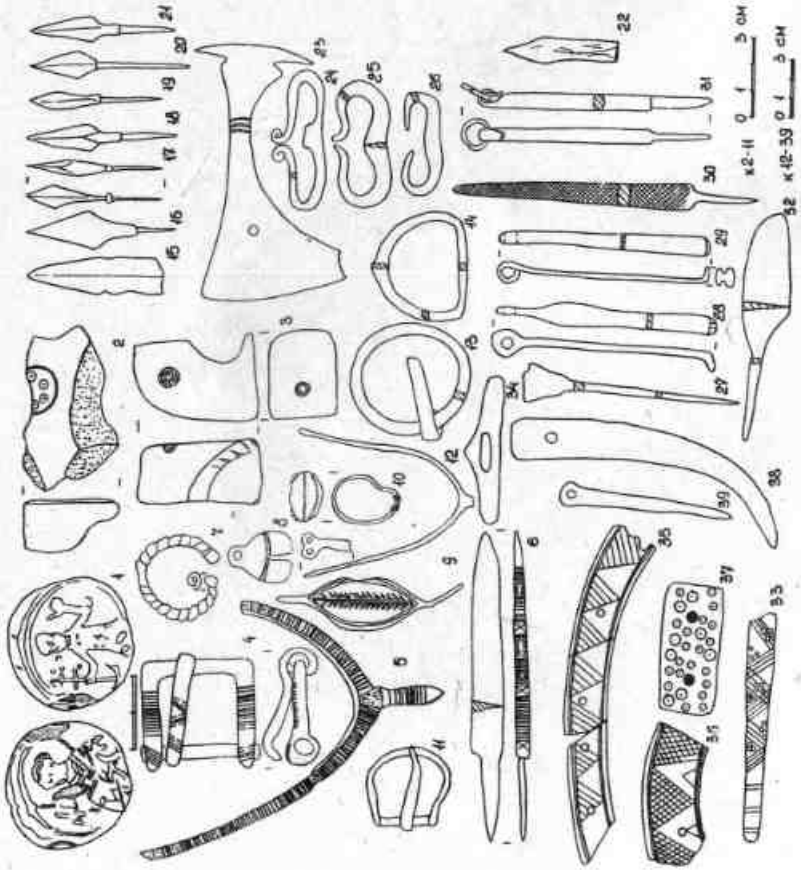


Рис. 4. Находки на детинце Новгорода-Северского

1 — свинец, 2, 3 — камень, 4, 5 — железо, медь; 6 — железо, серебро; 7—11, 33 — бронза; 12—32 — железо; 34—39 — кость

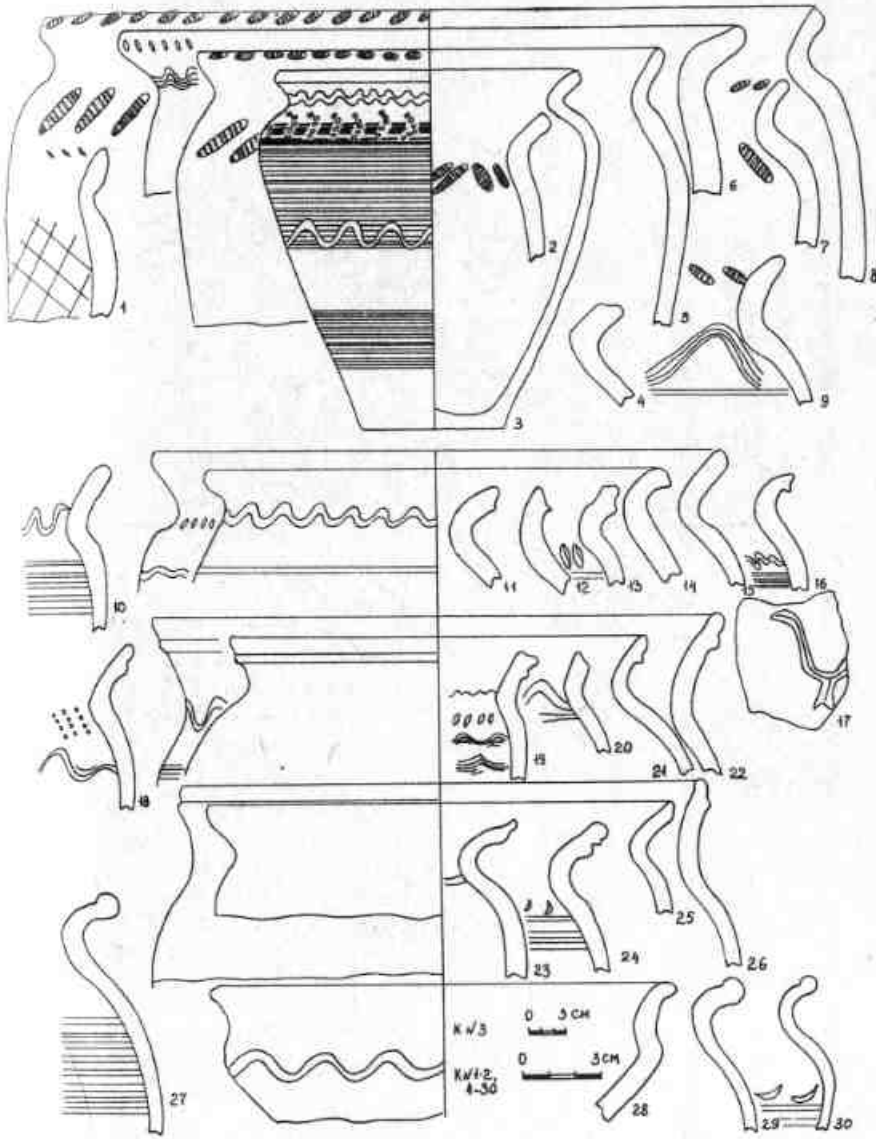


Рис. 5. Керамика IX—XIII вв. из раскопок на детинце Новгорода-Северского

1—9 — IX — середина X в.; 10—17 — вторая половина — конец X в.; 18—26 — XI в.; 27—30 — XII — середина XIII в.

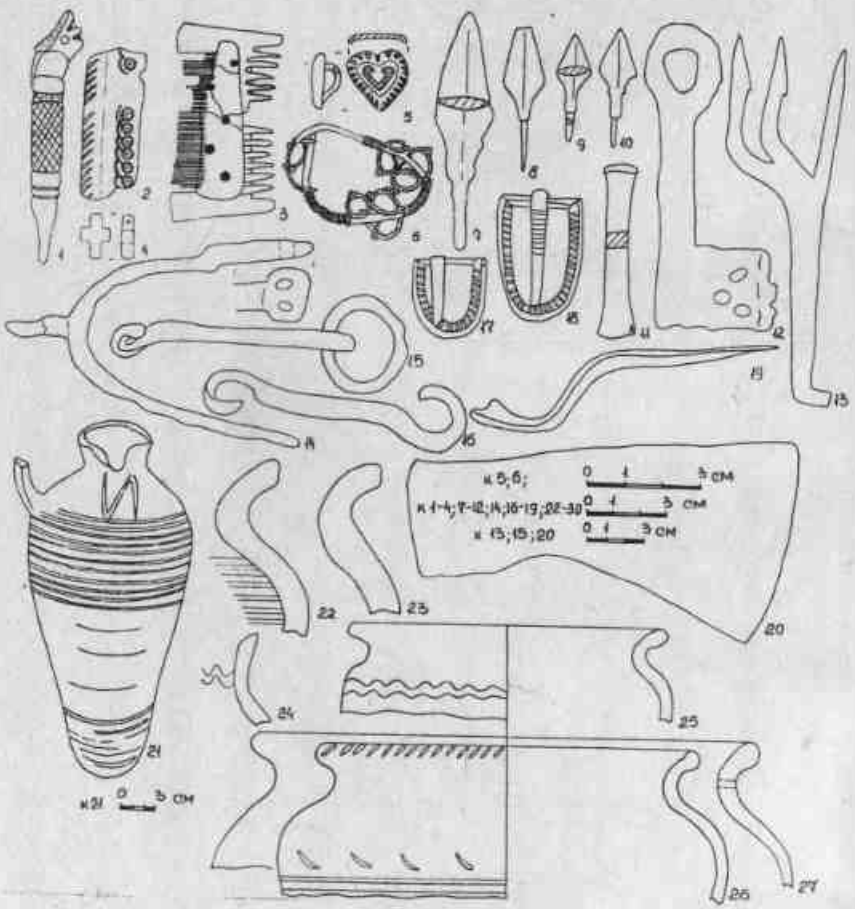


Рис. 6. Находки из раскопок на посаде Новгорода-Северского
1—3 — кость; 4 — камень; 5, 17, 18 — бронза; 6 — серебро; 7—16, 19, 20 — железо; 21—27 — керамика

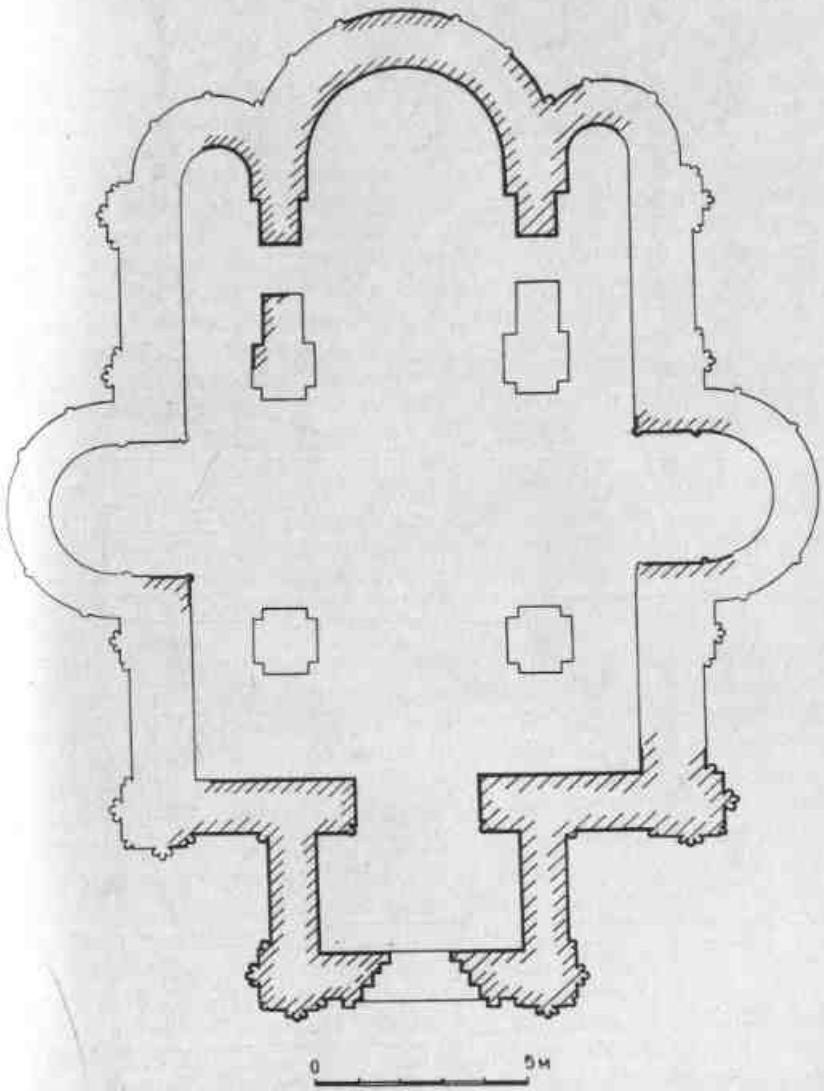


Рис. 7. План Спасского собора в Новгороде-Северском (реконструкция П. А. Раппопорта)

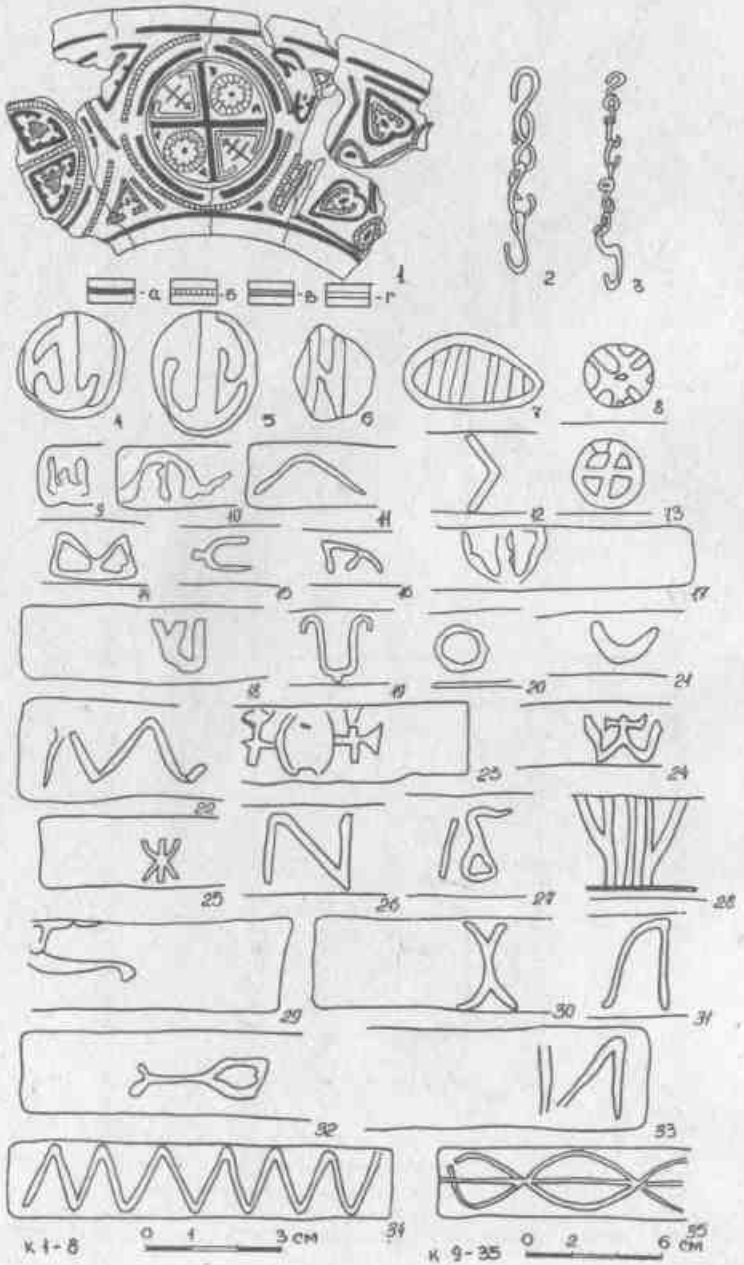


Рис. 8. Находки из раскопок в Спасском соборе
1 — позолоченная бронза с многоцветной эмалью (а — красная эмаль, б — синяя, в — зеленая, г — белая); 2, 3 — изделия из бронзы; 4—8 — клейма на плинфе, 9—35 — знаки на плинфе

ДРЕВНЕРУССКОЕ СЕМИЛУКСКОЕ ГОРОДИЩЕ
(материалы раскопок 1987—1993 гг.)

Семилукское городище на р. Дон исследуется экспедицией Воронежского университета с 1984 г. Напомним, что оно расположено в черте г. Семилуки Воронежской области и занимает мыс правого берега р. Дон, высота которого превышает 45 м. Площадка городища вытянутой формы в настоящее время имеет длину до 200 м и ширину до 65—70 м (рис. 1). С напольной стороны площадка городища ограничена рвом и валом. Единый комплекс с городищем составляет неукрепленное поселение. Результаты раскопок 1984—1986 гг. опубликованы [1]. В настоящей работе в научный оборот вводятся материалы древнерусского времени из раскопок памятника в 1987—1993 гг. Причем, если в предшествующей публикации была дана обобщающая характеристика полученных материалов, то в данной статье основное внимание уделено характеристике строительных комплексов.

В 1987, 1988, 1990, 1992, 1993 гг. на площадке городища раскопами 5, 6, 8, 9, 11, 12 вскрыта площадь 2000 кв.м. (рис. 1; 2). Общая площадь, исследованная на площадке городища с 1984 г., составила 3338 кв.м. В пределах перечисленных раскопов выявлено девять построек (№ 20, 21, 23, 24, 27, 29, 30, 32, 33) и несколько хозяйственных ям (№ 65, 73, 84, 102, 120, 125).

Постройка *20* (рис. 3, *1*) располагалась в западной части раскопа 5. Постройка наземная, имела прямоугольную форму размерами примерно 4,2 × 4,8 м. Длинной осью постройка ориентирована по линии ЮЮВ—ССЗ. В юго-западной части постройки находилась подпольная (предпечная) яма I. Глубина ямы в материковом основании 0,34 м, а от уровня пола постройки — примерно до 0,6 м. Северная часть ямы менее глубокая, с этой стороны в нее был вход. Глинобитная печь, видимо, стояла на опечке у южного края ямы или над ним. Именно в этой части ямы фиксировалась наиболее мощная золисто-угольная прослойка.

В юго-восточной части постройки выявлена округлая яма II, диаметром 0,56 м и глубиной в материковом основании 0,12 м.

В заполнении предпечной ямы найдены три глиняных рыболовных грузила, пряслице из стенки сосуда, обломки гвоздя и железного предмета, фиолетовая стеклянная бусина винтообразной формы (рис. 3, *4*), фрагменты от двух крученых стеклянных браслетов (один из них — фиолетового цвета — рис. 3, *5*), бронзовый орнаментированный пластинчатый браслет с обломанным концом (рис. 3, *2*),

© Пряхин А. Д., Цыбин М. В., 1996

бронзовая проволока (рис. 3, *3*). В основании предпечной ямы зафиксирован развал древнерусского горшка (рис. 3, *6*), а в ее заполнении — фрагменты примерно еще от 14 сосудов (рис. 3, *7—18*).

С площади постройки происходят каменный оселок и фрагменты примерно от 35 горшков.

К юго-востоку от постройки находилась хозяйственная яма (№ 73) овальной формы размерами 0,95 × 0,72 м, глубиной в материке 0,4 м.

Постройка *21* (рис. 4, *1*), исследованная в северо-восточной части раскопа *5*, наземная, прямоугольной формы, размерами около 3,9 × 4,7 м. Южный угол постройки уходит под неисследованную площадь, занятую посадкой деревьев. Углами постройка ориентирована по сторонам света.

Примерно в центре постройки, ближе к ее восточному углу, находился погреб (яма I). Он имел подквадратную форму, размерами 1,8 × 1,84 м. В восточном углу погреба — полукруглый выступ. Глубина погреба в материке до 1,04 м, а от уровня пола постройки — примерно до 1,4 м. По всей длине юго-западной стены погреба имелась ниша, углубленная в стену до 0,2 м. В нише зафиксированы остатки деревянной плашки. Скорее всего, ниша служила для крепления деревянной конструкции. Небольшая ниша имелась в этой же стенке погреба у его основания. В полукруглом выступе восточного угла погреба на его основании зафиксировано скопление больших кусков обожженной глиняной обмазки с отпечатками прутьев и деревянных брусков. Скопление кусков глиняной обмазки и углей имело размеры около 0,5 × 0,6 м и толщину 0,2 — 0,3 м. Оно представляет собой остатки упавшей в погреб глинобитной печи, которая, видимо, стояла на деревянном опечке в восточном углу постройки.

Интересен керамический комплекс из заполнения погреба. Он включает фрагменты примерно от 16 горшков (рис. 4, *2—8, 11, 12, 14—20*) и трех мисок (рис. 4, *9, 10, 13*). Из заполнения погреба, а также с площади постройки происходят три глиняных рыболовных грузила, железный стержень, обломок гвоздя.

Следует подчеркнуть, что постройка *21* и исследованный в 1986 г. погреб (яма 50) составляют один комплекс (рис. 2).

Постройка *23* (рис. 5) располагалась в северо-восточной части раскопа *6*. По размерам, особенностям конструкции она выделяется среди других построек городища. Основная часть постройки представляла собой котлован подквадратной формы размерами 3,2 × 3,3 м. Длинной осью он ориентирован по линии ЮЗ—СВ. Котлован углублен в материковое основание до 1,1 м. Но его заполнение фиксировалось уже с основания первого пласта слоя (толщина пласта — 0,2 м), поэтому общая глубина котлована могла достигать 1,4 м.

Вдоль северо-западной, юго-восточной, а также частично северо-восточной стен в основании котлована прослежены канавки, предназначенные для крепления деревянной обшивки стен. Ширина канавок 0,1—0,14 м, глубина до 0,17 м. В углах котлована выявлены столбовые ямки овальной формы, размерами до 0,2 × 0,3 м, глубиной до 0,35 м. Еще две столбовые ямки выявлены у северо-восточной стены котлована. Они овальной формы, размерами 0,2 × 0,26 м, глубиной соответственно 0,27 и 0,28 м. У южного угла котлована выявлена яма округлой формы диаметром 0,44 и глубиной 0,08 м. У северо-западного края котлована есть приступка размерами 1,3 × 0,46 м. От уровня материкового основания она углублена до 0,73 м. К юго-западной стенке котлована примыкает "ниша" размерами по дну 2 × 1,5 м. Ее основание находится ниже уровня материкового основания на 0,66 м.

К котловану с северо-восточной стороны примыкает "коридор" (переход) подпрямоугольной формы, размерами 2,7 × 2 м. Ко дну размеры его уменьшаются. Глубина "коридора" от материка до 1,1 м. В его основании фиксировались две канавки от деревянной облицовки. Их ширина до 0,14 м, глубина 0,02—0,03 м. В площади "коридора", кроме того, зафиксирована яма I, углубленная в его основание. Яма I имела овальную форму размерами 1,08 × 0,8 м, глубиной 0,3 м. С северо-восточной стороны к яме примыкает материковая приступка размерами 0,72 × 0,9 м, ее глубина 0,15 м.

Далее к северо-востоку к "коридору" примыкает яма II, являвшаяся погребом. На уровне материкового основания она имела подпрямоугольную форму, размерами 2,24 × 2,4 м. К основанию яма приобретает овальную форму, размерами 1,8 × 1,46 м. Глубина ямы в материке до 1,21 м. К яме II с северо-востока примыкает яма III, овальной формы, размерами 1,1 × 0,74 м, глубиной до 0,6 м.

Значительный интерес для понимания конструктивных особенностей постройки имеет характер заполнения котлована. В его основании фиксировалась черноземная прослойка с включением углей, толщиной 0,06—0,08 м. Выше залегал слой плотной глины (толщиной до 0,5 м) с включениями чернозема. Выше слоя глины находился слой чернозема с включениями угля, кусочков глины, обожженной глины. Мощность этого слоя до 0,4 м. Включения кусочков обожженной глины обильны в верхней части этого слоя. Выше залегало несколько отличающееся по цвету черноземное заполнение. В нем встречены включения обожженной глины.

Не исключено, что первоначально существовал лишь один котлован. Впоследствии к нему пристраивается рассмотренная выше система ям. Пол же котлована поднимается за счет перемещения в него глины из сооружаемых ям. Уровень верхней части глиняного слоя в заполнении котлована, видимо, представляет собой уровень его основания на этом этапе функционирования постройки.

Заполнение "коридора" (перехода) и ям, примыкавших к котловану, представляет собой чернозем с включениями глины, обожженной

глины, угля, золы. Причем профиль через яму II свидетельствует о естественном заполнении этой части постройки после прекращения ее функционирования.

Есть основания полагать, что над котлованом постройки находился жилой этаж. Именно с него в котлован упали остатки глинобитной печи. Они концентрировались в заполнении ниши и у юго-западной стены котлована, причем залегая в черноземном заполнении выше глиняного слоя.

Размеры постройки, очевидно, превышали фиксируемые размеры котлована. Но она располагалась на площадке с уклоном, поэтому ее остатки за пределами площади котлована и примыкающих к нему ям отчетливо не прослеживаются.

Переходя к рассмотрению керамики из заполнения котлована, подчеркнем, что оно фиксировалось с основания первого пласта слоя, поэтому материалы из второго пласта слоя мы относим к первому пласту заполнения котлована. В заполнении котлована встречены фрагменты примерно от 85 древнерусских горшков (рис. 6,1—*83, 85, 86*). Они находились в первом—пятом пластах заполнения и представлены всеми пятью выделенными на городище типами (подробнее о типологии керамики городища см.: [1, с. 97]. Сколько-нибудь заметных изменений в характере керамики из разных пластов заполнения не прослеживается. Примечательно, что в нижней части пятого, шестом, верхней части седьмого пласта материалов нет. Это понятно, поскольку они соответствуют слою плотной глины, которая попала в котлован, скорее всего, в результате сооружения примыкавших к нему ям.

На дне котлована, под упомянутым глиняным слоем зафиксированы фрагменты от семи древнерусских горшков (рис. 6, *87—93*), а также днище и несколько стенок от лепных сосудов боршевского типа (рис. 6, *94*). Фрагмент боршевского сосуда с веревочным орнаментом встречен в пятом пласте (рис. 6, *84*). В заполнении котлована, кроме того, встречена серия из девяти фрагментов днищ с клеймами, по крайней мере, четырех—пяти форм.

Древнерусская керамика, аналогичная встреченной в заполнении котлована, найдена в заполнении "коридора" (рис. 7, *1—11*), ямы I (рис. 7, *14*), ямы II (рис. 7, *16—18, 20—30, 33—35, 37—41, 43—46*), ямы III (рис. 7, *48—59*). Следует отметить, что в заполнении ямы I встречена керамика боршевского типа (рис. 7, *12, 13*), аналогичная керамика есть и в заполнении ямы II (рис. 7, *15, 19, 31, 32, 36, 42*). Фрагменты боршевской миски встречены и в яме III (рис. 7, *47*). Большая часть этого сосуда выявлена в слое на прилегающей к постройке площади.

Основная масса находок из постройки — это глиняные рыболовные грузила и их обломки (40 экз.) (рис. 8, *14—16*), железные ножи (3 экз.) (рис. 8, *1, 2*), гвозди (7 экз.) (рис. 8, *4, 5*). Среди находок есть фрагмент бронзовой проволоки (рис. 8,*7*), бронзовый решетчатый

трехзигзаговый перстень (рис. 8, *8*), абсолютно идентичный найденному ранее [1, рис. 8, *4*], железное ушко от котла (рис. 8, *3*), стеклянная бусина, глиняное пряслице (рис. 8, *17*), каменный оселок (рис. 8, *13*), костяное орудие (рис. 8, *12*), два амулета из клыков (рис. 8, *10, 11*), причем один из них найден в яме II рядом с черепом собаки. Видимо, с постройкой можно связать вещи, найденные в слое рядом с котлованом и ямами. Среди них отметим бронзовый браслет, скорее всего, прибалтийского происхождения (рис. 8, *9*), дужку от навесного цилиндрического замка (рис. 8, *6*).

Подводя итоги описанию постройки *23*, отметим, что она по своим размерам, конструктивным особенностям и составу находок выделяется среди других построек городища. Думается, можно предполагать высокий социальный статус владельца этого жилища.

Постройка *24* (рис. 9, 1), расположенная в западной части раскопа 6, наземная, квадратной формы, со сторонами длиной около 5,2 м. Ориентирована углами по сторонам света. У южного угла находилась яма I, являвшаяся предпечной. Она имела овальную форму размерами 2,9 × 1,85 м, ориентирована по линии ЮЗ—СВ. Глубина ямы в материке до 0,8 м, а от уровня пола постройки — до 1 м. Северо-восточная часть ямы более глубокая. В ее основании зафиксированы сбугливщиеся плашки, представлявшие собой перекрытие нижней части ямы. Концы некоторых плашек лежали на уступе, на который это перекрытие и опиралось. Над менее глубокой юго-западной частью ямы, видимо, на деревянном опечке находилась глинобитная печь. Об этом свидетельствует заполнение этой части ямы, в котором фиксировался толстый слой (до 0,25 м) прокаленного песка, золы, углей, кусков обожженной глины (печины).

В заполнении ямы найдены фрагменты примерно от 35 древнерусских горшков (рис. 9, *3—37*), а также фрагменты двух днищ с клеймами. Кроме керамики в заполнении ямы I и на площади постройки найдены пряслице из стенки древнерусского сосуда, железная фигурная накладка (рис. 9, *2*), каменная наковальня, обломки глиняных рыболовных глузил.

Вероятно, с постройкой *24* связаны две хозяйственные ямы (№ 84, 102).

Постройка *27* (рис. 10, *1*), расположенная в восточной части раскопа *8*, являлась наземной, имела прямоугольную форму, размерами примерно 4,7 × 4,1 м. Постройка ориентирована длинной осью по линии ЮЮВ—ССЗ. Ближе к юго-восточному углу постройки находилась яма I, являвшаяся предпечной. Причем нужно отметить, что заполнение и контуры ямы фиксировались со второго пласта культурного слоя. Яма имела овальную форму, размерами 2,7 × 1,55 м. Длинной осью яма ориентирована по линии С—Ю. Южная часть ямы овальной формы, размерами 1,55 × 1,22 м, более глубокая, чем северная. Глубина ямы I в южной части от уровня материка 0,56 м, а от уровня пола постройки (примерно уровень основания первого пласта

слоя) до 0,95 м. К верхней части заполнения ямы I отнесены материалы из второго, третьего пластов культурного слоя, а к нижней — из заполнения ямы в материке. Заполнение ямы представляет собой темный чернозем в нижней части с включениями золы, обожженной глины, кусков печины (особенно в южной части). Над южной частью ямы, видимо, на деревянном опечке находилась глинобитная печь, о чем свидетельствует заполнение этой части ямы. В заполнении ямы найдены фрагменты примерно от десяти древнерусских горшков (рис. 10, *3—6, 13*), развалы двух горшков (рис. 10, *11, 12*), фрагмент миски (рис. 10, *7*), верхняя часть пифосообразного сосуда (рис. 10, *2*). Отметим также пять фрагментов днищ с клеймами (рис. 10, *8—10*). В яме найдены два обломка глиняных грузил, железный нож (рис. 10, *18*), обломок ножа (рис. 10, *19*).

С площади постройки происходят фрагменты примерно от ста древнерусских сосудов, железный нож (рис. 10, *16*), обломок гвоздя, фрагмент железной скобы, одно целое и два обломка глиняных грузил, часть костяной трубочки (рис. 10, *17*).

Постройка *29* (рис. 11, *1*), расположенная в северо-западной части раскопа *8*, исследована не полностью. Постройка наземная, имела прямоугольную форму, ее длина превышает 6 м, ширина составляет 4,7 м. Длинной осью постройка ориентирована по линии ЮВ—СЗ. У северо-восточной и юго-восточной стен постройки зафиксированы крупные плоские камни. Ближе к южному углу постройки расположена яма I, являвшаяся подпечной. Яма имела округлую форму диаметром 1,5 м, ее глубина в материке — до 0,5 м. Заполнение — чернозем с включениями кусков обожженной глины, угля, печины. Остатки печи, упавшие в яму, находились в виде скопления печины на высоте 0,3 м от дна ямы. В верхней части ямы найдена половина морской ракушки (рис. 11, *31*), в нижней части — фрагменты от четырех горшков (рис. 11, *2—5*).

В северо-западной части постройки 29 частично изучен погреб (яма II). Ширина выявленной части — 1,85 м, глубина в материке — до 0,6 м. Заполнение — чернозем, в нижней части с включениями золы и углей. В яме II найден фрагмент голубого стеклянного браслета (рис. 11, *30*), фрагменты примерно от десяти горшков (рис. 11, *6—15*).

С площади постройки происходят: рыболовный крючок (рис. 11, *19*), фрагменты двух гвоздей, три целых (рис. 11, *20, 21*) и фрагменты еще от шести грузил. Найдены также фрагменты от четырех стеклянных браслетов зеленого, синего и коричневого цветов (рис. 11, *26—29*). Отметим железный нож (рис. 11, *22*), железный наконечник стрелы (рис. 11, *25*), пружину от навесного цилиндрического замка (рис. 11, *23*). На площади постройки встречены фрагменты примерно от 110 горшков, а также три фрагмента днищ с клеймами (рис. 11, *16—18*).

Постройка *30* (рис. 12, *1*) изучена на площади раскопа *9*. Постройка наземная, прямоугольной формы, размерами 5,5 × 4,5 м. Длинной осью ориентирована по линии СВ—ЮЗ. В западном углу постройки находилась яма I, являвшаяся подпечной. Яма имела овальную в плане форму. Ее размеры 2,3 × 1,6 м, глубина в материке — до 0,65 м. На глубине 0,28—0,35 м от уровня материка в яме выявлена приступка вдоль южной, западной и восточной стен, а в северной части ямы в ее дне зафиксировано углубление овальной формы, размерами 0,84 × 0,64 м и глубиной до 0,24 м. Заполнение ямы не однородно. В верхней части в центре ямы зафиксирована линза золы мощностью до 0,2 м, вдоль южной стенки выявлена прослойка мешаного с черноземом суглинка. Остальная часть ямы была заполнена черноземом. В основании черноземного слоя над углублением в дне зафиксированы остатки обгоревших плах или досок, лежавших поперек длинной оси ямы. Само углубление заполнено черноземом с обильными включениями углей. Из ямы происходят фрагменты примерно от 18 сосудов (рис. 13, *1—3*), обломок стеклянного браслета (рис. 13, *21*), костяная трубочка-рукоять (рис. 13, *18*), а также 17 глиняных рыболовных грузил и их обломков. Причем только одно из них оказалось целым. Остальные представлены фрагментами. Характер их изломов таков, что возможно интерпретировать их как производственный брак.

В южном углу постройки находилась яма II (погреб). При зачистке она фиксировалась как черное пятно правильной квадратной формы, окруженное кольцом пестроцвета. Как удалось проследить при разборке ямы, это связано с особенностями ее конструкции. Яма в плане представляла собой почти правильный квадрат со скругленными углами. Размеры ямы 1,6 × 1,55 м, глубина в материке до 0,55 м. Вдоль восточной стены ямы на глубине около 0,3 м от уровня материка зафиксирована ступенька шириной до 0,15 м. Десятью сантиметрами ниже, уже вдоль восточной и северной стенок, выявлена еще одна аналогичная ступенька. Заполнение ямы не однородно. Вверху, в центральной части, фиксировалась прослойка золы толщиной 0,15—0,18 м. Остальная ее часть до границы с пестроцветом заполнена черноземом. Граница с пестроцветной глиной фиксировалась хорошо и подчеркивалась кусками обгоревшего дерева. Очевидно, в сооруженную яму была установлена деревянная конструкция, а промежутки между ней и стенками ямы были заполнены взятой из нее же глиной. Отметим также, что на дне ямы были обнаружены лежавшие в форме подковы остатки каолиновой глины, аналогичной той, из которой на городище изготовлена большая часть керамики, а также грузила, найденные в описываемой постройке.

В яме II найдены фрагменты примерно от 8—9 сосудов (рис. 13, *4—6*), сильно сточенное лезвие железного ножа, обломок железного изделия, просверленный клык-амулет (рис. 13, *19*), два крупных и восемь мелких фрагментов рыболовных грузил.

С площади постройки происходят венчики примерно 26 сосудов,

четыре фрагмента днищ с клеймами (рис. 13, *7—10*), причем три из них получены с одной матрицы (рис. 13, *8—10*). Найдены также черенок от ножа, обломок гвоздя и рыболовный крючок (рис. 13, *11*), голубая стеклянная бусина с навитой золотой лентой (рис. 13, *22*), обломок стеклянного браслета (рис. 13, *20*). Обращает на себя внимание многочисленность грузил (17 экз.) (рис. 13, *12—16*) и их крупных фрагментов (12 экз.). Причем подавляющая их часть найдена в восточном углу постройки, что позволяет предполагать нахождение здесь сети.

Владелец жилища, видимо, профессионально занимался рыбной ловлей. Изготавливаемые грузила обжигались в печи постройки, в результате чего брак попадал в подпечную яму (яма I). Яма II использовалась как погреб, в котором хранилась и глина для производства грузил. По какой-то причине в погреб стали ссыпать золу из печи или из подпечной ямы, в результате чего обломки грузил попали в него. Отметим, что постройка, аналогичная выше описанной по количеству грузил, найденных в ней, исследована ранее (постройка *2* раскопа *2*, 1985 г.)

С постройкой *30* связаны две хозяйственные ямы (№ 120, 125). Яма № 120 находилась к югу от постройки. Она имеет форму, близкую к прямоугольной (рис. 12, *2*), размером 0,9 × 0,7 м. В материк до 0,14 м было углублено только основание ямы. В ней были найдены стенки от древнерусских сосудов и фрагмент щитковосрединного печатного серебряного перстня с изображением древа жизни (рис. 13, *28*). Аналогичный перстень найден в Новгороде в слое 90-х гг. XII — начала XIII в. [2, с. 137, рис. 50, *11*].

Яма № 125 находилась к юго-западу от постройки *30*. Яма в плане овальной формы, размером 1,6 × 2,25 м, углублена в материк до 0,65 м (рис. 12, *3*). На глубине около 0,4 м по периметру ямы идет приступка, особенно широкая в ее северной части, после чего яма приобретает квадратные очертания и в этой части углублена еще на 0,3—0,32 м. До уровня приступки яма заполнена однородным черноземом, аналогичным вышележащему слою. Нижняя часть ямы заполнена более темным черноземом. В яме найдены венчики не менее 15 сосудов (рис. 13, *23—27*), фрагмент днища с клеймом, обломок железного гвоздя.

Постройка *32*, зафиксированная на площади раскопа *11*, является наземной. Ее контур выявлен по распространению гвоздей, учитывалось также распространение в слое кусочков обожженной глиняной обмазки. Примерная длина постройки по линии ЮВ—СЗ — 4,75 м, ширина 4 м. Остатков отопительного устройства на площади постройки не обнаружено, поэтому можно предположить, что она имела хозяйственное назначение. С постройкой могут быть связаны железные гвозди и их обломки (7 экз.) (рис. 14, *1—4*), три обломка глиняных грузил, заготовка пряслица из стенки древнерусского сосуда, железный наконечник стрелы (рис. 14, *5*), часть навесного цилиндрического замка (рис. 14, *6*), фрагмент оплавленного пластинчатого браслета (рис. 14, *7*), фрагмент оплавленного витого браслета. Особый интерес представляет первая на городище находка бронзового крестика (рис. 14, *8*). На площади постройки найдены фрагменты примерно от сорока древнерусских горшков (рис. 14, *9—14*).

Постройка *33*, также выявленная в площади раскопа *11*, является наземной. Ее примерные контуры определяются по распространению гвоздей, положению остатков отопительного устройства. Постройка имела прямоугольную форму размерами 5,25 × 3,5 м, ориентирована длинной осью по линии ЮВ—СЗ. Юго-восточный угол постройки, видимо, уходит за борт раскопа. В северо-восточной части постройки зафиксированы остатки отопительного устройства в виде скопления плиток ракушечника. Длина скопления 2,5 м, ширина до 1,5 м. Камни залегали на слое чернозема в 0,3—0,35 м от уровня материка. Плитки ракушечника имели в разломе красноватый оттенок. Обжиг нескольких плиток ракушечника, принесенных с берега Дона, показал, что такой оттенок появляется после пребывания ракушечника в огне. Поэтому можно полагать, что рассмотренное скопление камней представляет собой остатки отопительного устройства (печи ?).

С постройкой связываются грузило, точильная плитка, гвозди и их фрагменты (9 экз.) (рис. 14, *15—18*), два фрагмента железных скоб, бронзовое украшение (рис. 14, *19*). На площади постройки найдены фрагменты примерно от 35 древнерусских горшков (рис. 14, *21—26*), в том числе и развал горшка с клеймом на днище (рис. 14, *20*), два фрагмента днищ с клеймами (рис. 14, *27, 28*).

Подводя итог рассмотрению строительных комплексов, выявленных в 1987, 1988, 1990, 1992 гг., отметим, что все обнаруженные на площадке городища жилища являются одновременными. Планиграфическое изучение гончарных клейм показало, что в большинстве исследованных построек найдены клейма с одной матрицы. В частности, это относится к клейму в виде солярного знака (рис. 11, *17*; 13, *8—10*; 14, *28*).

Перейдем к характеристике вещевого комплекса, происходящего из культурного слоя. Среди орудий труда по многочисленности выделяется серия железных ножей, сохранившихся полностью или частично (21 экз.) (рис. 15, *1—5*). По форме и размерам они аналогичны найденным в предшествующие годы. Отметим лишь, что с материалами боршевского типа связана находка ножа с волютообразным окончанием ручки (рис. 15, *6*).

Интересна находка топора (рис. 15, *7*). Его длина 32 см, толщина лезвия до 1,7 см, ширина 4 см, диаметр обушного отверстия 3,5 см. Такой формы топоры использовались для бортного промысла. Их частые находки известны на мордовских памятниках XII—XIV вв. [3, табл. XLIV, *20*]. Найдена также часть другого топора (рис. 15, *8*).

Из других находок отметим долотце (рис. 15, *9*), токарный резец (рис. 15, *10*). Тремя экземплярами представлены железные пробой-

ники (?) (рис. 15, *11—13*). Найдены шило и иголка (рис. 15, *14, 15*). Гвозди и их фрагменты представлены почти 60-ю экземплярами.

Рыболовные крючки найдены в количестве 8 штук. Пять из них предназначались для лова на жерлицы, донки, закидушки (рис. 15, *16—20*), а три — для лова рыбы на удочку (рис. 15, *21, 22*). С рыболовством связаны и находки большого количества глиняных рыболовных грузил и их фрагментов (более 100 экз.).

Четырьмя экземплярами представлены наконечники стрел: три черешковых (рис. 16, *1, 2, 4*), один — втульчатый (рис. 16, *3*). К снаряжению коня относятся удила с трензельными кольцами (рис. 16, *5*). Отметим находку дужки и ключа от навесного цилиндрического замка (рис. 16, *6, 7*), а также дверной скобы.

Принадлежность одежды составляют три пряжки (рис. 16, *8—10*), железный крючок (рис. 16, *11*).

Ювелирные изделия представлены бронзовыми решетчатым двухзигзаговым перстнем (рис. 16, *12*), фрагментом пластинчатого браслета (рис. 16, *13*), частью бубенчика (рис. 16, *14*), фрагментом плетеного браслета (рис. 16, *16*). Пластинчатый браслет орнаментирован геометрическим рисунком в виде зигзага, расположенного между двумя линиями "плетенки". Конец браслета подтреугольной формы, отделен сужениями от остальной части. Аналогичное оформление окончаний есть на браслетах с Серенского городища [4, рис. 84, *4*]. Важно подчеркнуть, что этот браслет отлит в одной форме с браслетом из постройки *20* (рис. 3, *2*). Или же один из этих браслетов отлит по восковой модели, а другой — в глиняной форме, полученной с помощью оттиска первого. Напомним, что и решетчатый перстень из постройки *23* (рис. 8,*8*) отлит в одной форме с перстнем, найденным ранее. Таким образом, существование на городище собственного ювелирного производства получило веские доказательства. Отметим также находки фрагментов бронзовых пластин, проволоки (рис. 16, *17, 18*). Из культурного слоя происходит фрагмент бронзовой оковки, видимо, от сосуда (рис. 16, *15*).

Изделия из стекла, происходящие из культурного слоя, представлены 24 экземплярами. Браслеты, крученые и гладкие, изготовлены из стекла зеленого, бирюзового, черного, синего, фиолетового, желтого цветов. Два браслета с перевитью. Бусины — голубого (рис. *16, 19, 21, 22*), черного (рис. 16, *25*), синего (рис. 16, *20*) цветов. Две бусины изготовлены из горного хрусталя (рис. 16, *23, 26*).

Четырьмя экземплярами представлены шиферные пряслица (рис. 16, *27—30*). В культурном слое встречены глиняное пряслице, покрытое ангобом, пряслице из стенки древнерусского сосуда, заготовка пряслица из стенки амфоры.

В 1989 г. изучалась линия укреплений городища. Был заложен раскоп *7* площадью 168 кв. м (рис. 1; 17). Раскоп заложен перпендикулярно оси линии укреплений. Длинной стороной он ориентирован по линии ЮВ—СЗ. Ров перерезан линией квадратов длиной 20 м,

шириной 2 м. Площадь, исследованная на валу, имела прямоугольную форму размерами 8 × 16 м.

Ров городища имеет длину около 35 м, ширину около 13 м. По уровню дневной поверхности глубина рва от вершины вала (от нулевой точки) составляет около 2,6 м. В центральной части рва выявлена следующая стратиграфия (рис. 17, профиль I): дерн — 0,05—0,1 м, слой осветленного чернозема — 0,3—0,35 м, слой плотного чернозема с включениями глины и углей в нижней части — 1,5 м, слой зеленоватой глины — 0,65—0,67 м. В нижней части слоя глины есть включения углей. Глубина рва от уровня дневной поверхности в центральной части — 2,6 м. В центральной, наиболее глубокой части он имеет ширину около 2 м. Ров был сооружен в раннем железном веке (IV—III вв. до н.э.). Не исключено, что для его сооружения была использована естественная седловина. Конфигурация рва по уровню материкового основания соответствует времени начала его функционирования в раннем железном веке. В древнерусский период (XII—XIII вв.) ров использовался, однако не был расчищен до его глубины в раннем железном веке. Конфигурация рва в его центральной части в это время определяется по границе черноземного слоя и слоя глины. Его глубина в центральной части от уровня дневной поверхности составляет около 1,9 м. Из слоя чернозема в центральной части рва происходит фрагмент древнерусского горшка (рис. 18, *22*).

Вал Семилукского городища внешне выражен слабо. Его современная поверхность ровная, имеет наклон к внутренней части городища. Высота вала от уровня материкового основания составляет 1,67 м. К раннему железному веку относится валообразная насыпь из серой плотной земли. Ее ширина около 11 м, высота от уровня материка 0,5—0,8 м. Насыпь сооружалась на слое погребенной почвы, верхний уровень которой в некоторых местах определяется тонкой золотистой прослойкой. Поэтому реальная высота насыпи раннего железного века составляет в среднем около 0,5 м. Возможно, данная насыпь была спланирована в эпоху средневековья.

Обратимся к профилю I (рис. 17). В районе "нулевой точки" над слоем насыпи из плотной серой земли лежит прослойка чернозема длиной около 3,5 м, толщиной около 0,1 м. Из этой прослойки происходят два венчика от древнерусских горшков (рис. 18, *18, 19*). Над черноземной прослойкой — слой желтой глины длиной около 6 м, толщиной около 0,5 м. Этот слой глины не залегал сплошной площадью, поэтому в плане его контуры выявить затруднительно. Нахождение под слоем глины древнерусской керамики позволяет относить его к конструкции вала XII—XIII вв. Деревянные конструкции вала древнерусского времени практически не выявлены. Лишь в одном квадрате *18* на границе насыпи из серой плотной земли и вышележащего слоя зафиксированы отдельные фрагменты деревянных плашек. В профиле I видно, что к слою глины в квадратах *8, 12* примыкает слой чернозема с многочисленными включениями кусков

обожженной глины, камней. В квадрате *12* фиксируются остатки отопительных сооружений (печей?), представляющие собой две площадки из обожженной глины. Видимо, к глиняному ядрищу вала примыкали деревянные сооружения (клети ?) с отопительными устройствами. Но в плане они практически не фиксировались. В основании этих сооружений использовались камни. Судя по профилю I, ширина этих сооружений составляла около 3 м. В профиле II также фиксировались прослойки обожженной глины от этих конструкций. Какое-то сооружение фиксировалось в профиле III (кв. *1, 5*) по более темному заполнению. Его длина около 3 м, глубина от уровня современной дневной поверхности 0,55 м. В основании этого сооружения фиксируется прослойка обожженной глины длиной 0,9 м.

На площади раскопа встречены фрагменты более чем от 40 древнерусских горшков (рис. 18, *2—15*), два фрагмента днищ с клеймами (рис. 18, *16, 17*). Кроме того, найдены фрагмент грузила, железные гвозди и их фрагменты (*5* экз.), фрагмент железной скобы, железное долото (рис. 18, *1*).

К валу примыкала постройка *26* (рис. 17; *19, 1*). Постройка представляет собой полуземлянку, углубленную только в почвенный слой. Размеры постройки определены достаточно приблизительно по более темному заполнению ее котлована. Котлован постройки имел прямоугольную форму размерами примерно 6,5 × 4 м. Северо-западная сторона постройки отчетливо фиксируется в профиле II (рис. 17). Глубина котлована от уровня современной дневной поверхности около 0,8 м. Особенно четко уровень пола постройки фиксировался в профиле II в квадрате *3* благодаря прослойке углей и золы на полу. В квадратах *3, 4, 7* обнаружены небольшие обгоревшие плашки. Не исключено, что для конструкции постройки использовались камни, скопления которых выявлены в квадратах *6, 7*.

В северном углу постройки выявлена неплохо сохранившаяся глинобитная печь. Она была сооружена на глиняной подушке толщиной 15—20 см. Под печи представляет собой площадку обожженной глины толщиной 3—4 см. Он имел овальную форму размерами 0,93 × 0,85 м. Свод печи упал на под, его верх находился на расстоянии 14—15 см от пода. Свод печи с внешней стороны обожжен. На поде печи найден фрагмент древнерусского горшка (рис. 19, *2*).

На площади постройки находилась яма I, представлявшая собой погреб. Он имел форму, близкую к прямоугольной. Размеры погреба 2,5 × 2,1 м, глубина от уровня материка 0,8 м. Заполнение погреба — чернозем с включениями глины, обожженной глины, углей. Вдоль северо-восточной стены погреба выявлен участок деревянной облицовки из плашек, находившихся одна над другой. Длина плашек 0,34—0,5 м. В заполнении погреба найдены фрагменты от пяти древнерусских горшков (рис. 19, *3—7*).

На площади постройки обнаружены фрагменты примерно от 14—15 древнерусских горшков, фрагменты двух ножей, гвоздь, обломок

скобы, рыболовный крючок (рис. 19, *9*), два глиняных рыболовных грузила, амулет из клыка (рис. 19, *10*), обломок стеклянного браслета (рис. 19, *11*).

Проводились исследования и за пределами линии укреплений. В 1990 г. в раскопе *10* была зафиксирована линия укреплений скифского времени. Для уточнения примыкающего к городищу поселения в 1993 г. за пределами укреплений было заложено 12 шурфов. В них встречены материалы раннего железного века. Стало очевидным, что материалы древнерусского времени происходят преимущественно с территории соседних с городищем мысов. В этом плане примечательным является исследование в том же году остатков двух гончарных горнов в обнажении берега на северном от городища мысу. Исследованные горны функционировали не одновременно. Первоначально использовался горн № 2. Размеры его топочной камеры составляли примерно 1,2—1,4 × 1,4 м, общая высота горна могла превышать 1,4 м. Для загрузки горна сверху использовалась приступка размерами 1,6 × 0,7 м. Устье топочной камеры выходило на склон оврага. Затем горн № 2 был разрушен и использовался в качестве предгорновой ямы горна № 3. Последний имел размеры топочной камеры 0,7 × 0,9 м и предполагаемую высоту около 0,8 м. Горн № 3 был заброшен и специальному разрушению не подвергался, о чем свидетельствует характер заполнения его "колбы". В 1981 г. на этом же мысу уже был исследован один гончарный горн (№ 1) [5]. Исследование остатков еще двух гончарных горнов свидетельствует о наличии здесь "гончарной слободы".

Подведем некоторые итоги. Как известно, сведения письменных источников по истории юго-востока Древней Руси весьма ограничены. Поэтому особую значимость для изучения исторического процесса в этом районе приобретают данные археологии, особенно памятники, относящиеся к узкому хронологическому горизонту. Такого рода памятником является Семилукское городище.

Полученные в 1987—1993 гг. данные, с учетом материалов раскопок 1984—1986 гг., позволяют конкретизировать хронологию памятника. Как уже отмечалось, планиграфическое изучение гончарных клейм показало, что в большинстве построек найдены клейма с одной матрицы. Например, клеймо в виде солярного знака [1, рис. 4, *10*] найдено в постройках *1, 3, 4, 10, 14, 23, 24, 30, 33*, яме *50*. Еще одно клеймо (рис. 10, *8*) обнаружено в постройках *1, 3, 4, 23, 27, 29, 33*. Таким образом, есть основания говорить о том, что на городище можно выделить фактически один строительный горизонт. Представляется, что планировочная схема Семилукского городища сложилась в течение короткого промежутка времени, а хронологический диапазон городища (учитывая и весь комплекс находок) можно ограничить концом XII—первой половиной XIII в.

Следует также подчеркнуть, что жизнь на поселении продолжалась какое-то время и после монгольского нашествия 1237—1238 гг. Относительно узкая датировка памятника позволяет считать, что в результате раскопок Семилукского городища получены материалы по сути дела эталонного характера, имеющие важное значение для осмысления исторического процесса не только на ограниченной территории в воронежском течении Дона, но и в какой-то степени на юго-востоке Руси.

Остановимся еще на одном аспекте. Полученные в результате раскопок 1987—1993 гг. материалы полностью подтвердили высказывавшуюся нами ранее мысль о том, что основные истоки оставившего городище населения находятся в "земле вятичей".Особенно ценны в этом плане находки, подтверждающие производство на городище украшений "вятического" круга. Важно отметить, что находки таких украшений есть в Подонье на памятниках Куликова поля (могильник у д. Бутырки, поселения Монастырщина-5, Устье-2) [6], на Лавском комплексе на р. Быстрая Сосна в пределах современного Ельца. Эти памятники представляют собой своего рода связующие звенья между бассейном Оки и Семилукским городищем.

Не исключалась ранее и мысль об еще одном возможном направлении освоения семилукского участка Дона в XII-XIII вв. — из восточного района Черниговской земли (Курского Посемья). До недавнего времени практически не был изучен характер древнерусского домостроительства в Посемье. Раскопки, проведенные в 1993 г. на Липинском поселении, выявили наземные дома срубной конструкции с подклетами [7]. На Семилукском городище аналогичный характер имела постройка 23. Это дает некоторые основания пока не отказываться от приведенного выше предположения.

Возвращаясь к планировке Семилукского городища, отметим, что полученные материалы позволяют предполагать дворовый характер застройки детинцевой части поселения, а также наличие улицы, проходившей по длинной оси мыса.

В результате проведенных исследований уточнен характер неукрепленной части поселения. Застройка посада оказалась весьма неравномерной, а плотность его заселения в целом незначительна. На северном от городища мысу находилась гончарная "слобода". Здесь, как отмечалось выше, выявлены производственные комплексы для обжига керамики. Кстати сказать, из видов ремесленной деятельности, представленных на городище, именно керамическое производство имело специализированный характер.

Нами уже ранее давалась общая социально- историческая оценка памятника [8]. Суть ее в том, что Семилукское укрепленное поселение основывалось как сторожевая крепость и административный

центр складывавшейся сельской округи. Его возникновению не предшествовало развитие сельской агломерации в этом районе.

Выскажем некоторые суждения по этому вопросу. Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что Семилукское городище находилось на значительном удалении от ближайших городских центров на юго-востоке Руси (Бесединский комплекс на р. Рать в Посемье, Елец на Быстрой Сосне). Оно определяет восточное порубежье Черниговской земли и южные пределы Рязанской. Именно в обозначении рубежей "Русской земли" (в представлении современников событий "Слова о полку Игореве") видится одна из основных функций Семилукского укрепленного поселения. Представляется, что во многом аналогичная ситуация в этом районе была и в XVI в. Во всяком случае, схема расположения возникавших здесь сторожевых городов в общих чертах повторяла систему древнерусских городищ XII—XIII вв.; зоны хозяйственной деятельности русского населения в XVI в. были также территориально весьма ограничены [9].

Следует также отметить, что в конце XII—первой трети XIII в. угроза нападения половцев на сторожевые пункты юго-востока Руси, и в том числе на Семилукское городище, была незначительной. Летописи не фиксируют сколько-нибудь крупных половецких набегов со стороны группировки донских половцев на южнорусские княжества и со стороны орд доно-хоперского междуречья на Рязанскую землю. Это положение создавало благоприятную возможность для выдвижения государственной границы Черниговской и Рязанской земель в бассейн Дона. Видимо, в рамках этого процесса и следует рассматривать возникновение Семилукского городища.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пряхин А.Д., Цыбин М.В. Древнерусское Семилукское городище XII-XIII вв. на р. Дон (итоги раскопок 1984-86 гг.) // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж, 1991.

2. Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X-XV вв.). М., 1981.

3. Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.

4. Никольская Т.Н. Земля вятичей: к истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв. М., 1981.

5. Беседин В.И., Беседина В.В. Семилукское городище на Дону // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н.э. Воронеж, 1983.

6. Гоняный М.И., Недошивина Н.Г. К вопросу о вятичах на Верхнем Дону // СА. 1991. № 1.

7. Енуков В.В., Енукова О.Н. Липинское поселение на Сейме // Проблеми раньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я. Білопілля, 1994.

8. Пряхин А.Д., Цыбин М.В. К социально-исторической оценке древнерусских укрепленных поселений на юго-восточной окраине Руси второй половины XII-первой половины XIII в. // Историко-археологический семинар "Чернигов и его округа в IX-XIII вв." Чернигов, 1988.

9. Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991.

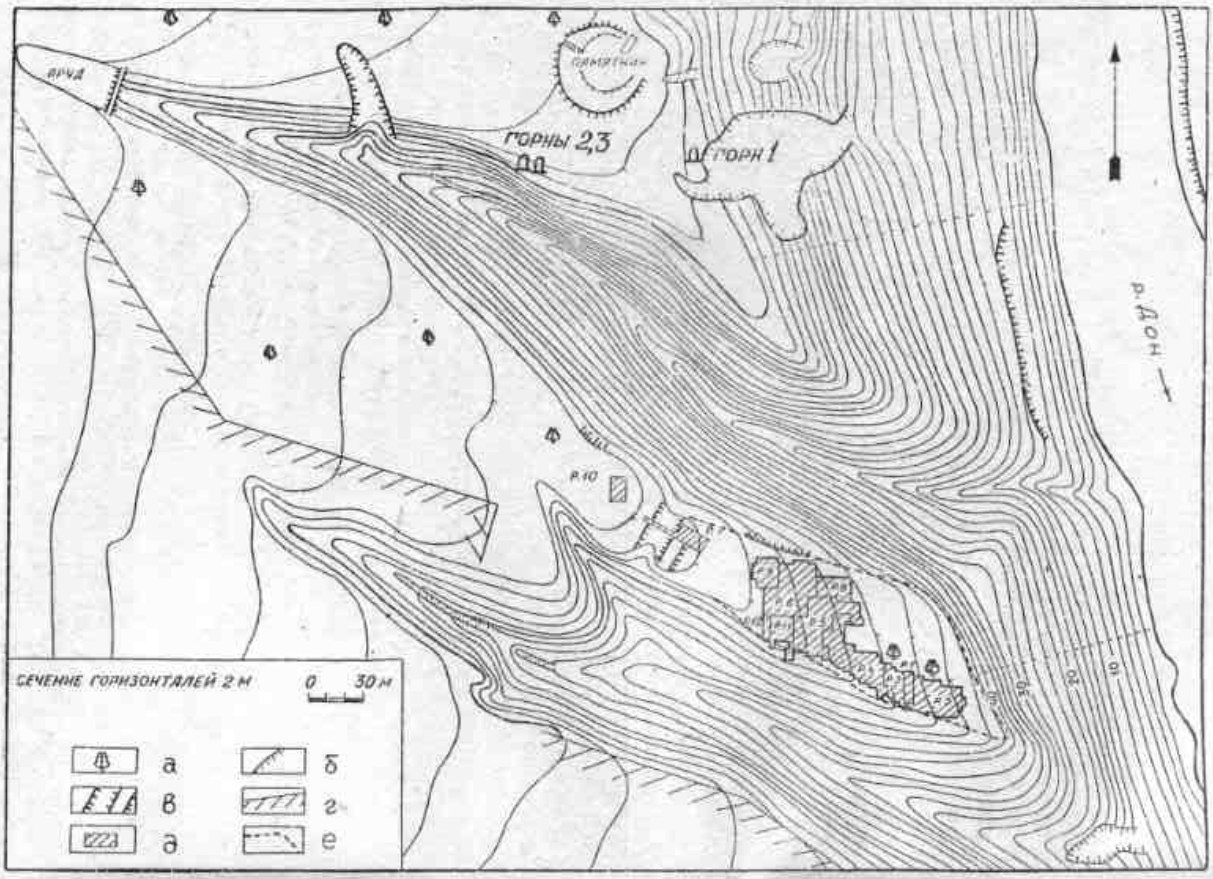


Рис. 1. План Семилукского городища: а — парковые деревья; б — обнажение; в — ров и вал; г — граница городской застройки; д — раскопы; е — граница площадки городища

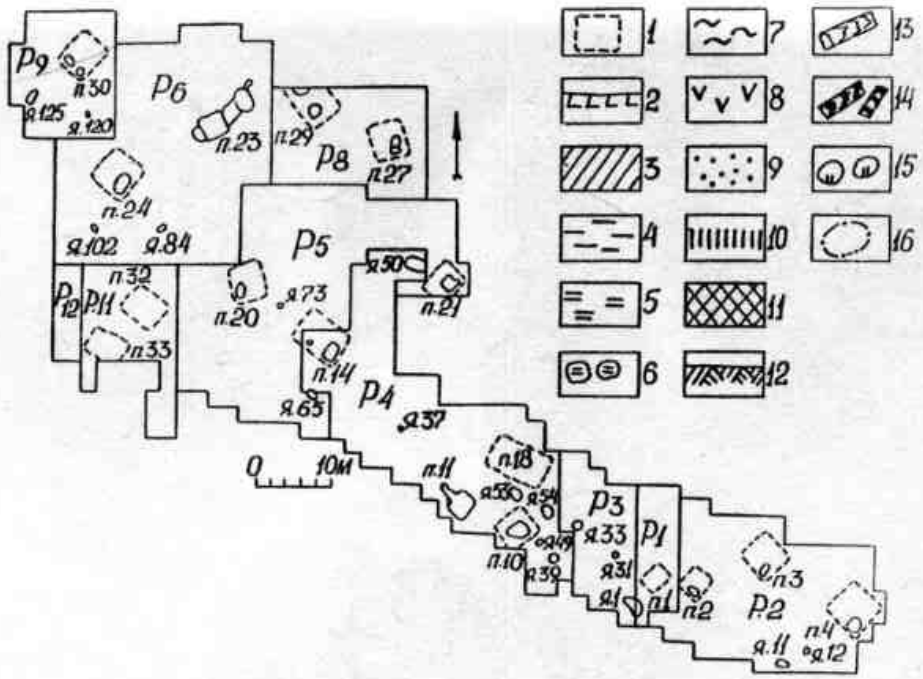


Рис. 2. План раскопов 1 — 6, 8, 9, 11, 12 на Семилукском городище

1-16 — условные обозначения к рисункам статьи: 1 — контуры наземной постройки; 2 — дери; 3 — чернозем; 4 — глина; 5 — обожженная глина; 6 — куски обожженной глины; 7 — зола; 8 — уголь; 9 — песок; 10 — погребенная почва; 11 — поздний перекоп; 12 — материк; 13 — дерево; 14 — обожженное дерево; 15 — камни; 16 — контуры сооружений раннего железного века на площади древнерусских построек

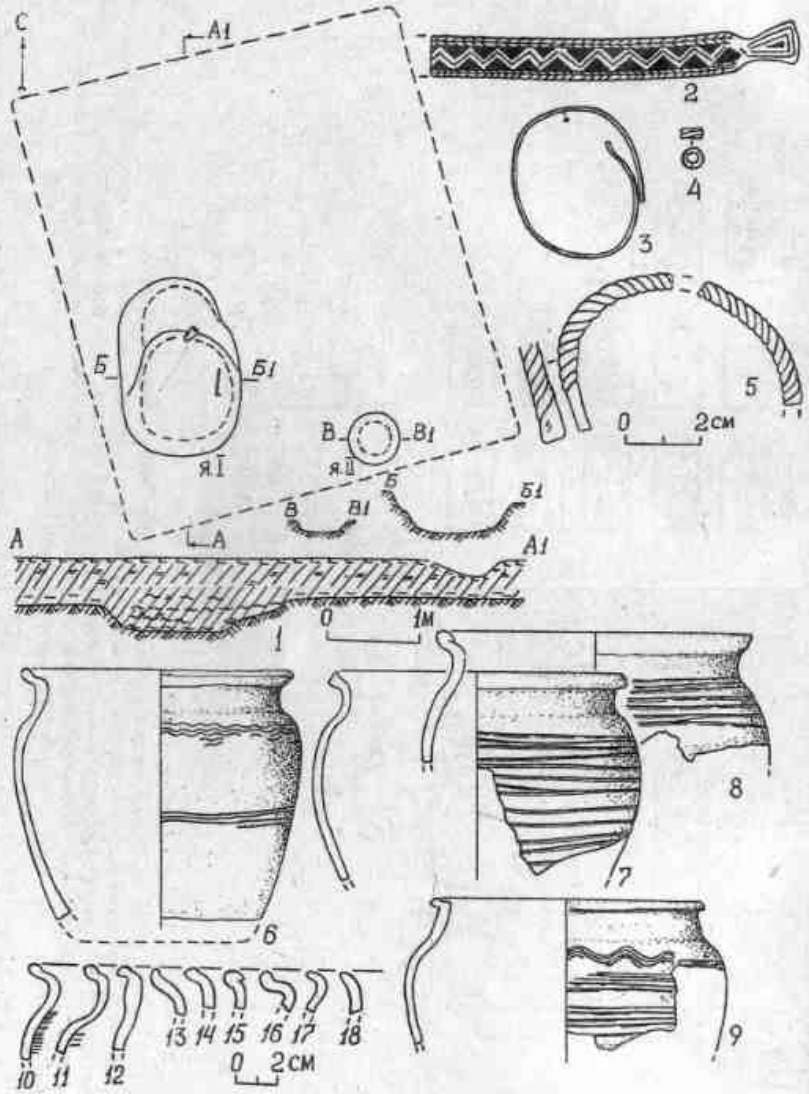


Рис. 3. Постройка *20*. 1 — план, разрезы, профиль, 2—18 — находки из ямы I на площади постройки

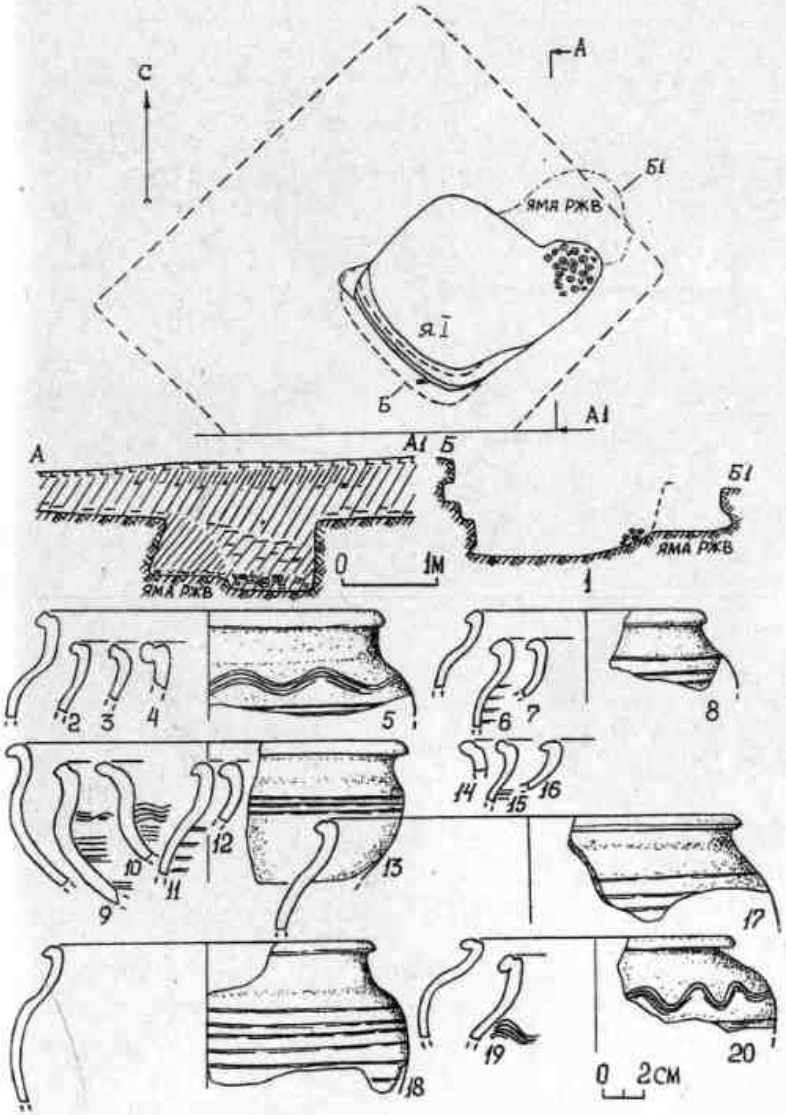


Рис. 4. Постройка *21*. 1 — план, профиль, разрез; 2—20 — керамика из ямы I (погреба) на площади постройки

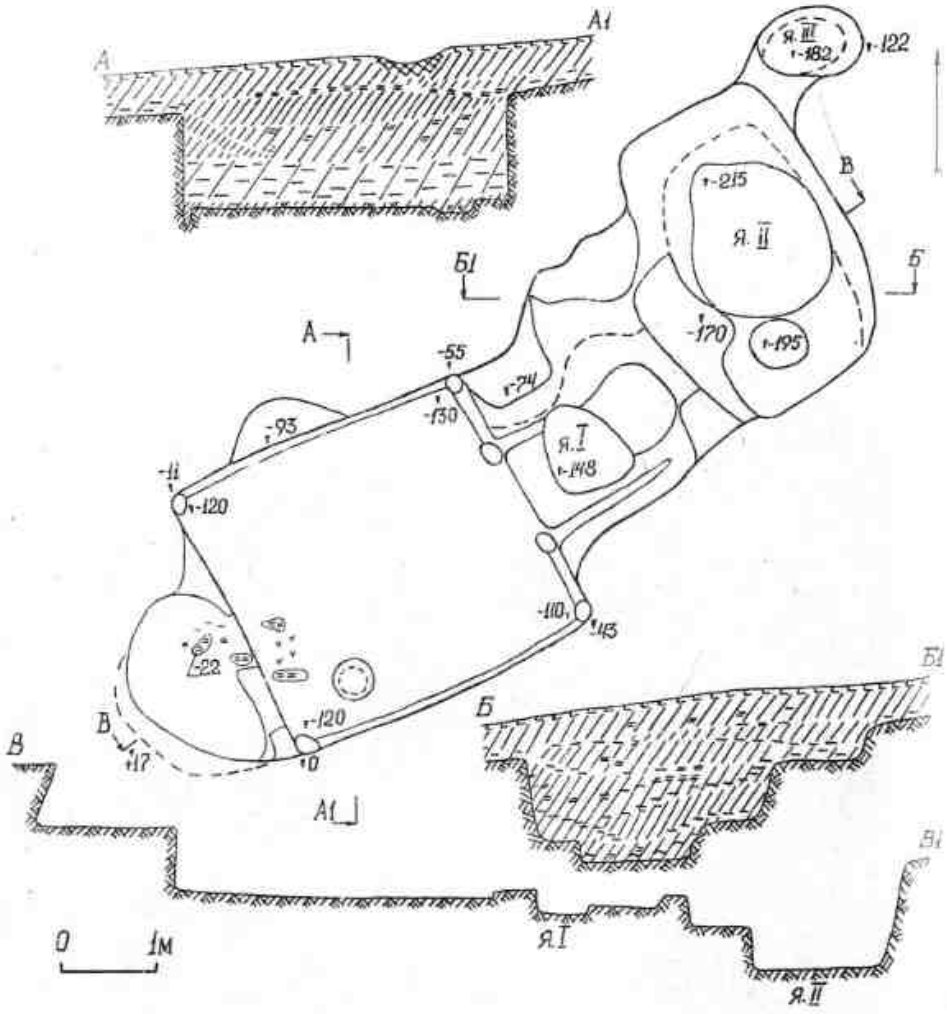


Рис. 5. Постройка *23*. План, профили, разрез

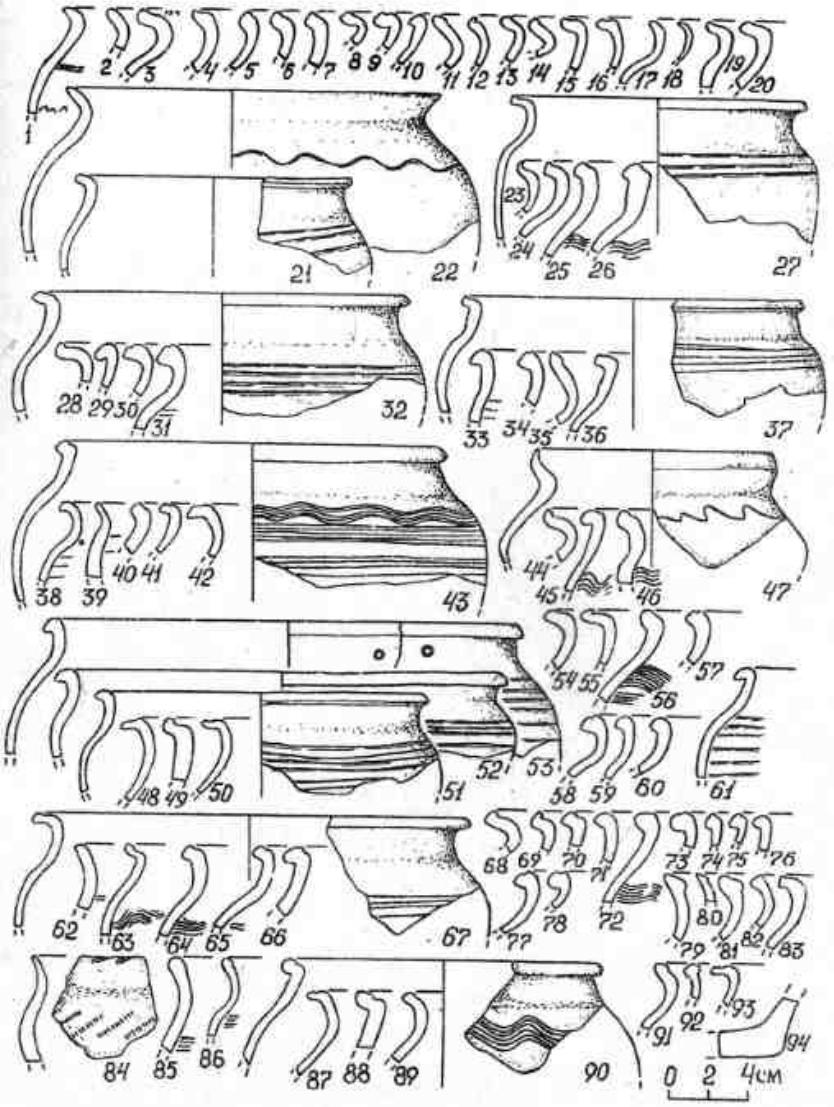


Рис. 6. Постройка *23*. Керамика из заполнения котлована: 1—16 — первый пласт, 17—37 — второй пласт, 38—61 — третий пласт, 62—83 — четвертый пласт, 84—86 — пятый пласт, 87—94 — пол

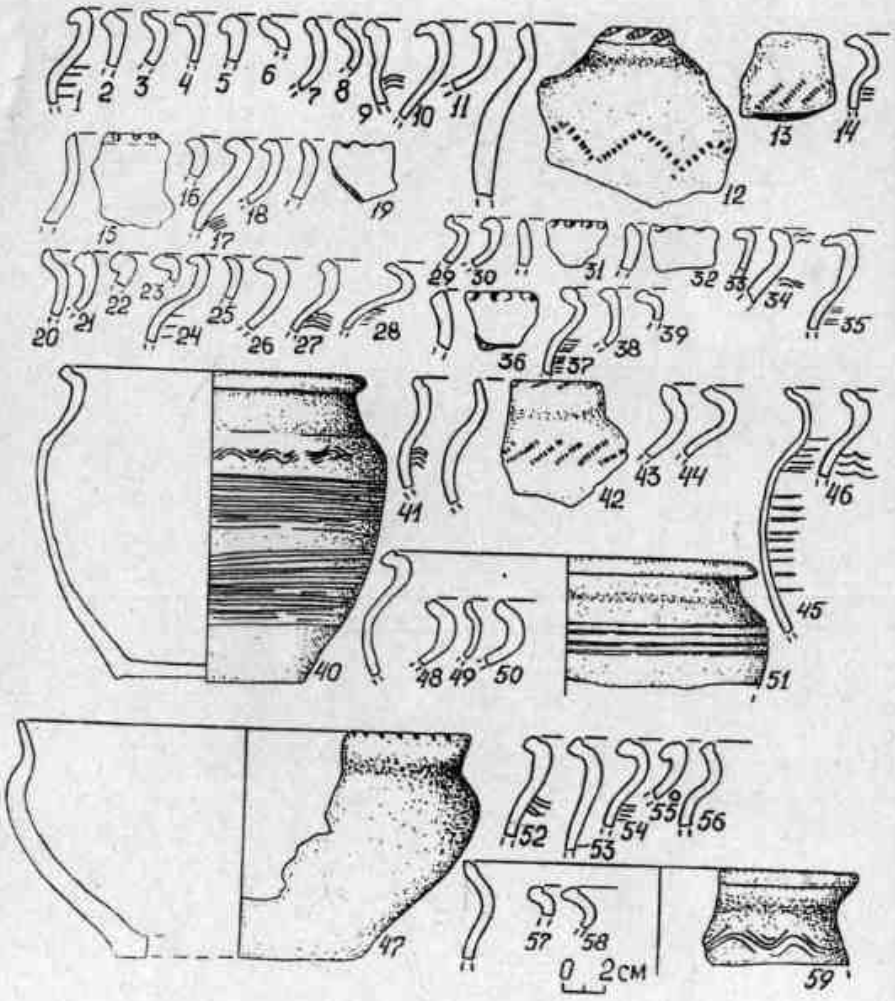


Рис. 7. Постройка *23*. Керамика: 1—11 — из заполнения "коридора" (1—8 — первый пласт; 9, 10 — второй пласт; 11 — третий пласт); 12—14 — яма I; 15—46 — яма II (15—18 — первый пласт; 19—30 — второй пласт; 31—35 — третий пласт; 36—39 — четвертый пласт; 40, 41 — пятый пласт; 42—45 — шестой пласт; 46 — седьмой пласт); 47—59 — яма III (47—50 — второй пласт; 52—56 — третий пласт; 57—59 — четвертый пласт)

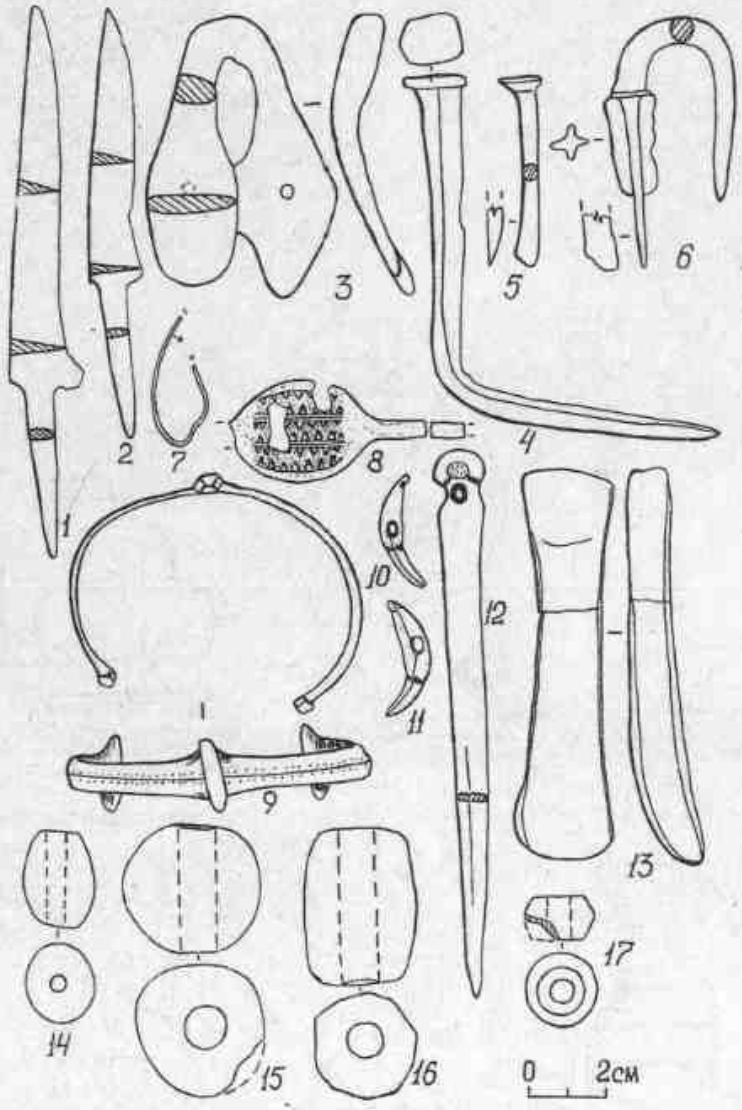


Рис. 8. Находки из постройки *23*

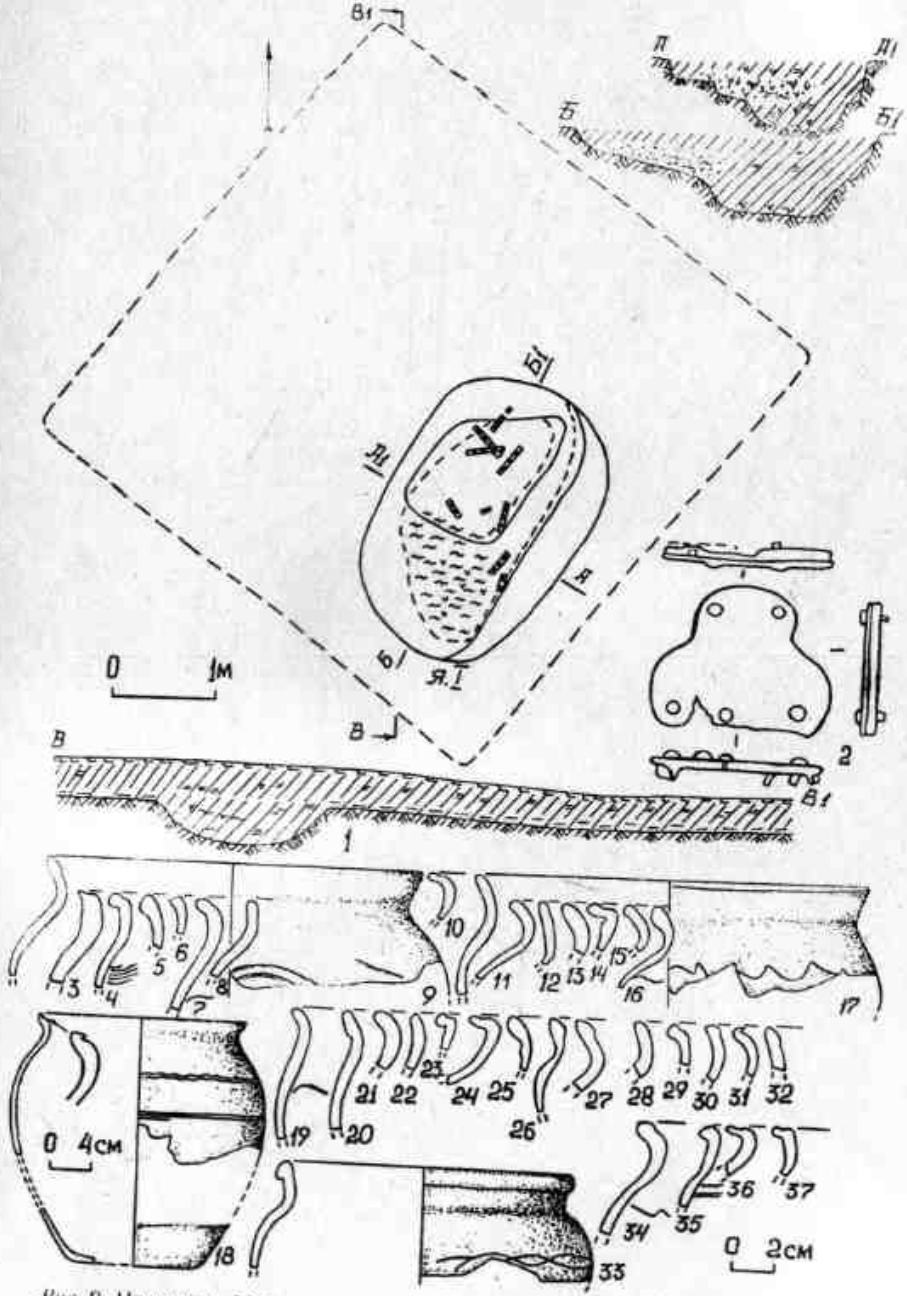


Рис. 9. Постройка *24*. 1 — план, профили, *2*—33 — находки из ямы 1 (3—10 — первый пласт заполнения; 2, 11—17 — второй пласт; 18—27 — третий пласт; 28—37 — четвертый пласт)

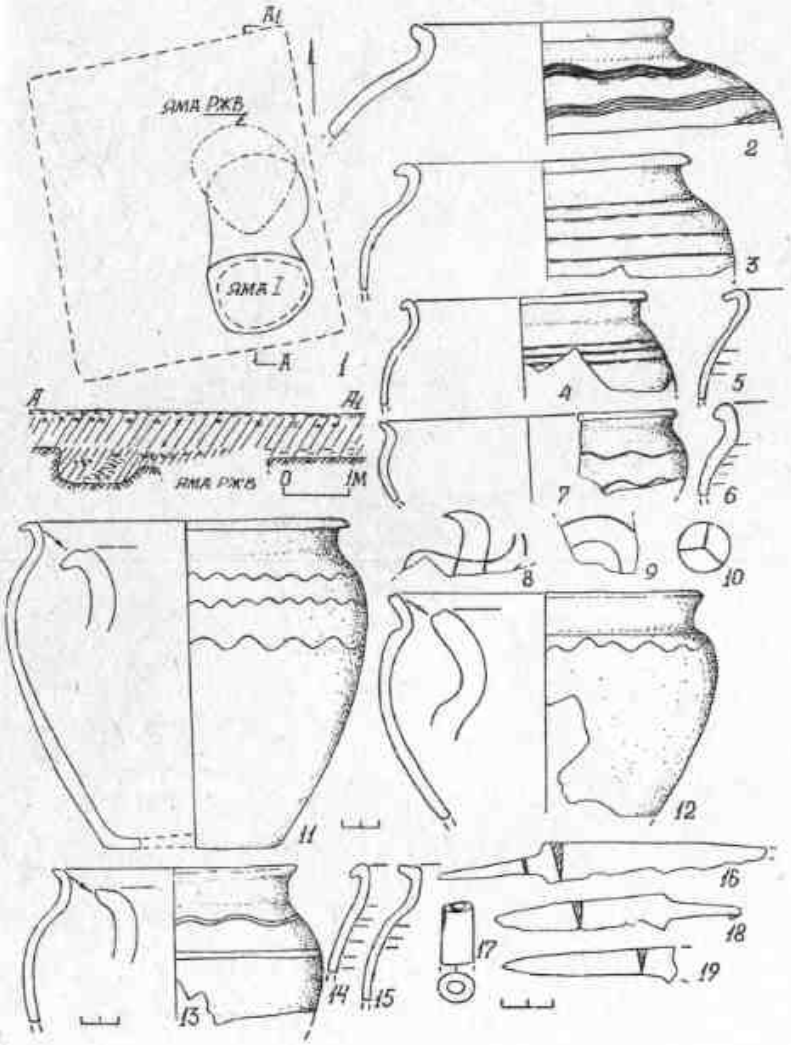


Рис. 10. Постройка *27*: 1 — план, профиль; 2—10 — керамика и гончарные клейма из верхней части заполнения ямы I; 11—15 — керамика из нижней части заполнения ямы I; 16, 17 — находки с площади постройки; 18, 19 — находки из ямы I

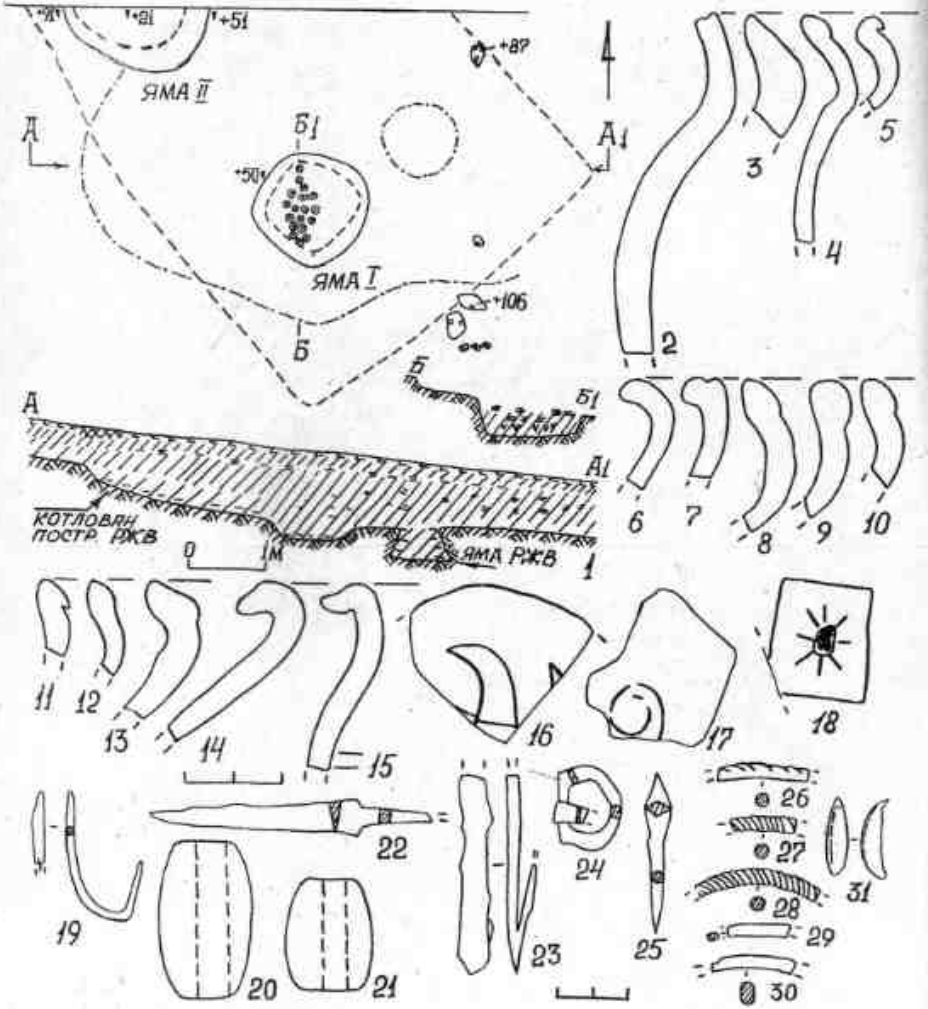


Рис. 11. Постройка 29: 1 — план, профили; 2—31 — находки из постройки (2—5, 31 — яма I; 6-15, 30 - яма II; 16—29 — с площади постройки)

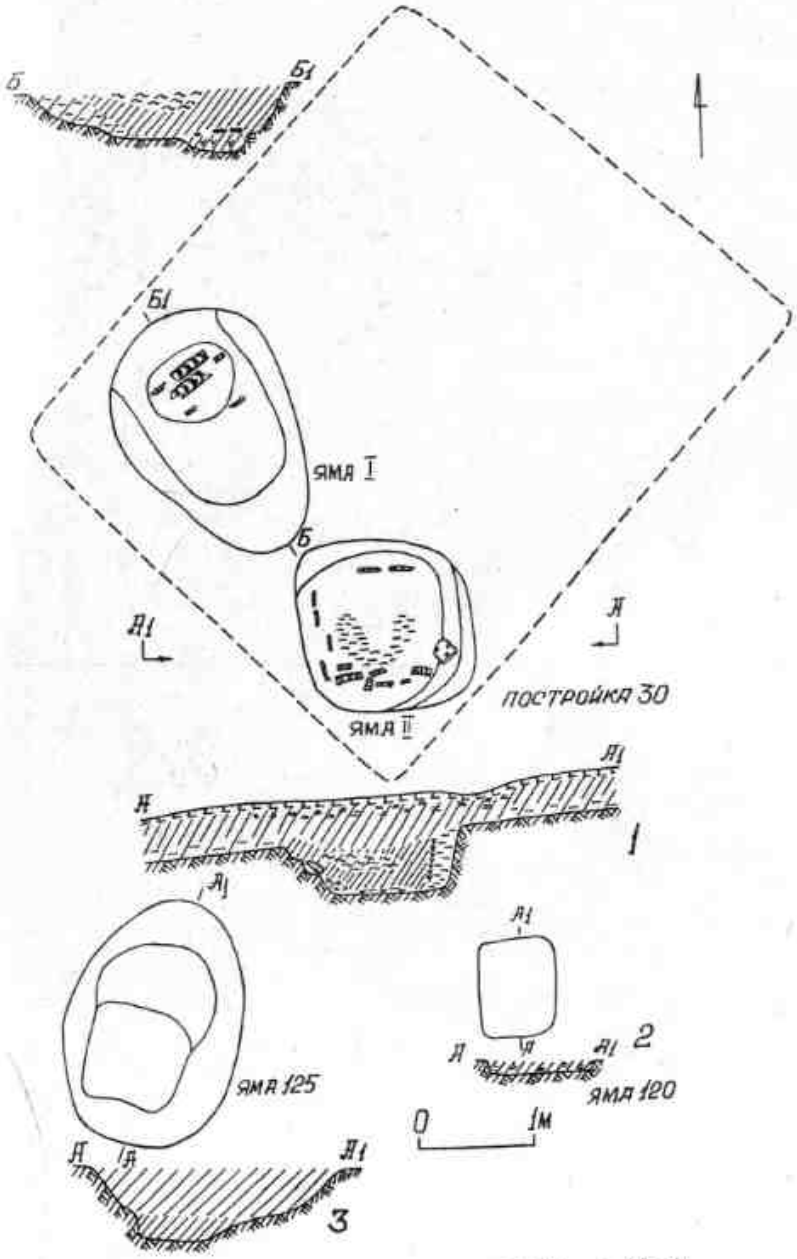


Рис. 12. Постройка 30 (1), яма 120 (2), яма 125 (3)

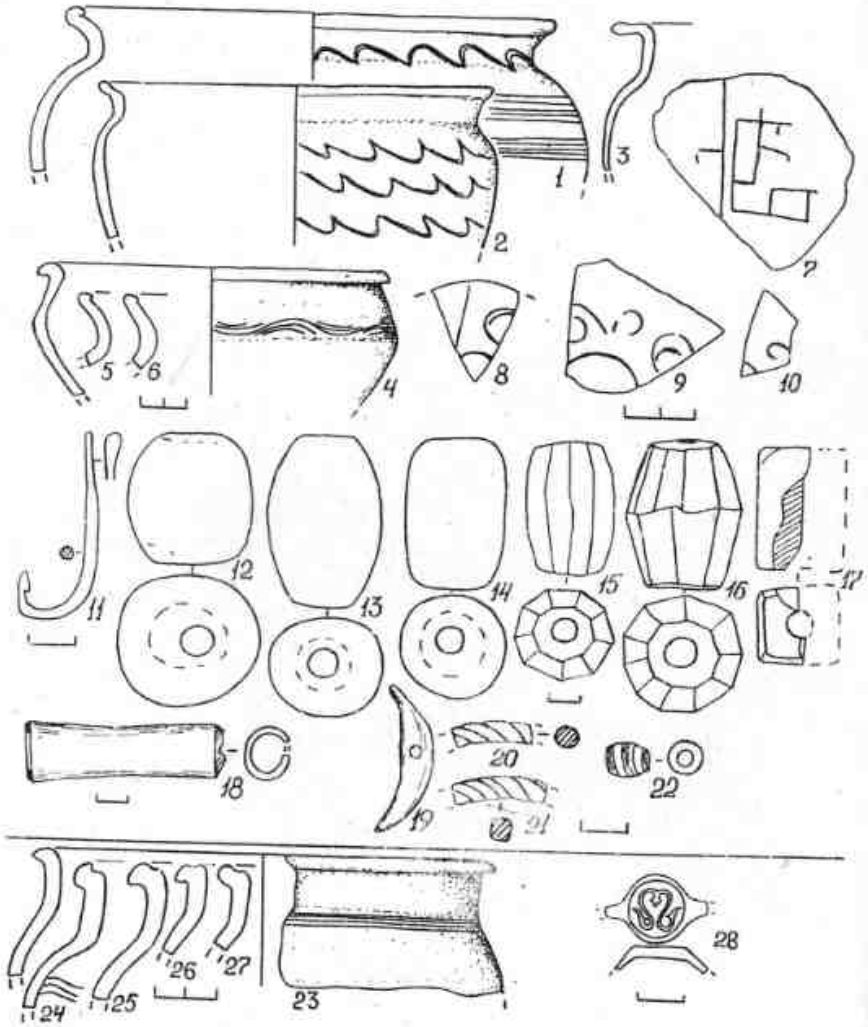


Рис. 13. Находки из постройки *30* (1—3, 18, 21 — из ямы I; 4—6, 19 — из ямы II; 7—17, 20, 22 — с площади постройки); ямы 125 (23—27); ямы 120 (28)

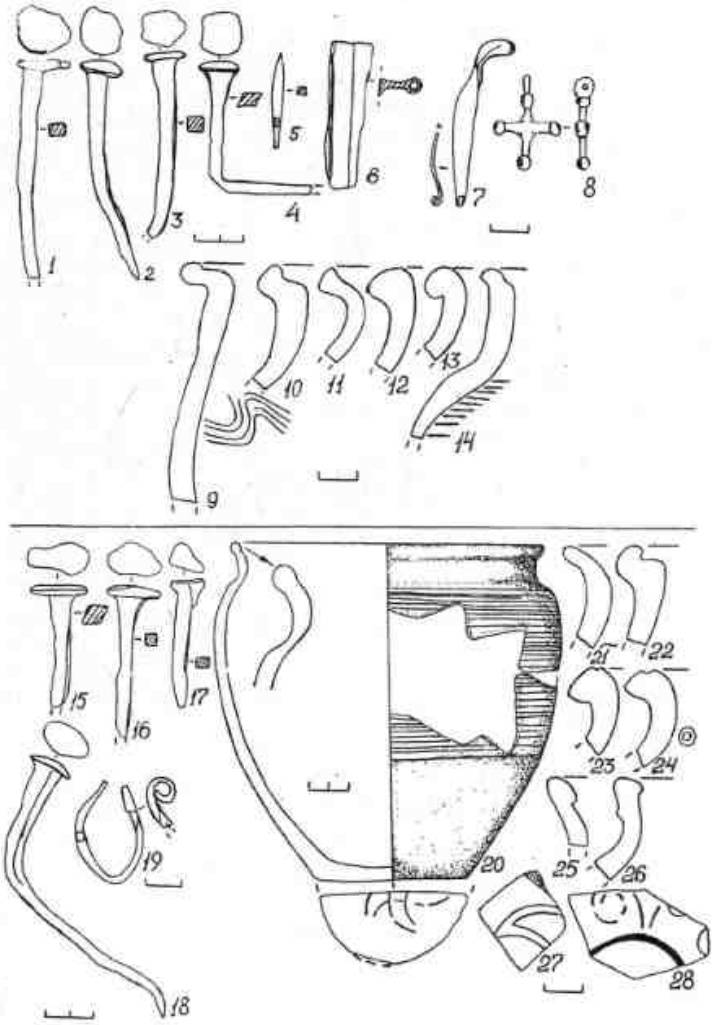


Рис. 14. Находки из постройки *32* (1—14) и 33 (15—28)

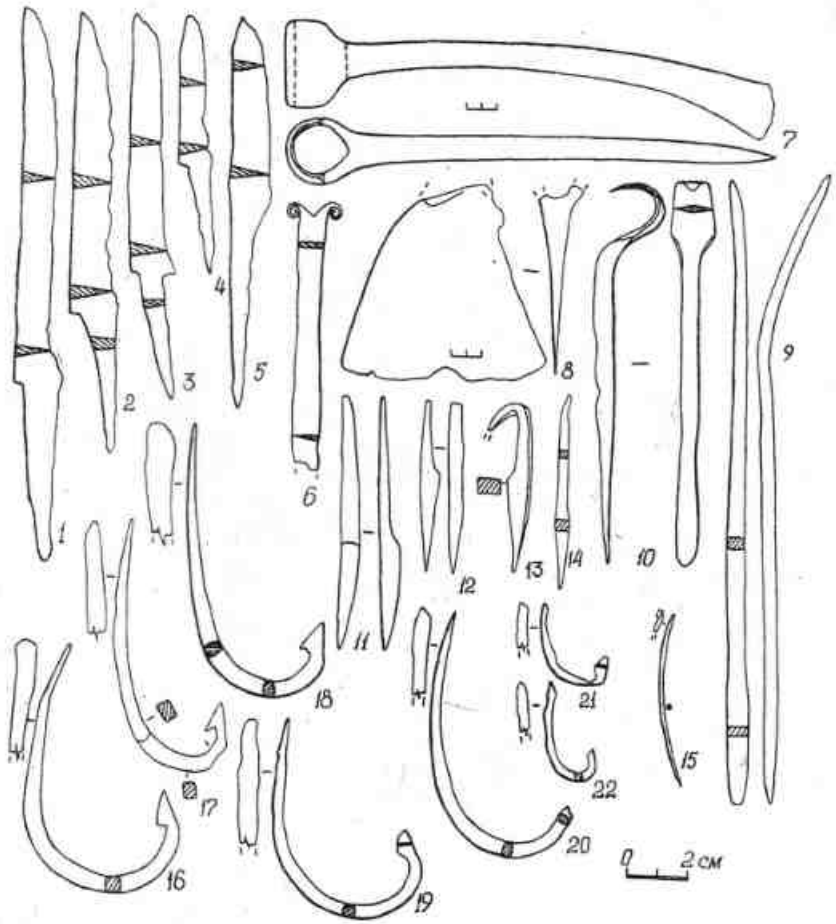


Рис. 15. Железные орудия труда из культурного слоя Семилукского городища

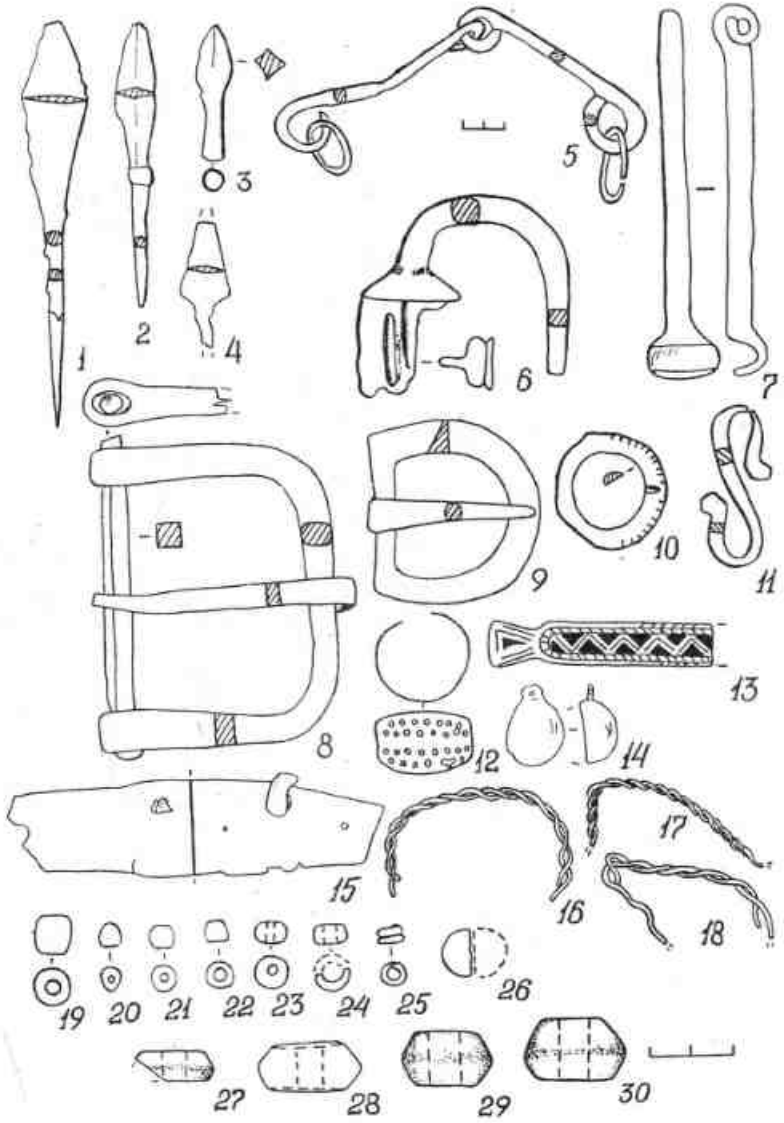


Рис. 16. Находки из культурного слоя Семилукского городища (1—11 — железо, 12—18 — бронза, 19—22, 24, 25 — стекло, 23, 26 — горный хрусталь, 27—30 — шифер)

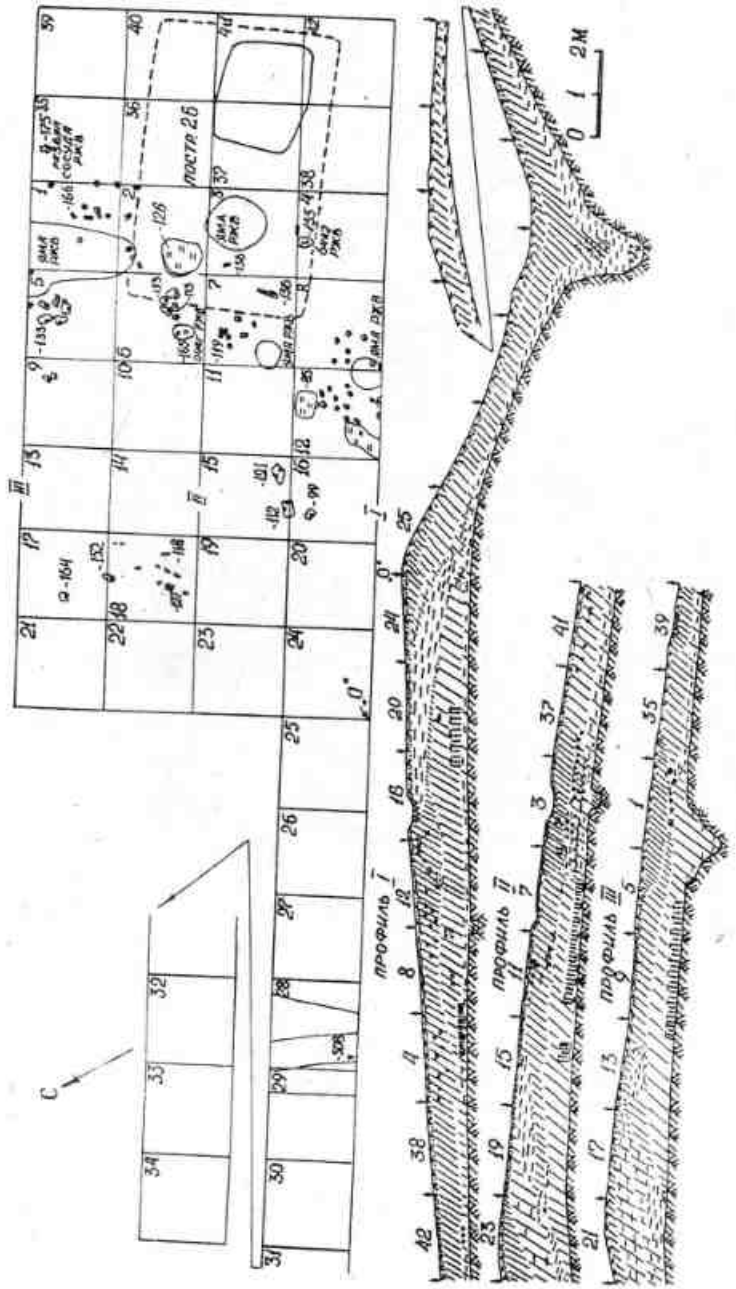


Рис. 17. План и профили раскопа 7

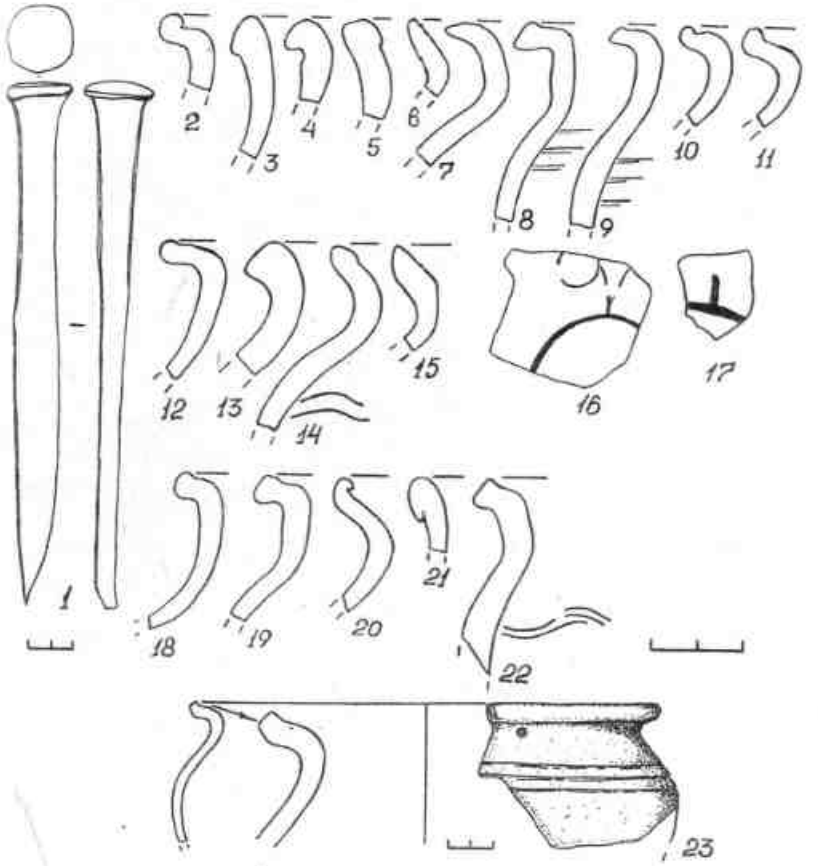


Рис. 18. Находки из раскопа 7: (2—5, 17 — первый пласт слоя, 6—15, 16 — второй пласт слоя; 18—20 — вал; 21—23 — ров)

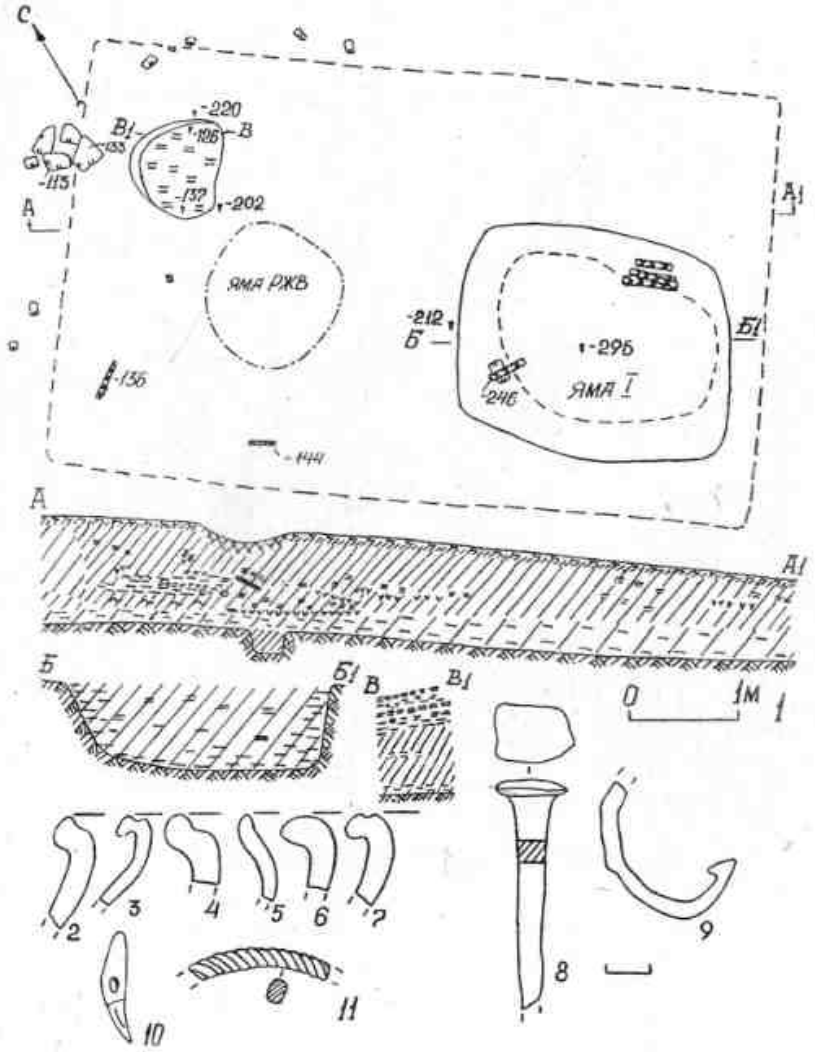


Рис. 19. Постройка *26*: 1 — план, профиль, разрезы; 2—11 —находки из постройки: 2 — из печи, 3—7 — из ямы I, 8—11 — с площади постройки

А. Г. ДЬЯЧЕНКО, Л. В. ЛАПЧИНСКАЯ, Ю. Л. ЩАПОВА

О ХИМИЧЕСКОМ СОСТАВЕ И ПРОИСХОЖДЕНИИ СТЕКЛЯННЫХ БРАСЛЕТОВ ДОНЕЦКОГО ГОРОДИЩА

На древнерусских поселениях городского типа в слоях преимущественно домонгольского времени обломки стеклянных браслетов являются обычной находкой. На отдельных памятниках браслеты фиолетового, синего, голубого, бирюзового, зеленого, желтого, коричневого и черного цветов встречаются в количестве приблизительно 200 фрагментов на 100 кв.м раскопанной площади [1, с. 26; 2, с. 76].

Пограничный русский город Донец [3, с. 331—360], основанный в начале XII в. на оживленном торговом пути Киевской Руси с Тмутараканью, Византией и арабо-иранским Востоком, представляет исключение: на площади около 2 тыс. кв. м, вскрытой раскопками, а также на поверхности городища найдено всего 134 фрагмента наручей. Более 95 % находок связано с посадом и только 6 экземпляров (менее 5 %) извлечены из культурных напластований детинца*.

Исследование древнерусских стеклянных браслетов предполагает изучение их морфологии, прежде всего поперечного сечения с целью выделить типы, выяснение цветовой гаммы путем сравнения окраски стекла с технической шкалой цветов, определение техники изготовления изделий и их химического состава. Первые две задачи традиционные, техника устанавливается с помощью микроскопа, характер стеклянной массы возможно определить лишь в результате специальных физико-технических или химических анализов.

Состав стекла браслетов Донецкого городища выяснялся путем оценки содержания элемента в пробе способом (см. приложение), максимально приближенным к методике, описанной Ю. Л. Щаповой [4, с. 91—101].

Исследованы 133 пробы**. Полученные результаты обобщает таблица, в которой приводится 13 химических типов стеклянной массы, представляющих 4 класса стекол: I — калиево-свинцово-кремнеземные; II — свинцово-кремнеземные; III — натриево-кальциево-кремнеземные; IV — натриево-свинцово-кремнеземные.

Из строго калиево-свинцово и свинцово-кремнеземных стекол изготовлены браслеты черные, зеленые и бирюзовые гладкие и круче-

© Дьяченко А. Г., Лапчинская Л. В., Щапова Ю. Л., 1996

*Археологический материал публикуется с разрешения Б. А. Шрамко, которому авторы приносят свою благодарность

** Анализ выполнялся в био-геохимической лаборатории кафедры общей геологии и палеонтологии геолого-географического факультета Харьковского университета под руководством канд. геол.-минерал. наук Л. В. Лапчинской.

Таблица

Результаты спектрального анализа фрагментов браслетов

№ пп	Химический тип	К-во	%	Класс
1	K-Pв-Si	12	9	I
2	K-Ca-Pв-Si	46	34,6	I
3	K-Ca-Mg-Pв-Si	3	2,2	I
4	K-Na-Pв-Si	6	4,5	I
5	K-Na-Ca-Mg-Pв-Si	5	3,8	I
6	K-Na-Ca-Pв-Si	35	26,3	I
7	Pв-Si	4	3	II
8	Pв-Ca-Si	1	0,8	II
9	Na-Ca-Mg-Si	9	6,6	III
10	Na-K-Ca-Mg-Si	6	4,5	III
11	Na-K-Ca-Pв-Si	3	2,3	IV
12	Na-K-Ca-Mg-Pв-Si	2	1,6	IV
13	Na-Ca-Mg-Pв-Si	1	0,8	IV
	Всего	133	100	

ные, в том числе с перевитьем украшения (всего 16 экземпляров — 12 %). Такие браслеты являются продукцией древнерусского стеклоделия в основном домонгольского периода [5, с. 260—262], причем рецепт K— Pв—Si связан главным образом с Киевом [6, с. 78, 129]. В Киеве обнаружены мастерские по изготовлению браслетов из этого стекла [7, с. 402—406], здесь же существовала и база-фактория, из которой, как полагал В. А. Богусевич, изделия поступали в Новгород [8, с. 134—144]. В исследованных нами браслетах стекло выделяется повышенным содержанием олова.

Рецепт Pв—Si был широко распространен в стеклоделии ряда древнерусских городов, однако разница в исходном сырье сказалась на содержаниях некоторых микропримесей, что позволяет различить продукцию конкретных производственных центров [9, с. 104]. Донецкие браслеты изготовлены из сравнительно чистого полупрозрачного или прозрачного стекла, особенностью которого является стабильно высокий процент олова (1—3 балла). В прозрачных изделиях, кроме того, заметна примесь серебра (до 4 баллов). Представляется возможным говорить о смоленском производстве этой группы наручей [9].

Остановимся на усложненных вариантах основных русских составов стекла. Один из них — калиево-свинцово-кремнеземное стекло, видоизмененное добавкой щелочных земель (окиси Ca и Mg) или чистой извести. Доля таких стекол значительна — 35, 3 %. Из них изготовлены черные, зеленые, бирюзовые и желтые браслеты гладкие и крученые, в том числе с перевитьем, рифленые, квадратные

крученые, уплощенные и витые из 3 и 4 жгутов. Вероятным центром производства этих браслетов может быть Киев, где стекло аналогичного состава использовалось русскими стеклоделами уже в конце XI в. [10, с. 220].

Второй вариант представлен обычным свинцово-кремнеземным стеклом с прибавкой извести за счет сокращения доли свинца (Pв—Ca—Si). Стекло этого состава известно по материалам мастерской русского стеклодела в Любече [6, с. 144; 11, с. 232—233, 237]. Возможно, что часть браслетов, сделанных из указанного состава, поступила в Донец из Любеча. Наиболее близок к Любечским экземпляр прозрачного крупнокрученого наруча.

Большая группа браслетов Донецкого городища (57 экз., 42,8 %) изготовлена из своеобразного стекла, сваренного с использованием особого щелочного сырья, содержащего в себе два щелочных элемента — калий и натрий. При этом 46 браслетов выполнены из стеклянной массы с преобладанием калия над натрием (типы 4, 5, 6). В стекле одиннадцати поделок, напротив, натрий превалирует над калием (типы 10, 11, 12). В обоих случаях характерна высокая концентрация свинца.

Изделия из стекла K—Na—Pв—Si немногочисленны (табл.). Все браслеты черного цвета, круглые (один гладкий, четыре крученых, один крученый с перевитью). В стекле нет искусственной примеси марганца, что в комплексе с цветом и формой может служить достаточно надежным основанием для отнесения их к кругу русских украшений, привезенных, по-видимому, из Киева. Этому не противоречит, в частности, химический тип стекла, который весьма рано был известен русским стеклоделам Киева и нашел применение при изготовлении мозаик Успенского собора [10, с. 217]. Единичные браслеты из такого же стекла выявлены в Смоленске, Полоцке и Серенске [2, с. 79; 6, с. 168].

Известно, что наличие или отсутствие кальция или магния в стеклах одного класса свидетельствует лишь о различных видах сырья, использованного при стекловарении [11, с. 232]. Поэтому обе разновидности калиево-натриево-известково-свинцового стекла мы вправе рассматривать как один рецепт. Примечательно, что в донецком стекле нет значимой примеси марганца, а это определенно сближает его с русскими стеклами. Однако решающим аргументом в пользу данного вывода является выделение небольшого количества браслетов из стекла K—Na—Ca—Pв—Si в мастерской Любеча [11, с. 237]. Можно предполагать, что 35 браслетов из стекла K—Na—Ca—Pв—Si вышли из рук любечских стеклоделов, а пять представляют, по-видимому, продукцию киевского производства.

О русском происхождении браслетов данной группы свидетельствуют также цветовая гамма, форма и техника изготовления. Боль-

шинство из них черные, зеленые и бирюзовые, в сечении круглые (гладкие, крученые, в том числе перевитые, рифленые), витые и двойные. Пять браслетов (два плосковыпуклых, один уплощенный, два трехгранных) принадлежат, скорее, византийской школе, чем русской. Изготовлены они вытягиванием и навивкой [6, с. 109, 111, 112, рис. 19].

Следует отметить, что отдельные браслеты из калиево-свинцово-кремнеземного стекла, в котором калий заменен на натрий, а свинец на щелочные земли, выделены, помимо Любеча, также в Москве и Смоленске [6, с. 168]. Становится очевидным, что русские мастера использовали двухщелочное сырье при варке свинцовых стекол с примесью кальция и магния и изготовляли из него браслеты.

Стекло Na—K—Ca—Mg—Si очень древнее. В период средневековья изделия, изготовленные на основе этого рецепта, выходили из византийских, ближневосточных, болгарских и среднеазиатских мастерских [10, с. 211]. В донецкой коллекции наручей из этого стекла есть плоский округлореберный фиолетовый браслет, блестящая поверхность которого расписана желтой краской в византийском стиле (рисунок, *1*).

Необходимо выделить фрагмент черного уплощенного браслета из стекла класса Na—Pb—Si . Он украшен росписью. Сюжет рисунка простой — белая прямая линия.

Натриево-известково-кремнеземное стекло унаследовано от римлян византийской школой стеклоделов. Восемь браслетов из этого стекла могли быть изготовлены как в самой Византии, так и в Киеве, где работали греческие мастера.

Девятый браслет этой же группы — черный крученый — опишем отдельно. В его стеклянной массе впервые для периода средневековья зарегистрировано очень редко встречаемое в позднеантичных стеклах аналогичного состава повышенное содержание окиси бария [12, с. 120]. Ю. Л. Щапова указывает на Ближний Восток или Сирию как более вероятный источник поступления в Восточную Европу изделий из стекла со столь редкой примесью [13, с. 173].

В еще более высокой концентрации барий наличествует в трехгранном браслете печеночного цвета, выполненном из стекла K—Ca—Pb—Si. По основному составу 47 наручей из этого стекла относятся к продукции русских мастеров, однако для данного браслета, учитывая высокую примесь бария, следует, очевидно, сделать исключение. Не ясно также происхождение трехгранного бирюзового браслета из стекла Na—Ca—Mg—Si с заметной присадкой свинца.

Круглый гладкий браслет черной окраски из стекла K—Ca—Pb—Si, слегка тронутый иризацией, вероятно, происходит из византийских мастерских. Об этом говорит роспись его поверхности тремя желтыми линиями. Русские мастера обычно не расписывали браслетов [6, с. 111].

Итак, основной источник поступления стеклянных браслетов в Донец — это древнерусские мастерские (82,9 %). С Киевом можно связывать 70 экземпляров наручей (52,7 %); второе место занимал, возможно, Любеч (36 экз., 27,2 %); смоленский экспорт, выделяющийся более отчетливо, малочислен (4 экз., 3 %). Из Византии и других центров поступило в сумме 23 браслета (17,1 %). При этом следует учесть, что восемь наручей (6 %) из стекла Na—Ca—Mg—Si мы отнесли к византийскому ввозу условно, не имея возможности более или менее определенно локализовать их производство (Византия или Киев ?).

Таким образом, картина вероятного происхождения браслетов позволяет выдвинуть гипотезу о первенствующем положении Киева как основного экспортера в Донец интересующей нас категории украшений. Для проверки и дополнительного обоснования ее сравним цветовую гамму браслетов собственно Киева с расцветкой той части донецких наручей, которую мы предположительно связали с Киевом, а также Любечем, поскольку любечские мастера — выходцы из Киева — в основном придерживались киевской палитры [6, с. 144, 146]. Правомерность такого подхода вытекает из того, что именно цветовая гамма различает или сближает браслеты разных древнерусских городов [6, с. 167].

Анализируя имеющиеся данные, нетрудно убедиться в полном совпадении соотношений между черными и зелеными браслетами Киева и Донца — 2,5: 1; очень близкие пропорции характерны для зеленых и бирюзовых наручей; для Киева это отношение равно 1,1 : 1, для Донца — 1,6 : 1. Проценты желтых браслетов почти равнозначны, несмотря на большую разницу в объемах выборок. Характерно, что и в некоторых других городах Руси, куда браслеты ввозились из Киева, благодаря чему их расцветка строго тождественна киевской, доля желтых такая же — 4—5 % [6, с. 166, 167].

Степень близости киевских и донецких наручей по окраске можно выразить и более точно, прибегнув к математическому показателю в виде суммы квадратных корней из произведения долей каждого из совпадающих цветов [14, с. 75]. Коэффициент близости равен 81.

Не менее важно обратить внимание и на имеющиеся различия в цветовой палитре браслетов двух городов. Так, в Донце не получили распространения фиолетовые и синие наручи, которые в Киеве составляют 46 %, но зато в два раза больше, чем в Киеве, зеленых браслетов. Однако главное различие заключается в существенной

ветривания покрылось мелкими трещинками. Декор состоит из стеклянных нитей бирюзового цвета, наложенных параллельно. По заключению Ю. Л. Щаповой, класс стекла сосудов К—Рв—Si. Следовательно, изделия входят в число русских предметов, вероятнее всего, киевского производства. Аналогичные фрагменты выявлены в Новгороде преимущественно в слоях середины XI — первой трети XIII в. [20, с. 117, 121, рис. 4, *2*].

Поливная керамика домонгольского времени представлена тремя фрагментами. Один принадлежит красноглиняному расписному сосудику бокаловидной формы (рисунок, *3*). Наклонная линейная роспись желтого и зеленого цветов нанесена поверх белого ангоба и покрыта прозрачной бесцветной поливой. Аналогичный облик имеет обломок стенки. По технологическим признакам изделия связываются с Византией и датируются XI—XII вв. [23, с. 24].

Интересен третий фрагмент сероглиняной стенки, покрытой желтой непрозрачной поливой и орнаментированной широкой косой сеткой (рисунок, *4*). Особенность технологии и орнаментальный мотив позволяют говорить о Чернигове как месте изготовления сосуда в XII — середине XIII в. [23, с. 47, 50, 67, 109, табл. 17, 3, 6].

Спектральный анализ выявил состав полив: византийской — Na—Pв—Si, русской — Pв—Si

ЛИТЕРАТУРА

1. Арциховский А.В. Курганы вятичей. М., 1930.
2. Равдина Т.В. Стеклянные браслеты Серенска // КСИА. 1978. Вып. 155.
3. Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962.
4. Щапова Ю.Л. О применении качественного спектрального анализа при изучении истории стеклоделия Древней Руси // СА. 1960. № 1.
5. Безбородов М.А. Стекло в Древней Руси. М., 1956.
6. Щапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972.
7. Каргер М.К. Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1.
8. Богусевич В.А. До історії склоробного виробництва в Київській Русі // Нариси з історії техніки. 1957. Вип. 4.
9. Щапова Ю.Л. Стеклянные браслеты и датирование городского культурного слоя // СА. 1969. № 4.
10. Щапова Ю.Л. Новые материалы к истории мозаик Успенского собора в Киеве // СА. 1975. № 4.
11. Щапова Ю.Л. Мастерская стеклодела в древнем Любече // Славяне и Русь. М., 1988.
12. Щапова Ю.Л. Стеклянные изделия средневековой Тмутаракани // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
13. Щапова Ю.Л. Спектральный анализ стеклянных сосудов из античных слоев Таманского городища // Там же.
14. Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970.
15. Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. М., 1979.
16. Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси 1154 г. // КСИИМК. 1952. Вып. 43.
17. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.

18. Шевченко Ю.Ю. На рубеже двух этнических субстратов // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977.
19. Полубояринова М.Д. Стеклянные браслеты древнего Новгорода // МИА. 1963. № 117.
20. Щапова Ю.Л. Стеклянные изделия древнего Новгорода // МИА. 1963. № 117.
21. Львова З.А. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела—Белой Вежи // МИА. 1959. № 75.
22. Davidson J.R. The minor objects. Corinth. V. 12. Princeton; New Jersey. 1952. T. 113.
23. Макарова Т.Н. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси // САИ. М., 1967. Вып. Е 1—38.

Приложение

ДЬЯЧЕНКО А.Г., ЛАПЧИНСКАЯ Л.В.

МЕТОДИКА СПЕКТРАЛЬНОГО АНАЛИЗА СТЕКЛЯННЫХ ИЗДЕЛИЙ ДОНЕЦКОГО ГОРОДИЩА

Химический состав стекла браслетов, перстней и поливы на керамике Донецкого городища изучался методом эмиссионного качественного (с элементами полуколичественного) спектрального анализа. В качестве регистрирующего прибора использовался спектрограф СТЭ-1 с дуговым генератором ДГ-2. Пробу весом 17 мг, растертую до порошкообразного состояния, предварительно смешивали со спектрально чистым угольным порошком и помещали в канал угольного электрода диаметром 2 мм, высотой 3,5 мм. Щель спектрографа составляла 0,05 мм, диафрагма — 5 мм, экспозиция — 1 мин 15 сек. Спектр фотографировался на диапозитивные пластинки, которые проявлялись в метол-гидрохиноновом проявителе в течение 3 мин. Расшифровка спектрограмм велась визуально с помощью атласа спектральных линий.

В связи с тем, что длины волн, использованные нами для определения концентраций элементов, не всегда совпадают с линиями, предложенными Ю. Л. Щаповой [1, с. 94—96], необходимо дать их перечень: калий — 3446,0 А; натрий — 3302,32 А; кальций — 3158,87 А; магний — 2790,79 А; алюминий — 3050,0 А; медь — 3274,0 А; свинец — 2809,0 А; марганец — 2933,0 А; олово — 2840,0 А; железо — 2809,0 А; кремний — 2881,60 А; серебро — 3280,0 А; кобальт — 3449,0 —3453,0 А; сурьма — 2598,0 А; никель — 3163,4 А; барий — 2335,0 А; ванадий — 3102,3 А; цинк — 3345,0 А; хром — 3014,9 А; титан — 2841,0 А.

Качественная оценка результатов анализов, т.е. условная разбивка на баллы от 1 до 7, производилась после предварительного просмотра всех пластинок и отбора линий с максимальной и минимальной шириной и интенсивностью, которые были соответственно обозначены цифрами 1 и 7. Промежуточные линии по мере возрастания их ширины и интенсивности градуировались в диапазоне рангов от "6" до "2".

Таблица 1

Ранги и количественные содержания основных стеклообразующих элементов, %

Ранг	K	Na	Ca	Mg	Al	Pв	Si
1	5-10	10	10-12	5-10	10	10	30-50
2	5-10	2-5	5-10	2-5	5-10	5-10	-
3	2-5	1-2	3-5	0,8-2	2-5	2-5	-
4	1-2	0,5-1	1-3	0,3-0,8	1-2	0,3-2	-
5	1	0,1-0,5	0,5-1	0,1-0,3	0,5-1	0,1-0,3	-
6	-	0,01-0,05	-	0,05-0,1	-	-	-
7	-	0,01-0,05	-	0,01-0,05	-	-	-

Таблица 2

Ранги для обозначения рецептурных содержаний основных стеклообразующих элементов

Элементы / Ранги	K	Na	Ca	Mg	Al	Pb
4						
3	3	3		3	3	
2	2	2	2	2	2	
1	1	1	1	1	1	

Оценки процентных значений баллов основных стеклообразующих элементов, а также марганца, выполнены относительно стандартных эталонов "Трап" (СТ-1), "Гранит" (СГ-1А) и "Алевролит" (СА). После этого появилась возможность сравнить полученные величины рангов с рангами семибалльной шкалы Ю. Л. Щаповой, обеспеченными достаточно точной количественной характеристикой [2, с. 55—57]. Заключительной операцией явилась корректировка разработанной шкалы в плане установления ранга, минимальное процентное содержание которого может расцениваться как значащее для всех классов стекол и начиная с которого стеклообразующие элементы следует вводить в формулы. Итоги разбивки на ранги основных стеклообразующих элементов и их процентные оценки приведены в табл. 1 и 2.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щапова Ю.Л. О применении качественного спектрального анализа стекла при изучении истории стеклоделия Древней Руси // СА. 1960. № 1.

2. Szczapowa J.L. Zasady interpretacyi analiz skladu skla zabytkowego // Archeologia Polski. 1975.T. 18. Z. 1.

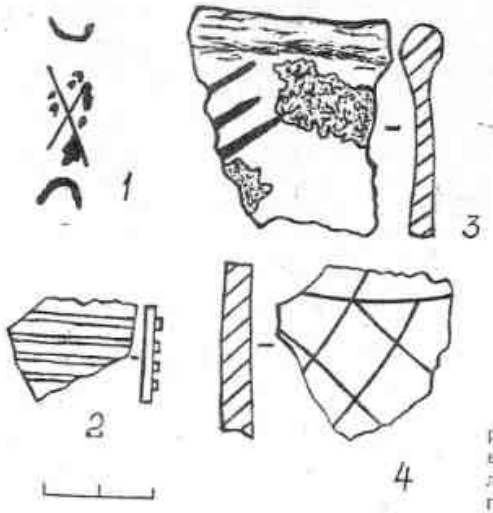


Рисунок. Находки с Донецкого городища: 1 — сюжет росписи на привозном браслете, 2 — фрагмент стеклянного сосуда, 3, 4 — фрагменты поливной керамики

А. Л. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ, М. П. ГЛАСКО, М. И. ГОНЯНЫЙ

ОПЫТ АРХЕОЛОГО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКОВ XII—XIV веков ДОЛИНЫ ВЕРХНЕГО ДОНА (район Куликова поля)

В течение ряда лет ГИМ и Институт географии РАН проводят комплексные археолого-географические исследования в районе Куликова поля на Верхнем Дону [1].

Куликово поле расположено на севере Среднерусской возвышенности и в северной части лесостепной зоны. По современным представлениям, оно включает в себя пространство, ограниченное на севере и востоке реками Непрядвой и Доном, а на юге — линией населенных пунктов Орловка—Ивановка—Шаховское—Самохваловка [2, с. 89]. Однако на основании "Книги Большому Чертежу", в сопоставлении со свидетельствами "Задонщины", "Сказания о Мамаевом побоище" и материалами писцовых книг, известно, что в XV—XVII вв. под Куликовом полем подразумевалось значительно большее пространство, включавшее почти всю восточную часть водораздела верхней Оки и верховий Дона (истоки рек Непрядвы, Мечи). Восточным пределом Поля является Дон в районе устья Непрядвы [3, с. 16—18]. Именно эта обширная территория и выступает объектом комплексного изучения.

Основные задачи исследования — изучение истории заселения и хозяйственного освоения края; реконструкция его древнего ландшафта в XII—XIV вв.; почвенно-географическая и геоморфологическая привязка памятников для выяснения особенностей расселения человека в XII—XIV вв., степени его воздействия на среду. Некоторым итогам решения поставленных задач посвящена данная работа.

Комплексные археолого-географические исследования в первую очередь были проведены в долине Верхнего Дона на отрезке пос. Епифань—пос. Грибоедово (устье р. Рыхотки), где было открыто около 70 археологических памятников, представленных стоянками эпохи неолита и бронзы, а также древнерусскими памятниками XII—XIV вв., поселениями XVI—XVII вв. Помимо Донского участка комплексные работы ведутся на древнерусских памятниках в долинах рек Сукромны, Непрядвы, Мокрой Таболы и др.

© Александровский А.Л., Гласко М.П., Гоняный М.И., 1996

Археологические памятники XII—XIV вв.

Археологическими исследованиями на данном отрезке долины Верхнего Дона выявлено 53 памятника XII—XIV вв. — городища, селища, грунтовые могильники. Поиск и изучение памятников проводились путем сплошного обследования и шурфовки всех элементов рельефа долины с выходом на водораздельные участки. На обнаруженных памятниках осуществлен следующий комплекс работ: неоднократный сбор подъемного материала, шурфовка, топографическая и геомагнитная съемки, геоморфологические и почвенные исследования (составление геоморфологической и почвенной карт).

Разведочные раскопки проводились на поселениях Бутырки 2, Горки 1, Горки 3; раскопано разрушающееся поселение Монастырщина 2 [4], на селище Монастырщина 3 вскрыто около 350 кв. м площади — памятник датируется рубежом XII—XIII в. — концом XIII в. [5]. Раскопкам подвергался грунтовой могильник Грызловка 1 в с. Монастырщина, датированный С. А. Изюмовой XII—XIII вв. [6], и грунтовой могильник у с. Бутырки с материалом, характерным для вятичей первой половины XIII в. [7].

После предварительной геомагнитной разведки раскопано небольшое поселение Смолка 2, вскрыта углубленная в материк жилая постройка первой половины XIII в.

Одной из наиболее важных задач в изучении сельских поселений в районе Куликова поля является выяснение их площади и планировки. В. В. Седовым разработана методика определения границ поселений по распространению культурного слоя, его окраске и консистенции, скоплению подъемного материала, на основе заложения шурфов [8, с. 17]. Предложенная методика с успехом использовалась в процессе наших исследований, особенно при поиске пойменных поселений (табл. 1).

Таблица 1

Площадь и планировка древнерусских поселений

Площадь селища, тыс. кв.м	Кол-во селищ	Рядовая застройка	Кучевая застройка	Однодворная застройка	Неопределенная застройка
до 1	5	-	-	5	-
2	10	6	-	-	4
3	14	11	1	-	2
4	9	4	1	-	4
8	2	2	-	-	-
13-17	3	2	-	-	1
34	1	1	-	-	-
всего	44	26	2	5	11

По площади распространения культурного слоя и подъемного материала выделяется три группы поселений.

На поселениях площадью менее 1 тыс.кв.м располагался скорее всего один двор. Ко второй группе относятся памятники площадью 1—4 тыс. кв. м, где могло быть 2—4 двора. Селища первой и второй групп, площадью 0,4—4 тыс. кв. м, составляют 86,3 % исследованных. Третья группа (13,7 %) представлена поселениями, площадь которых 8—34 тыс. кв. м, с количеством дворов 7—12 и более.

Судя по распространению культурного слоя и подъемного материала, в большинстве случаев исследуемые памятники имели вытянутые вдоль берегов рек или оврагов очертания. Можно полагать, что преобладала прибрежно-рядовая застройка, включающая в себя прибрежно-рядовую и овражно-рядовую. Большинство селищ с прибрежно-рядовой застройкой имеют ширину 20—50 м, где крестьянские дворы располагались в один ряд. Особенно четко прослеживается прибрежно-рядовая застройка на памятниках, значительных по площади. Так, планировка поселения Бутырки 2 выявляется по 7 скоплениям подъемного материала, вытянутым в одну линию вдоль правого берега р. Дон на расстояние более 350 м. На поселении Куликовка 4 цепочка участков сосредоточения керамики имеет протяженность более 850 м. Различны как площадь скопления материала — от 400 до 1,5 тыс. кв. м, так и интервалы между ними, достигающие на разных селищах от 10—25 м до 35—50 м, иногда 100 м. Исключение составляют два поселения, на которых выявлена кучевая застройка (№ 12, 26).

Как видно, основным типом застройки сельских поселений долины Дона был прибрежно-рядовой. К сожалению, на ряде памятников тип застройки определить не удалось.

Изменения ландшафта по данным почвенных исследований

Лесостепной ландшафт региона за длительный срок с древнерусского времени до наших дней значительно изменился под воздействием человека. В наибольшей степени трансформировался растительный покров, изменились почвы, рельеф.

Характер растительного покрова до начала колонизации района Куликова поля древнерусским населением, расположение лесов и безлесных степных участков, время сведения лесов могут быть реконструированы по данным изучения почв. Многие унаследованные признаки, например признаки лесного почвообразования после сведения леса, могут сохраняться в профиле почвы долгое время.

По данным почвенной съемки, распространению серых лесных почв и степных черноземов, составлена карта-схема ареалов лесов на

период максимальной облесенности (домонгольское время). Оказалось, что лесами были заняты почти все балки, крутые склоны речных долин и, местами, водоразделы и поймы (рис. 1). Основная часть водоразделов, пологие склоны речных долин, а также сглаженные, без уступов террасы были заняты черноземной степью.

Сведение лесов человеком проходило в основном в XII—XIV и в XVII—XVIII вв. За длительный послелесной этап серые лесные почвы под действием черноземообразования (гумусонакопления, вторичного окорбоначивания, зоогенных турбаций) значительно изменились (процесс проградации), а в некоторых случаях уже превратились в черноземы [9, с. 87]. В наименьшей степени проградацией затронуты серые лесные почвы балок. Очевидно, леса в балках были сведены в последнюю очередь. В настоящее время возобновление лесов также идет по балкам (см. рис. 1).

Таким образом, древнерусский человек селился на данной территории в условиях значительно большей лесистости, чем в настоящее время. Большинство поселений домонгольского времени располагается в пределах контуров степных черноземов, реже в поймах и еще реже на серых лесных почвах. Причем в поймах поселения в основном приурочены к черноземовидным луговым почвам, реже — к пойменным лесным почвам.

Геоморфологические исследования

На изучаемом отрезке долина Верхнего Дона выработана в девонских известняках. Свой современный облик она приобрела в неоген-четвертичное время и относится к типу зрелых долин с хорошо развитым террасовым комплексом. Водоразделы и приполинные склоны представлены доледниковой эрозионно-денудационной равниной, перекрытой днепровской мореной и маломощными перигляциальными отложениями. Расчлененность территории овражно-балочной сетью придает рельефу холмисто-увалистый характер. В районе п. Епифань левый борт долины соответствует слаборасчлененной плоской озерной низине.

Основной особенностью исследуемого отрезка долины Верхнего Дона является сочетание морфологически различных участков: участков с попеременно крутым то левым, то правым склоном, при этом пологий склон представлен серией надпойменных террас, постепенно переходящих в водораздел, и участков узких, ящикообразных, с крутоподнимающимися склонами и зажатыми между ними узкими полосами преимущественно низких надпойменных террас и поймой. Особо выделяется участок озеровидного расширения в районе п. Епифань, с далеко отступающими террасовыми склонами и аномально расширенной приболоченной поймой (Лупишкинский участок). На

данном отрезке долины Верхнего Дона прослеживаются три надпойменные террасы, имеющие различную выраженность в рельефе и неравномерное развитие (рис. 2).

Высокая третья надпойменная терраса, средне-верхнечетвертичного возраста, развита локально, цокольная. Аллювий ее представлен песками, перекрывающимися суглинками и глинистыми песками. Морфологически она трудно выделяется, так как поверхность террасы имеет значительные уклоны и практически сливается с приводораздельными склонами, переход ее к нижележащему уровню также слабо заметен. Высота террасы — 30—40(45) м над современным урезом Дона, ширина колеблется от 0,5 до 2 км (здесь и ниже максимальные величины ширины относятся к расширенному Лупишкинскому участку долины).

Вторая надпойменная терраса, верхнечетвертичного возраста, также цокольная, сложена песчано-глинистым аллювием или целиком суглинками. Развита практически повсеместно, опираясь на первую террасу или пойму, реже непосредственно спускаясь к руслу, образуя узкий бечевник. Высота террасы — 14—27 м, ширина колеблется от 1,1 до 4,5 км, уклоны поверхности значительные.

Первая надпойменная терраса, верхнечетвертичного возраста, аккумулятивная, сложена в основании горизонтом гелечника, выше которого залегают суглинки. Терраса развита повсеместно в виде практически непрерывной полосы шириной от 0,1 до 2,0 км, а в устьях притоков сохранилась обрывками. Терраса имеет слабые уклоны поверхности и опирается в основном на пойму, образуя уступ высотой 4—5 м, в ряде случаев спускается к ней длинными пологими склонами, сливаясь с поверхностью поймы, что создает значительные трудности в выделении. Высота террасы — 8—12 м (реже до 14—16 м).

Надпойменные террасы значительно расчленены овражно-балочной сетью с каскадом современных врезов и выходами коренных пород в днище и отвесные стенки бортов. В меньшей степени эрозией затронуты водоразделы, для которых характерны плоскодонные балки с задернованным днищем.

Днище долины занято хорошо развитой поймой, сложный рельеф которой и пестрый литологический состав отложений свидетельствуют о динамической обстановке ее формирования, сохраняющейся и поныне. Ширина поймы колеблется от 0,1 до 3,5 км. Выделяются три высотных ее уровня: высокий — 5,5—6,5 м, средний — 5—5,5 м, низкий — 1—3 м над урезом. Высокая пойма развита в виде останцов в расширениях долины или ступени с четким уступом над средним уровнем в сужениях. Имеет суглинисто-супесчаный состав и ровную поверхность. Средняя пойма наиболее широко развита, суглинисто-

супесчаного состава, нередко с линзами старичных иловатых глин. В ряде случаев в отложениях поймы прослеживается хорошо развитая погребенная почва, перекрытая молодым слоистым аллювием.

Рельеф поймы сложный — представлен чередованием останцов высокой поймы и первой надпойменной террасы с эрозионными ложбинами, старичными понижениями, карстовыми западинами, гривами и относительно выровненными пространствами. Местами, в расширениях, поверхность поймы заболочена. Низкая пойма, шириной до 50 м, имет тяжелый суглинистый состав, развита локально.

Следует подчеркнуть, что надпойменные террасы трудно выделяются. За длительный период со времени образования (вторая половина четвертичного периода) в результате экзогенных процессов произошло значительное сглаживание террас. Поэтому в большинстве случаев установить их возможно по характерным для каждой террасы отложениям. Наиболее четко прослеживается первая надпойменная терраса, в наименьшей степени охваченная этими процессами. Некоторая активизация склоновых процессов наблюдалась в последние столетия в связи с воздействием на рельеф человека (распашка, сведение лесов): смытые с полей наносы накапливаются у подножий склонов в виде конусов выноса, заполняют балки и ложбины, усиливается аккумуляция на пойме. В связи с этим изменилась форма некоторых элементов рельефа: затянулись делювиальными отложениями тыловые швы террас и поймы, переход между ними стал еще менее четок; склоны более выположены.

Анализ геоморфологического положения 53 памятников древнерусского времени долины Верхнего Дона, включая верховье р. Смолки, показал, что элементы речных долин — придолинные коренные склоны, надпойменные террасы и пойма — использовались для поселения в разной степени.

Высотное распределение памятников четко дифференцировано (табл. 2). Рассмотрим размещение памятников последовательно от днища долины к водоразделу.

На пойме долины расположена значительная часть памятников (25 %). Как правило, это ее высокий уровень — гривы, останцы первой террасы высокой древней поймы, нередко с окружающими их старицами. Наибольшее скопление памятников сосредоточено на Епифанском расширении поймы и на "стрелке" Дона и Непрядвы. Высотное положение памятников 5—6,5 м.

Основное сосредоточение памятников относится к первой надпойменной террасе (41 %). При этом наиболее заселяемой являлась ее поверхность, представленная длинными пологими склонами, нередко плавно переходящими в пойму, и значительно расчлененная овражно-балочной сетью. Здесь расположено более 60 % памятников, выявленных на первой террасе. Положение памятника на тер-

Таблица 2

Геоморфологическое положение древнерусских памятников

Элементы долины Верхнего Дона, на которых расположены памятники XII—XIV вв.				Древнерусские памятники XII—XIV вв.		
				№ по геоморфологической карте	высотное положение, м	кл-во
Пойма				6, 7, 8, 8а, 12, 18, 20, 23, 27, 30, 34, 35	5-6,5	25 %
надпойменные террасы	первая	мыс		37, 38	10-16	41 %
		поверхность,бровка, уступ		5,9, 24	7-10	
		поверхность террасы с незначительными уклонами	без четкого перехода к нижележащему уровню	10, 15, 21, 25, 29, 36	4-14	
			с четким уступом к нижележащему уровню	3, 11, 13, 14, 22, 28, 39	5-14	
		прибровочная часть		4, 19, 47	3-11	
	вторая	мыс		1,2	более 20	15%
		поверхность террасы со значительными уклонами		52 (р. Смолка)	5-7,5	
		прибровочная часть		16, 43, 44, 45, 46	14-22	
	Нерасчлененные пологие поверхности слившихся террас с четким уступом к нижележащему уровню		первой и второй	40	12-14	3%
			первой и третьей	48 (р. Рыхотка)	более 5	
Сопряженные элементы рельефа			первая надпойменная терраса и пойма	41	6-12	3%
			вторая, первая надпойменные террасы и пойма	17	5-13	
Коренные склоны			прибровочная часть	26, 32, 33, 49, 50, 51 (р.Смолка)	25-28	6% 6%

расе с четким уступом, в прибровочной части, расположенной рядом кругостенной балки или долины ручья, определяется как "мысовое". Таких памятников на террасе 3 %.

В прибровочной части террасы с крутым уступом зафиксировано около 5 % памятников; все элементы первой террасы — слабо наклоненную поверхность, относительно пологий уступ и бровку — занимает также небольшое количество памятников (5 %). При этом положение археологического материала ниже бровки террасы в двух последних случаях связано, видимо, с перемещением его вниз в результате распашки террасы в XII—XIV или XVII—XVIII вв., что должно быть учтено при определении площадей поселений. Высотное положение памятников на террасе колеблется от 5—6 м до 10—12 м, реже — до 14—16 м.

На второй надпойменной террасе расположено 15 % памятников, включая один на р. Смолке. Распределение памятников на элементах террасы здесь иное: наиболее заселяемой являлась ее прибровочная часть с довольно крутым расчлененным балками уступом (10 %). Встречаются здесь и "мысовые" поселения (3 %). На поверхности террасы, имеющей значительные уклоны, обнаружено лишь одно поселение (р. Смолка). В целом высотное положение памятников на террасе колеблется от 14 до 22 м.

На третьей надпойменной террасе памятники не встречены.

Следует отметить, что некоторые памятники (их 3 %) расположены на длинных склонах слившихся надпойменных террас. Это поселение Куликовка 5, расположенное на едином склоне 1-й и 2-й террас на высоте от 12 до 14 м, и Грибоедово 2 — на нерасчлененных склонах 1-й и 3-й террас, на высоте более 5 м над урезом р. Рыхотки.

Некоторые крупные памятники (№ 17, 41) занимают несколько элементов рельефа долины Верхнего Дона, таких памятников немного (3 %). Так, поселение Бутырки 2 расположено на 2-й и 1-й террасах и пойме на высоте от 5 до 13 м; поселение Куликовка 4 сосредоточено в основном на ровной поверхности 1-й террасы и частично высокой пойме и располагается на высоте от 6 до 12 м.

Как установлено, на коренных склонах долины памятники встречаются исключительно редко (всего 6 %), занимая прибровочную часть; высотное их положение — от 20 до 28 м. Такая же закономерность в расположении памятников отмечается и для долины правого притока Дона — р. Смолки.

Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что в XII—XIV вв. в долине Верхнего Дона 70 % поселений было сосредоточено на низких уровнях — первой надпойменной террасе и пойме в диапазоне высот от 5—6 до 10—12 м. Кроме того, располагались они достаточно близко к руслу, не далее 150 м. Отмеченная в ряде случаев значительная удаленность памятников от современного русла — до 300 м, при диапазоне от 20—50 до 150—300 м, связана, видимо, с произошедшим за последние 600—700 лет боковым смещением русла. Об этом свидетельствуют рельеф поймы — многочисленные старичные понижения, останцы и несоответствующее современному руслу положение грив.

Ландшафтная обусловленность положения памятников XII—XIV вв.

Преобладающее положение памятников на низких уровнях долины Верхнего Дона (первой надпойменной террасе и пойме) свидетельствует об особой привлекательности природных условий этих территорий для обитания и хозяйственной деятельности человека. Во-первых, близость реки, значение которой трудно переоценить в жизни человека, — источник воды, рыболовство, транспортное средство и т.д.; кроме того, пойма с ее заливными лугами, плодородными почвами, старичными водоемами, небольшими лесами создавала экономически выгодные условия для освоения. Во-вторых, связаны с рекой и ландшафты первой надпойменной террасы: растительный покров здесь разнообразнее и богаче более высоких уровней второй и третьей террас, ландшафты которых приближаются к водораздельным [10, с. 27]. На первой террасе, ее пологих склонах господствуют незалесенные пространства с черноземными почвами, разнотравно-луговыми и разнотравно-ковыльными участками степи. Рядом с ними, на крутых склонах первой и второй террас, произрастают небольшие по площади леса. Животный мир первой террасы также разнообразен и богат. Все эти обстоятельства весьма выгодно отличают первую террасу и пойму от других территорий. К сожалению, мы не располагаем достаточными палеогеографическими данными о ландшафтах долины Верхнего Дона на исследуемом отрезке на период XII—XIV вв. Поэтому причины расселения человека этого времени преимущественно на низких уровнях долины освещены далеко не полностью.

Кроме высотной дифференциации памятников, в долине отмечается неравномерное их размещение и вдоль нее: выделяется несколько участков концентрации памятников (от 4 до 16 на каждом). Кроме того, особо выделяется группа памятников в верховье р. Смолки.

Первый участок концентрации памятников расположен между пос. Епифань и резким сужением долины перед устьем р. Сукромны. Долина Дона здесь асимметричная и аномально широкая (до 7 км), с

хорошо развитыми уровнями надпойменных террас. При этом правый склон долины занят пологими и широкими надпойменными террасами, левый — узкими, с крутыми уступами. Сложным рельефом отличается широкая — до 3,5 км пойма: обилие старичных понижений, карстовых западин, эрозионных ложбин в сочетании с останцами первой надпойменной террасы и древней высокой поймы. В прошлом, по-видимому, ландшафт данного участка долины был значительно разнообразнее. В целом огромный природный потенциал широкой поймы и пологих террас не мог не привлечь внимания человека, выбравшего это место еще в эпоху неолита. Расположено здесь 16 памятников (№ 1—15), включая два крупных. Пять памятников, один из них крупный, находятся на пойме; девять — локализуются на первой террасе на высоте не более 12 м; два — на второй террасе на высоте 20 м над урезом.

Ниже по течению, в приустьевой части р. Сукромны, расположена группа из двух памятников (№ 16, 17). Долина здесь сужается до 3,5—4 км и характеризуется преимущественным развитием второй террасы, образующей к пойме крутой уступ. В прибровочной ее части, на высоте 20 м, обнаружен грунтовой могильник. Первая терраса развита локально, четко переходит к пойме, ширина которой колеблется от 0,2 до 0,6 км. Второй памятник представлен крупным поселением Бутырки 2, занимающим, как уже указывалось, вторую и первую террасы, и спускающимся в пойму. Высота его — от 5 до 13 м.

Указанные две группы памятников (№ 1—15 и № 16, 17), расположенные в разных геоморфологических условиях, объединяются археологически, занимая участок долины протяженностью 9 км. Эти поселения в большинстве своем невелики по площади, исключением являются селища Кораблино 1 (1,3 га), Кораблино 8 (1,4 га), Бутырки 2 (1,7 га). Близ последнего находится грунтовой могильник Бутырки 1. В пос.Епифань, на останце второй террасы, расположены остатки городища и селища древнерусского времени (№ 1, 2). К сожалению, интенсивная городская застройка Епифани уничтожила культурные слои древнерусских памятников и их изучение невозможно.

Третий участок скопления памятников (№ 18—29) находится в долине между устьями рек Муравлянки и Казановки. Ширина долины Дона здесь 2—3,5 км, надпойменные террасы развиты равномерно, поверхность их значительно расчленена балками. Пойма, преимущественно среднего уровня, имеет ширину от 0,1 до 0,5 км, рельеф ее сложный — с гривами и останцами вдоль спрямленного, со слабой боковой миграцией русла. Семь памятников расположены на пологонаклонной поверхности первой террасы на высоте 5—14 м,

при этом, как правило, памятники тяготеют и к прибровочной части, прорезающей террасу балки. Четыре селища локализуются в пойме (на гриве и останце) на высоте 5—6 м. И лишь поселение Гороховка 1 располагается высоко — в прибровочной части коренного склона на высоте 26—28 м. В данной группе памятников своими размерами выделяется селище Горки 1, занимающее площадь более 8 тыс. кв. м.

Следующая группа памятников (№ 30—35) приурочена к устьевой части р. Непрядвы. Это второе, после Лупишкинского, пойменное расширение, характеризующееся разнообразным рельефом. Именно здесь на останцах террасы и высокой поймы расположены четыре небольших по площади селища. В прибровочной части правого коренного склона, по бортам прорезающей его балки, на высоте более 20 м выявлены крупное поселение Монастырщина 3, площадью более 8 тыс. кв. м, и грунтовой могильник Грызловка 1.

Возможно, к поселению Монастырщина 3 тяготеют расположенные в 3 км к югу от него, в верховьях р. Смолки, четыре селища (№ 49—52). В настоящее время долина р. Смолки представляет собой плоскодонную, местами приболоченную балку со слабым прерывистым водотоком. Днище долины занято поймой двух уровней — низкой (0,5—1 м) и высокой (2—3 м). В прибровочной части крутых коренных склонов балки, на высоте 12—14 м над урезом Смолки, расположены три селища (№ 49—51). В районе памятников склоны расчленены широкими плоскодонными ложбинами с конусами выноса у подножий и осложнены оплывинами, вероятно, антропогенного происхождения. Поселение Смолка 4 расположено на пологом склоне второй террасы на высоте 5—7,5 м над днищем.

Ниже по течению на отрезке долины Дона д. Татинки — устье р. Смолки располагается группа из семи памятников (№ 36—42). Долина здесь характеризуется крутым правым бортом, занятым второй террасой, и пологим левым — с комплексом из трех террас. При этом первая терраса развита попеременно то с левого, то с правого берега, поверхность ее прорезают балки. Во фронтальной части первой террасы, рядом с бортом балки располагаются памятники. Особое положение в рельефе занимает крупное поселение Куликовка 4 площадью 4,3 га, расположенное на первой террасе и пойме. Здесь следует отметить довольно небольшую ширину поймы —от 0,1 до 0,35 км.

На отрезке долины Дона между устьями рек Смолки и Курцы выделяется еще одна группа памятников (№ 43—47). Долина здесь сохраняет асимметрию предыдущего участка — правый борт крутой и занят второй террасой, обрывающейся крутым уступом к пойме и интенсивно расчлененной балками. В прибровочной части террасы и

смежного с ней прибалочного склона, на высоте более 20 м, расположены четыре селища. В целом такое положение поселений не характерно для рассматриваемого отрезка долины Верхнего Дона. Положение другого селища этой группы — Малые Курцы 2 — на склоне первой террасы, на высоте 7—8 м, более типично.

Возможно, две группы памятников (№ 36—42 и № 43—47), находящиеся в разных геоморфологических условиях, объединяются археологически в одну группу, тяготеющую к крупному поселению Куликовка 4.

Ниже по течению Дона в устье р. Рыхотки отмечается одиночное положение памятника Грибоедово 2, расположенного на нерасчлененной поверхности третьей и первой надпойменных террас на высоте более 5 м над урезом р. Рыхотки. Ширина поймы этого участка долины Дона значительная — от 0,2 до 0,6 км.

Установленная закономерность размещения памятников вдоль долины Верхнего Дона определяется изменениями почвенного и растительного покрова и геоморфологических условий. Особое значение имеет наличие незалесенных пространств первой террасы с плодородными черноземными почвами и достаточно широкой поймой, пригодных для земледелия и животноводства. Сильно залесенные, суженные участки долины, с крутыми склонами, узкими террасами и слабо развитой поймой, не заселялись. Например, участок долины выше впадения р. Непрядвы (рис. 1; 2).

Обобщая вышеизложенное, можно допустить, что на исследуемом отрезке долины Верхнего Дона памятники каждой группы в совокупности образовывали сельскую территориальную общину. Селища, возникшие на рубеже XII—XIII вв. на данной территории, были преимущественно крупными, но затем, по мере роста населения, появлялись небольшие выселки и новые селения.

Древнерусское население, активно заселявшее в XII—XIV вв. район Куликова поля, в первую очередь осваивало относительно безлесные, высокоплодородные низкие уровни долины — первую надпойменную террасу и пойму, характеризующиеся более богатыми и разнообразными ландшафтами, связанными с близостью реки. Значительное количество небольших по площади поселений, с одной стороны, говорит о возможности ведения самостоятельного хозяйства небольшим по численности коллективом, с другой — о высоком уровне развития пашенного земледелия.Последнее подтверждается находками зерен ржи, ячменя, пшеницы, чересла — плужного ножа. Кроме того, палинологические данные свидетельствуют о достаточно разнообразном составе культурных злаков [11, с. 35]. Необходимость постоянного ухода за пашней, вывоз навоза на поля заставили

приблизить к ним поселения. Участки поймы, склоны надпойменных террас с хорошим травостоем играли также немаловажную роль для сенокошения и выпаса скота.

Интересен факт освоения водораздельных участков данной территории под пашню уже в первой половине XIII в. Видимо, процесс заселения был настолько активным, что за короткий срок большинство наиболее удобных для освоения участков долины было занято. Это заставило население двинуться на водоразделы.

Комплексные археолого-географические исследования памятников XII—XIV вв. долины Верхнего Дона на отрезке п. Епифань — устье р. Рыхотки позволяют сделать следующие выводы.

1. Преобладает приречный тип поселений с малодворной рядовой застройкой. Небольшие по площади селища тяготеют к крупным поселениям, образуя, видимо, сельские территориальные общины.

2. Размещение памятников имеет ландшафтную приуроченность. Заселялись преимущественно низкие уровни долины — первая надпойменная терраса и пойма, при этом удаленность поселения от источника воды не превышала 100—150 м. Для выбора места поселения, кроме условий рельефа, гидрографии, большое значение имели особенности почвенного и растительного покрова.

3. Освоение долины проходило достаточно интенсивно и в двух направлениях: вдоль и от низких уровней к высоким. В совокупности с последующими этапами освоения территории это привело к значительным антропогенным изменениям ландшафтов долины Верхнего Дона за последние 600—800 лет.

4. Комплексный подход к изучению археологических памятников открывает широкие возможности исследования общих проблем географии и археологии: а) истории природной среды на разных этапах заселения того или иного региона; б) взаимодействия природной среды и человека; в) антропогенных изменений природной среды и ее компонентов (время, интенсивность, динамика): генетических типов почв, растительного покрова, рельефа (балок, склонов, поймы); взаимодействия склоновых и русловых процессов; этапов и скорости почвенной эрозии; г) разработки природоохранных мероприятий археологических и исторических памятников, в частности территории Куликова поля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фоломеев Б.А., Гласко М.П., Хотинский Н.А. и др. Монастырщина II — неолитическое и средневековое поселение на Куликовом поле в верховьях Дона // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М., 1984.

2. Решение исполкома Тульского областного Совета депутатов трудящихся "Об утверждении границ охранной зоны и зоны регулирования застройки Куликова поля" от

10 февр. 1969 г. Приложение 1. Куликово поле // Сб. док-ов и материалов к 600-летию Куликовской битвы. Тула, 1982.

3. Кучкин В.А. Победа на Куликовом поле // ВИ. 1980. № 8.

4. Фоломеев Б.А., Александровский А.Л., Гласко М.П. и др. Древние поселения и природная среда приустьевой части Непрядвы // Куликово поле. Материалы и исслед. М., 1990 (Тр. ГИМ. Вып. 73).

5. Гоняный М.И. Поселение древнерусского времени Монастырщина III на Верхнем Дону // Там же.

6. Изюмова С.А. Могильник у с. Монастырщина Тульской области // Там же.

7. Гоняный М.И., Недошивина Н.Г. К вопросу о вятичах на Верхнем Дону // СА. 1991. № 1.

8. Седов В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.) // МИА. 1960. № 92.

9. Александровский А.Л. Антропогенная эволюция почв Куликова поля // Антропогенная эволюция геосистем и их компонентов. М., 1987.

10. Мильков Ф.Н. Долинно-речные ландшафты среднерусской лесостепи. Воронеж, 1987.

11. Хотинский Н.А., Фоломеев Б.А., Александровский А.Л., Гуман М.А. Куликово поле: природа и история последних 6 тысяч лет // Природа. 1985. № 12.

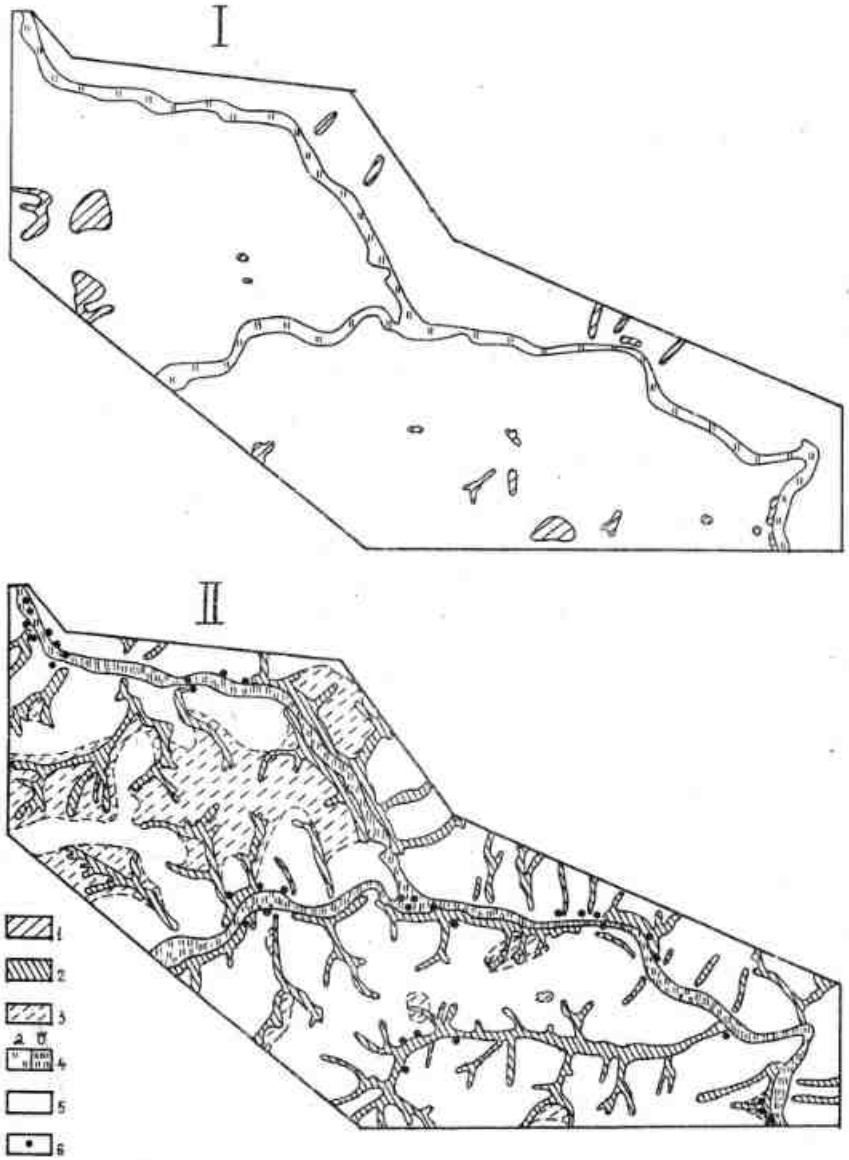


Рис. 1. Изменение лесистости долины Верхнего Дона в районе Куликова поля (по данным изучения почв)

I — современность; II — домонгольское время. 1 — современные леса; 2 — распространение балочных лесов в домонгольское время; 3 — водораздельные леса в домонгольское время; 4 — пойма Дона и Непрядвы (а—современная, б — в домонгольское время (местами облесенная)); 5 — безлесные территории; 6 — древнерусские памятники XII—XIV вв.

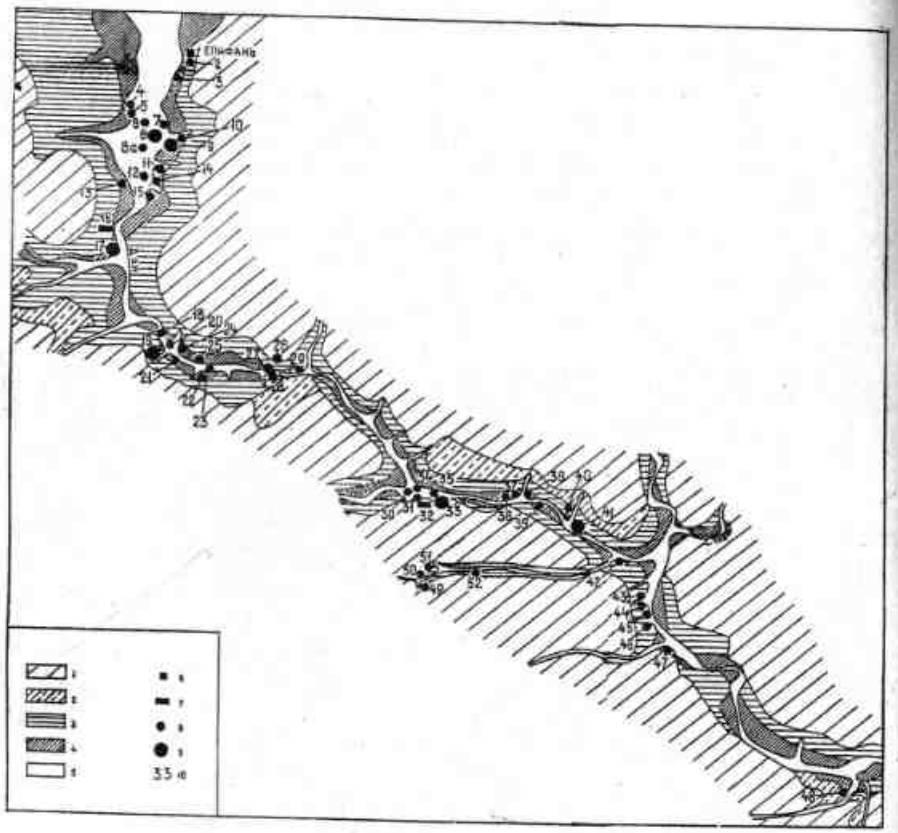


Рис. 2. Террасы долины Верхнего Дона на отрезке пос. Епифань — устье р. Рыхотки и древнерусские памятники XII—XIV вв.

1 — коренные склоны долины; 2—4 — надпойменные террасы (2 — третья терраса, 3 — вторая терраса, 4 — первая терраса); 5 — пойма; 6—9 — древнерусские памятники (6 — городище, 7 — грунтовой могильник, 8 — селище площадью 0,4—4 тыс. кв. м; 9 — селище площадью 8 тыс. кв. м и более); 10 — порядковый номер памятника.

1 — Федосьево 1; 2 — Епифань 1; 3 — Шевырево 1; 4 — Мельгуново 2; 5 — Мельгуново 4; 6 — Мельгуново 5; 7 — Кораблино 5; 8 — Кораблино 8; 8а — Кораблино 9; 9 — Кораблино 1; 10 — Кораблино 2; 11 — Рагозинки 1; 12 — Рагозинки 3; 13 — Лесопитомник 1; 14 — Лесопитомник 4; 15 — Лесопитомник 3; 16 — Бутырки; 17 —Бутырки 2; 18 — Горки 4; 19 — Горки 1; 20 — Горки 5; 21 — Горки 6; 22 — Горки 2; 23 — Горки 3; 24 — Тужиловка 2; 25 — Тужиловка 1; 26 — Гороховка 1; 27 — Гороховка 3; 28 — Гороховка 2; 29 — Извольщина 2; 30 — Монастырщина 2; 31 — Монастырщина 8; 32 — Монастырщина; 33 — Монастырщина 3; 34— Татинки 6; 35 — Татинки 7; 36 — Татинки 2; 37 — Татинки 3; 38 — Татинки 4; 39 — Татинки 1; 40 — Куликовка 5; 41 — Куликовка 4; 42 — Куликовка 2; 43 — Прилипки 2; 44 — Прилипки 3; 45 — Прилипки 4; 46 — Прилипки 5; 47 — Малые Курцы 1; 48 — Грибоедово 2; 49 — Смолка 1; 50 — Смолка 2; 51 — Смолка 3; 52 — Смолка 4

С.А. БЕЛЯЕВА

ИЗ ИСТОРИИ ОХОТЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

В изучении системы хозяйства Древней Руси вопрос о роли охоты длительное время был предметом острых дискуссий. Часть историков (Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, И. Д. Беляев и др. [1; 2; 3]) считала господствующими отраслями хозяйства земледелие и скотоводство. Другие, признавая роль земледелия, переоценивали значение присваивающих форм хозяйства (М. Аристов [4]) или придерживались мнения о примитивном характере земледелия (С. Ф. Платонов [5]). Третьи (В. О. Ключевский, Н. А. Рожков, М. В. Довнар-Запольский и др. [6; 7; 8; 9]) считали присваивающее хозяйство основой экономики Древней Руси и подчеркивали исключительную роль внешней торговли продуктами промыслов. Такая трактовка была подвергнута обстоятельной критике с привлечением археологического материала, начало которой положено работами В. В. Хвойка, а в дальнейшем особо следует подчеркнуть разработки Б. Д. Грекова и П. Н. Третьякова [10; 11]. С накоплением данных археологии в последующий период был заложен прочный фундамент исследования системы хозяйства Древней Руси. Советскими историками и археологами написан ряд специальных работ, раскрывающих значение земледельческого хозяйства в Древней Руси. Особое место среди них принадлежит работам В. П. Левашовой, В. И. Довженко, Ю. А. Краснова и др. [12; 13; 14]. Продвинулось и изучение проблематики добывающих областей хозяйства, в том числе охоты, где также первостепенное значение имели введение в научный оборот археологических материалов и исследование древней фауны специалистами [15; 16; 17; 18; 19]. В социально-экономическом аспекте помимо вышеуказанных работ Б. Д. Грекова и П. Н. Третьяков принципиальное значение имели труды В. В. Мавродина, Я. Н. Щапова, Б. А. Рыбакова, П. П. Толочко и др. [20; 21; 22; 23].

Однако к настоящему времени в изучении истории охотничьего хозяйства наметился ряд вопросов, требующих нового объема источников, нового анализа, разработки новых аспектов проблематики. Некоторые из них мы попытаемся обозначить в настоящей статье, привлекая в основном материалы южных районов Древней Руси.

Формирование Древнерусского государства в последней четверти I тысячелетия н. э., его основного ядра с центром в Киеве происходило на территории, чрезвычайно перспективной для данного периода исторического развития. Если в эпоху античной цивилизации наиболее активными зонами Восточной Европы были сравнительно небольшие территории античных городов-государств, то на заре фео-

© Беляева С.А., 1996

дальной формации и в первые века ее истории зона сложения восточно-славянского государства, а затем и сама Древняя Русь, одно из "крупнейших государств средневековой Европы", представляла собой "исторически важную контактную зону между Арабским Востоком и Западной Европой, Византией и Скандинавией" [23, с. 5]. Столица государства Киев и Поднепровье в целом оказались в эпицентре сложных социально-экономических и политических связей средневекового мира. Таким образом, формировавшаяся социальная верхушка уже в эпоху сложения государственности включилась в международную торговлю, "необычайно оживился спрос на пушнину" [22, с. 244], которая в тот период была наиболее важным и доходным товаром. Названия самых ценных пушных зверей отразились в денежных терминах (куна, веверица, бель и т.д.) и единицах взимания дани. Однако, как отмечал Б. А. Рыбаков, последнее "вовсе не означало господство охотничьего хозяйства у славян, а отмечало лишь целеустремленный интерес социальных верхов к предметам вывоза и выгодной статье заморского торга" [22, с. 244]. Диалектика развития состояла в том, что международная торговля, и в первую очередь торговля пушниной, стала катализатором, но отнюдь не первопричиной процесса социальной дифференциации, накопления богатств у верхушки славянского общества за счет эксплуатации природной среды и экспроприации большей части добываемого продукта в форме дани. Стабильной же основой дальнейшего прогресса восточнославянского общества являлась система производящего хозяйства, в первую очередь земледелие. Как указывал Я. Н. Щапов, "натуральное сельское хозяйство порождает социальное неравенство, т.к. производимый прибавочный продукт может быть присвоен одним лицом у другого, и следовательно оно является классообразующим типом хозяйства" [21, с. 97].

В переходный период добывающее хозяйство также претерпевает изменения и в раннефеодальной структуре становится новым по своей социально-экономической сути хозяйственным укладом — классовым типом добывающего (присваивающего) хозяйства. Хотя и в доклассовом, и в классовом обществе источником добывающего хозяйства является природная среда, изменяется характер ее эксплуатации, имеет место качественный переворот в сфере распределения. В феодальном обществе продукт, добываемый в природной среде, или значительная доля его отчуждается у непосредственного добытчика и присваивается господствующим классом, сначала в форме государственных податей, а с развитием феодальных отношений в XI—XII вв. — в форме податей различным феодальным сословиям как светским, так и духовным. Темпы эксплуатации природной среды получают значительное ускорение. Классовый характер присвоения стимулирует развитие технического уровня добывающего хозяйства как средства эксплуатации природной среды и получения все боль-

шого объема естественного продукта господствующим классом. Ускорение эксплуатации природной среды связано с новыми запросами классового общества: превращением добываемого продукта в товар внутреннего и международного рынка. Последующий этап связан уже с перерастанием промысла в отдельную специализированную отрасль хозяйства.

Движение огромной товарной массы в эпоху образования Древнерусского государства и последующий период государственного развития фиксируется письменными источниками, прежде всего восточными авторами, и опосредованно прослеживается в ее эквиваленте — кладах серебряных монет и предметах импорта. Как известно, древнейшие клады дирхемов на территории Среднего Поднепровья относятся к концу VIII в., а поступление основной массы приходится на IX — начало X в. Только в Древнем Киеве найдено более 11 тыс. серебряных восточных монет [24, с. 165], что, как отмечает П. П. Толочко, является лишь незначительной частью дирхемов, "поступивших в Киев с Востока. Многие из них еще во времена Киевской Руси, особенно в так называемый безмонетный период, были переплавлены в слитки — монетные гривны; большое количество, очевидно, попало в тигли киевских ювелиров XIX —XX вв." [24, с. 165]. Но даже эта часть имеющихся в нашем распоряжении находок позволяет говорить об огромном объеме торгового баланса.

Интенсивные связи Киева с арабским Востоком в VIII—X вв., заинтересованность Руси в получении прежде всего серебряных монет, необходимых для внутреннего рынка [24, с. 165—166, 170], очерчивают суть изменений в социально-экономическом развитии региона — становление и развитие государственности. Поэтому создание административной системы по экспроприации продуктов добывающей сферы гарантировало поступление товарной массы для внутреннего и внешнего потребления и было закономерным, необходимым шагом молодого государства. В этой связи по меньшей мере странными являются оценки "полюдья" и дани И. Я. Фрояновым [25, с. 114—118], который словно в застывшем, законсервированном виде рассматривает их в эпоху ранней государственности (X—XI вв.) и в более поздний период, не видя тех качественных изменений, которые отличают древнейшие сборы первобытности от системы экспроприации классового общества. Институты первобытности не переносятся автоматически в классовое государство, представляющее новую социальную организацию, а претерпевают изменения, обусловленные потребностями социально-экономического развития.

Сравнительный анализ данных письменных источников, детальное исследование полюдья, в первую очередь Б. А. Рыбаковым [22, с. 316—342], убедительно показывают несостоятельность утверждений И. Я. Фроянова. Полюдье в эпоху Киевской Руси — это первая

или натуральная форма ренты [23, с. 6], форма феодальной эксплуатации населения государственной организацией. И. Я. Фрояновым ставятся под сомнение и те сообщения летописей, которые неумолимо свидетельствуют о постепенном формировании государственной системы присвоения продукта, в том числе и из сферы добывающего хозяйства. Как известно, еще в недатированной части летописи перечисляются многие племена, которые дают дань Руси [26, с. 9]. В записях под 883—885 гг., т.е. в эпоху ранней государственности, речь идет об обложении данью северян, радимичей, древлян [26, с. 18]. И наконец, победа Ольги над древлянами — это не просто дань побежденных победителям, как пытается представить И. Я. Фроянов [25, с. 113—114], а победа феодального государства над племенным сепаратизмом, столь необходимая для существования сильного феодального государства, каковым и признана была на международной арене Киевская Русь. Дальнейшая реформа Ольги — не возвращение к старой системе фиксированной дани [25, с. 115], ибо таковой в столь широком масштабе просто ранее не существовало, а создание целостной системы феодальной, государственной эксплуатации. И. Я. Фроянов, заостряя внимание на взимании дани с других племен, опускает тот факт, что летописец включает в территорию, охваченную реформами Ольги, практически всю территорию исторического ядра Киевской Руси — земли по Днепру и Десне, т.е. речь идет не об обложении данью завоеванных племен, а об общегосударственной системе эксплуатации в виде натуральной ренты. Следует обратить внимание и на тот факт, что устанавливается целостная система эксплуатации с учетом региональных особенностей, учреждается как натуральная, так и отработочная рента.

Обратимся еще раз к летописному тексту: "устави по Мсте погосты и дань, по Лузе погосты и дань и оброки и ловища ее суть по всей земли, и знамения и места и погосты..," и по Днепру перевесища и по Десне..." [26, с. 50]. Анализируя этот отрывок, отметим, что имеют место следующие особенности реформы: а) наличие двух форм ренты: "дань" и "уроки", т.е. отработочная рента в хозяйстве князя, феодала; б) установлена система административно-судебных пунктов — погостов, куда свозили дань. При этом, как отмечал Б. А. Рыбаков, "без предварительного повоза, организованного местной племенной знатью, трудно представить себе такой большой и громоздкий механизм, как полюдье" [22, с. 325]; в) констатируется наличие "по всей земле" ее ловищ, т.е. княжеских охотничьих угодий; г) наличие перевесищ, т.е. мест, участков, угодий, где устроены перевесы для птиц и зверей, "и по Днепру и по Десне".

Таким образом, "реформа" Ольги не сводится к простому взиманию дани, характерному и для догосударственного периода. Перед нами вполне очерченная географическими реперами — Мстой и Лугой на севере и Десной и Днепром на юге, территория Древнерусского государства. Есть и конкретное направление пути Ольги — с Южной Руси, из Киева, в Новгород; и промежуточный пункт — Псков, и время прибытия — зима 947 г. Есть и цель поездки — установление системы различных феодальных повинностей и эксплуатации территории, разделение ее участков для определенных сфер хозяйственной деятельности. Т.е. в наличии все компоненты: и сфера приложения труда, и система эксплуатации (натуральная и отработочная рента), и хозяйственная специализация, и сфера присвоения (государство, княжеская власть). Благодаря реформе в зону охотничьего хозяйства, в том числе закрепленного за князем, вошла обширная территория. В последующем государство определит статьями "Русской правды" и особые права своего сборщика податей—вирника, и время сбора виры.

Естественно, включение в государственное образование регионов, характеризующихся различными физико-географическими особенностями, обусловило и специфику охотничьего хозяйства каждого из них, кроме того, необходимо учитывать и социально-экономическое развитие регионов, которое также было неоднородным. Эксплуатация этих областей велась и в догосударственный период местными племенами. Как указывал О. В. Сухобоков, к вопросу о роли охоты следует подходить дифференцированно, принимая во внимание географическую среду, в которой находятся те или иные группы раннеславянских и неславянских памятников [27, с. 124]. Это замечание остается верным и для древнерусского периода. Зональные климатические и ландшафтные условия, их ритмика обусловили наличие тех или иных видов охотничьей фауны и, следовательно, определили специфику охотничьего хозяйства. Последнее подразделяется по функциональному назначению и сфере потребления на несколько областей: 1) добыча пушнины; 2) пополнение пищевых ресурсов; 3) получение сырья; 4) охота как часть быта феодальной знати.

Из всех направлений охотничьего хозяйства только первое (добыча пушнины) является престижной сферой накопления и реализации на внутреннем и прежде всего внешнем рынке массы товаров и соответственно источником получения в обмен на пушнину соответствующих эквивалентов. И именно пушнина составляла непременную часть дани в полюдье киевских князей. Сопоставляя данные палеогеографии, остеологические материалы из археологических раскопок, а также сведения письменных источников, можно определить специфику пушных угодий различных регионов Древнерусского государства. В "Книге путей и государств" Абуль-Касима, относящейся к 60—70 гг. IX в., имеется сообщение о том, что русские купцы — "они же суть племя из Славян" "вывозят меха бобров, меха черных лисиц..." из "дальнейших концов Славонии к Румскому морю" [28, с.

49]. Интересные данные о добыче черных соболей приводит Аль-Истахри: "Из Арты вывозятся черные соболи..." [28, с. 193]. То же с дополнениями о вывозе черных лисиц дает и Ибн-Хаукань в последней четверти X в. [28, с. 219], правда, как считает ряд исследователей, он заимствовал сведения у Истахри. Хаукань указывает и на вывоз мехов выдры (бобра?) в разные страны.Он же пишет, что меха выдры (бобра?) находятся "в тех северных реках, которые в стране Булгар, Русов и Куябе" и далее: "большая же часть этих мехов и превосходнейшая из них находится в стране Русь..." [28, с. 219]. О торговле славянских купцов мехом лисиц и выдр писал и Ибн-ан-Надим в 987—988 гг. [28, с. 251]. В тексте Ибн-Даста сообщается о торговле Руси соболями, беличьими и другими мехами [28, с. 268]. Значительный интерес представляет рукопись Абу Хамида ал-Гарнати, который описывает региональную специфику охотничьего промысла в различных районах, населенных неславянскими племенами. Это "Вису" — область, где наибольшее значение имеет промысел бобров; "Ару", где также "охотятся на бобров, а кроме того на горностаев и белок, и "Йура на море Мраков", где охотятся на соболей" [29, с. 31—33].

Отметим,что такие пушные звери, как горностаи, соболя, черные лисицы имели промысловое значение лишь в северных районах, в неславянских этнических областях, меха черных лисиц вывозились частично и из славянских земель. В собственно славянских землях из дальних концов Славонии, по-видимому,земель кривичей, полочан и новгородских словен, вывозились меха бобров, черных лисиц; из земли северян и вятичей — меха белок и бобров, с древлянских земель — меха черных куниц, белок (вевериц), лис. Существенно дополняют данные арабских источников письменные памятники Древней Руси. В "Русской правде" правовые нормы затрагивают два вида деятельности: ведение целенаправленного культурного охотничьего хозяйства по разведению бобров и охоту как части феодального быта. Первого аспекта касаются статьи 69, 70 о возмещении убытка за кражу бобра и об ответственности общины за содеянное на ее территории. Речь идет о краже бобра и разорении его норы, а также ловле его с помощью сетей, т.е. фиксируются нарушения в промыслово-охотничьем хозяйстве, принадлежащем князю, а не случайное явление. Высоко ценились охотничьи псы, соколы, ястребы, их кража возмещалась штрафом в три гривны, что приравнивалось к штрафу за истязания смерда. За кражу птиц — лебедя и журавля — полагалось заплатить 30 кун.

Среднее Поднепровье, включающее и южную полосу лесной зоны, и лесостепь, в X—XIII вв. было наиболее плотно заселено такими видами пушных зверей, как бобер, лисица и куница [30; 31]. Кроме того, в лесных и отчасти лесостепных районах были распространены

белки. По летописным данным, дань веверицами шла из земель древлян, северян, полян. Существенный интерес представляют данные фресок Софийского собора — знаменитые сцены охоты, в свою очередь характеризующие видовой состав зверей и способы охоты. Это сцены охоты на куницу [32, с. 11]или белку, дикого кабана, медведя, тарпана, оленя, зайца. Материалы археологических памятников, как известно, не в полной мере отражают видовой состав пушнины, так как охотников интересовала шкурка, а тушки выбрасывались, не попадая в культурный слой памятников. Исключение составляют бобры, зайцы и некоторые другие животные, мясо которых употреблялось в пищу. Вместе с тем незначительный остеологический материал все же имеется. Кроме вышеупомянутых найдены кости лисицы, хорька, куницы, выдры, кошки лесной [17, с. 54—60]. Как видно из перечисленного состава пушных зверей, он беднее, чем состав пушнины, шедшей на внешний рынок. Здесь, однако, важнее другое. Сам объем биологического продукта, который мог бы быть получен в Среднем Поднепровье в качестве пушнины, не мог составить должного эквивалента (ни по объему, ни по видовому составу), необходимого для международной торговли. Таким образом, сложилась ситуация, когда, с одной стороны, как писал А. В. Чернецов, "значение охоты на пушного зверя для международной торговли способствовало тому, что русские феодалы стремились распространить свою власть не только на территории с земледельческим населением, но и на глухие лесные окраины с охотничье-рыболовецким укладом хозяйства" [19, с. 232]. С другой стороны, объективная реальность была такова, что объем пушнины, необходимый для международной торговли, не мог быть достигнут за счет лесостепных районов, и Среднего Поднепровья в частности, которые в силу природно-климатических условий не обладали соответствующим пушным потенциалом и ассортиментом. Для восполнения недостающей части пушнины за счет эксплуатации других территорий нужна была система социально-экономических отношений, предусматривающая эксплуатацию лесных окраин за счет присвоения продуктов пушного промысла, что и было сделано феодальным государством через институт "полюдья" и регламентацию охотничьих угодий, о чем шла речь выше.

Основное место в фауне Среднего Поднепровья занимали копытные. В лесной зоне преобладал лось, в лесостепной — олень и дикий кабан. Такое соотношение видов подтверждается в экологическом плане при сравнительном анализе материалов лесостепи и других территорий на протяжении первой половины II тыс. н. э. [17, с. 145—146]. Кроме того, охотились на тарпанов, куланов, зубров. Основная ориентация промысла копытных — пополнение пищевых ресурсов. "Зверина" употреблялась и рядовым населением, и в княжеских домах, о чем свидетельствуют не раз комментировавшиеся летописные

сообщения. Достаточно широкое представление об употреблении мяса копытных в пищу дают остеологические материалы археологических памятников. На ранних процент диких животных по отношению к домашним был выше, более высоким он остается и на памятниках лесной зоны в последующий период. Так, на раннем памятнике городище Монастырек VIII—X вв. он составлял 36,6 % [33, с. 469]. В целом по Среднему Поднепровью остатки диких млекопитающих, в том числе пушных, составляют около 14 % от общего числа остеологических остатков [34, с. 186]. По видовому составу (22 вида) 86 % остатков принадлежит семи видам, в том числе четыре из них — копытным (лось, олень благородный, косуля, кабан [34, с. 186], остальные три — пушным (дикая лисица, заяц, бобер). Однако половина костных остатков принадлежит оленю и кабану [34, с. 186]. Следует также отметить охоту на медведя, в основном ради сала и мяса [32, с. 16].

По археологическим материалам прослеживается и третье направление охоты, фактически связанное с охотой на копытных, — сырьевое, когда рога, копыта, кости диких животных находили применение в косторезном ремесле. Чаще всего это рога лосей, оленей, реже туров [19, с. 271].

И летописи, и статьи "Русской правды" содержат сведения еще об одном специфическом промысле — охоте на птиц; сообщается об устройстве перевесов, охране законом княжеских прав на места отлова диких птиц и суммах штрафа за их кражу. Остеологические остатки журавля, лебедя, серого гуся, свиязи, кудрявого пеликана, тетерева, глухаря найдены при раскопках Райковецкого городища, Воиня и других памятников. Охота на птиц была существенным дополнением второго, пищевого, направления охотничьего промысла. Высоко ценились ловчие птицы — соколы, ястребы, особенно характерные для феодальных и княжеских дворов. Как известно по многочисленным письменным источникам, занятие охотой было социально престижным для князей и феодальной знати.

Вместе с тем все возрастающий промысел диких зверей заметно повлиял на состояние биоценозов [35, с. 22]. Именно в эпоху ранней государственности, особенно в XII—XIII вв., под влиянием ряда факторов, и в первую очередь антропокультурных, у некоторых видов "наблюдается смена биотопов и даже массовое перемещение отдельных элементов фауны из районов их исконного обитания в несвойственные им стации" [35, с. 22].

Говоря о роли охоты в системе хозяйства Древней Руси, необходимо четко разделять соотношение видов трудовой деятельности в различных климатических зонах, региональную хозяйственную специализацию. В сфере экономики Древнерусского государства значение охоты следует также разграничивать: для внешней торговли и для хозяйства в целом. Как видно, в общем объеме трудовой деятельности

населения Среднего Поднепровья она занимала второстепенное место, являясь прежде всего дополнительным источником питания. Создание государственной системы экспроприации продуктов охотничьего промысла позволило вовлечь в сферу эксплуатации огромную территорию, при этом лишь незначительная доля пушнины шла непосредственно из центрального региона — Среднего Поднепровья. В то же время доход от реализации пушнины в международной торговле сосредоточивался главным образом в руках киевских князей, по крайней мере на раннем этапе исторического развития Древнерусского государства. Объективно это способствовало укреплению его экономического могущества, дальнейшему процессу социальной дифференциации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1892. Т. I.
2. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. II.
3. Беляев И.Д. Крестьяне на Руси. М., 1903.
4. Аристов Н. Промышленность Древней Руси. СПб., 1866.
5. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1913.
6. Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1904. Ч. 1.
7. Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси. Пг., 1919.
8. Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Пг., 1918.
9. Довнар-Запольский М.В. История русского народного хозяйства. Киев, 1911.
10. Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953.
11. Третьяков П.Н. Сельское хозяйство и промыслы // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948. Т. 1.
12. Левашова В.П. Сельское хозяйство Руси // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. М., 1956.
13. Довженок В.И. Землеробство древньої Русі до середины XIII ст. Київ, 1961.
14. Краснов Ю.А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М., 1987.
15. Цалкин В.И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси // МИА. 1956. № 51.
16. Мальм В.А. Промыслы древнерусской деревни X-XIII вв. // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. М., 1956.
17. Тимченко Н.Г. К истории охоты и животноводства в Киевской Руси (Среднее Поднепровье). Киев, 1972.
18. Белан Н.Г. Фауна городища Монастырек на Среднем Днепре // Использование методов естественных наук в археологии. Киев, 1978.
19. Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985.
20. Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945.
21. Щапов Я.Н. О социально-экономических укладах в Древней Руси XI— первой половины XII в. // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970.
22. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982.
23. Толочко П.П. Древняя Русь. Киев, 1987.
24. Толочко П.П. Древний Киев. Киев, 1983.
25. Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974.
26. ПСРЛ. Пг., 1923. Т. II.
27. Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья. Киев, 1975.

28. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века). СПб., 1870.
29. Путешествие Абу-Хамида ал Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.). М., 1971.
30. Громова В.И. Остатки млекопитающих из раннеславянских городищ вблизи г. Воронежа // МИА. 1948. № 8.
31. Цыбин М.В. Юго-восточная окраина Руси в XII—XIV вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1987.
32. Кирников С.В. Человек и природа восточно-европейской лесостепи в X—начале XIX вв. М., 1979.
33. Археология УССР. Киев, 1986. Т. III.
34. Тимченко Н.Г. О фауне диких и домашних животных средневековых памятников Среднего Поднепровья // Природная обстановка и фауны прошлого. Киев, 1970.
35. Корнеев А.П. История промысла диких зверей на Украине. Киев, 1953.

А. Д. ПРЯХИН, Ю. Д. РАЗУВАЕВ, М. В. ЦЫБИН

ЖЕЛЕЗОПЛАВИЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС НА II БЕЛОГОРСКОМ ГОРОДИЩЕ КОНЦА I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ н.э.

Славянские городища и могильники последних веков I тыс. н. э., расположенные в нижнем течении р. Воронеж, в целом хорошо известны прежде всего благодаря многолетним работам экспедиции ВГУ [1—4]. Однако по степени изученности эти памятники сильно разнятся. Необходимость их более углубленного исследования стала особенно очевидной в последнее время в связи с разработкой программы изучения и музеефикации комплекса памятников древнерусского времени в черте и окрестностях г.Воронежа [5]. На территории этого комплекса некоторыми исследователями локализуется славянский город Вантит, известный по сведениям арабских авторов.

Одним из малоизученных памятников является II Белогорское городище (рис. 1). Оно находится в черте г. Воронежа, примерно в 2 км севернее дачного поселка Рыбачье. Расположено на мысу террасы правого берега р. Воронеж высотой 12—18 м. Мыс ограничен с севера и юга оврагами, а с запада — седловиной, отделяющей его от склона коренного берега. Городище занимает не всю площадь мыса. Линия укреплений ограничивает площадку городища овальной в плане формы, размерами 175 × 90 м. Линию укреплений составляют вал и ров, ограничивающие городище с юга и запада. Высота вала до 1,5 м при ширине 7—9 м, глубина рва до 1 м, ширина 5—6 м. Максимальную высоту вал имеет в западной и восточной частях. С северной стороны площадка городища защищена искусственной подрезкой склона высотой до 2 м, усиленной небольшим валом высотой до 0,5 м, шириной около 3 м.

На площадке городища прослежены многочисленные западины от

© Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., Цыбин М.В., 1996

полуземляночных построек славянского времени. Отдельные западины есть и за пределами укреплений. Городище поросло лесом.

Проведенное нами изучение ландшафтных особенностей расположения памятника позволяет говорить о том, что впервые он был описан известным воронежским географом Е. Л. Марковым в конце XIX в. [6, с. 128—129]. Обследовался разведочным отрядом экспедиции ВГУ в 1962 г. [7, с. 18, пункт VI]. В 1976 г. городище исследовалось раскопками под руководством А. З. Винникова [8]. В раскопе площадью 100 кв. м выявлены материалы эпохи бронзы (раннекатакомбная и воронежская культуры), раннего железного века (первые вв. I тыс. н. э.) и конца I тыс. н. э. Была изучена полуземляночная славянская постройка [9]. Во время разведки 1993 г. на южной оконечности мыса, за пределами укреплений шурфовкой были выявлены следы железоделательного производства [10, с. 16—17]. В следующем году здесь проведены раскопки на площади 25 кв. м. Публикации полученных результатов и посвящена данная статья. Еще один раскоп площадью 16 кв. м был заложен в 1994 г. в седловине мыса, где выявлен культурный слой конца I тыс. н. э. [11].

Раскоп *2* был разбит в 8 м к югу от рва городища. Выбор места обусловлен наличием здесь хорошо заметного на поверхности перекопа размерами 2,5 × 2,4 м, который был включен в площадь раскопа. Дерновой прослойки на площади раскопа практически нет. Культурный слой неоднороден: в верхней части это темно-серая супесь мощностью до 0,25 м, ниже залегает слой серой супеси. В целом мощность слоя составляет до 0,5 м. Подстилающий материк —плотный песок.

Культурный слой содержал в основном славянскую лепную керамику боршевского типа конца I тыс. н. э., шлаки от металлургического производства, обломки глиняных сопел, куски обожженной глины, отдельные кости животных.

Славянская керамика боршевского типа в культурном слое представлена 13 венчиками горшков (рис. 4, *3*). Еще два горшка удалось графически реконструировать по фрагментам, происходящим из 1—3 пластов слоя (рис. 4, *1*, *2*). Сосуды имеют шероховатую поверхность серого или коричневого цвета, в тесте — примесь шамота, дресвы, песка. По венчику они орнаментированы пальцевыми защипами или насечками. Кроме горшков пятью обломками представлены сковороды, фрагментом венчика — лепная чаша. В слое встречены также восемь днищ и 95 стенок, найдено днище сосуда раннего железного века.

Индивидуальные находки, встреченные в культурном слое, малочисленны: железный нож с сильно сточенным лезвием славянского времени (рис. 4, *8*) и обломок глиняного изделия.

Особый интерес представляют находки фрагментов глиняных сопел для металлургического производства. Всего в культурном слое встречено 18 фрагментов сопел (рис. 2, *1*). Семь обломков принадле-

жат двум соплам, фрагменты которых найдены также в печи постройки 2 и в хоз. яме *1* (рис. 4, *10, 11*). К сожалению, полностью реконструировать форму сопел не удалось. Диаметры сохранившейся части сопел — до 72 мм, диаметры отверстий — до 23 мм. У сопла (рис. 4, *11*) канал отверстия расширяется к окончанию до 40 мм. Глиняное тесто сопел плотное, с примесью песка. Цвет — светло-коричневый. Все фрагменты сопел, встреченные в раскопе *2*, вряд ли относятся к более чем 3—4 экземплярам.

Примечательно, что в культурном слое встречены шлаки от железоделательного производства в количестве 34 кусков (рис. 2,2). Отметим, что шлаки концентрируются в южной части раскопа.

Постройка 2 (рис. 3) выявлена в северо-западной части раскопа. Местоположение постройки прослеживалось уже на уровне дневной поверхности по западине глубиной 0,2 м. Однако на уровне материкового основания пятно котлована постройки было слабо различимо. Лишь центральная часть котлована имела заполнение более темное, чем материк. К сожалению, всю площадь постройки исследовать не удалось. Над ее северо-западным углом росло многолетнее дерево.

Котлован постройки имел квадратную в плане форму размерами 2,8 × 2,8 м. Сторонами он ориентирован по линиям ЮЮВ—ССЗ и ЗЮЗ—ВСВ. Глубина котлована в материковом основании — до 0,58 м. Заполнение котлована — серая супесь, более темная в районе расположения печи. В заполнении встречались кусочки обожженной глины, угли. Стены котлована, видимо, были облицованы деревом. Так, вдоль северо-западной стены зафиксированы обуглившиеся фрагменты дерева. Вдоль стен в юго-восточном углу постройки также фиксировались обуглившиеся фрагменты дерева. Именно эти остатки дерева позволили выявить контуры котлована, так как его заполнение у стен и сами материковые стены практически не отличались по цвету и структуре. В северо-восточном углу постройки зафиксированы остатки столба диаметром 8 см. Сохранившаяся часть столба имела высоту 7 см. Выраженных следов наличия столбовой ямки определить не удалось. Пол постройки фиксировался по несколько более темной прослойке, чем вышележащее заполнение, а также по углям.

В юго-восточном углу постройки находилась печь (рис. 3). Отметим, что это сооружение использовалось для получения железа, поэтому можно говорить о наличии в постройке стационарной сыродутной печи со шлаковыпуском. Полученные свидетельства позволяют следующим образом реконструировать процесс сооружения и устройство печи. После того, как котлован постройки был выкопан, в юго-восточном углу из принесенной глины было сооружено основание печи размерами 0,9 × 0,6 × 0,4 м. Глиняное основание в нижней части примыкало к северо-восточной стене котлована (рис. 3, разрезы Б-Б1, В-В1), а между юго-восточной стеной котлована и основанием печи есть промежуток, в котором фиксировались угли и обугленные

остатки дерева, возможно, от облицовки стен (рис. 3, разрез А-А1). В северо-западной части основания под глиной фиксировался слой темной земли (рис. 3, разрез В-В1).

В глиняном основании была сооружена камера, как нам представляется, для шлаковыпуска, открытая внутрь постройки. Высота камеры 0,3 м, диаметр по основанию 0,35 м, по верху 0,22 м. Важно отметить, что глиняные стенки камеры не прокалены и не имеют следов воздействия огня, лишь в основании заметен небольшой прокал толщиной до 2 см. В задней части камеры, фиксируя ее стенку, стоял камень, имевший высоту 0,44 м, ширину до 0,15 м, толщину 0,1 м (рис. 3, разрез Б-Б1). Примечательно, что следы воздействия высокой температуры есть только в верхней части камня, выступавшей над камерой. Здесь камень растрескался. Внутри камеры находились отдельные камни, три мелких фрагмента губчатого железа и пять кусков пористого легкого шлака. Таким образом, внутри камеры следов процесса горения не зафиксировано. Легкий прокал основания камеры, думается, связан с попаданием туда жидкого шлака, куски которого, как отмечено выше, были обнаружены в камере.

На глиняном основании печи находилось скопление камней (рис. 3). Из них были сооружены стенки печи, которые оказались разрушенными. Камни имели следы воздействия высокой температуры. Часть их упала и лежала у глиняного основания печи на полу постройки.

Нужно отметить, что верхняя площадка глиняного основания печи была прокалена лишь в северо-западной части (рис. 3, разрезы А-А1, В-В1). Причем толщина прокала достигала 0,1 м. Скорее всего, центр печи был смещен от камеры шлаковыпуска. К сожалению, говорить более подробно о конструкции стен печи не представляется возможным.

На глиняном основании печи у камней и под ними найдены семь кусков губчатого железа (рис. 2, *2*). Четыре из них — значительные по размерам. Большой кусок имел форму лепешки диаметром 12 см, толщиной 5,5 см. Его вес 850 г. Причем зерна железа образовывали слой толщиной 6—7 мм лишь на одной стороне лепешки, остальная ее толщина — это, судя по всему, спекшийся шлак. Другие крупные фрагменты губчатого железа имели вес 600, 620, 680 г.

На площадке глиняного основания печи зафиксированы пять фрагментов глиняных сопел (рис. 2, *1*). Один наиболее крупный фрагмент находился у северо-восточной стены котлована. Он происходит от сопла, фрагменты которого найдены также в яме *1* и в слое (рис. 4, *10*). Отметим, что вне котлована, в 20 см от его юго-восточного угла, при зачистке материка был зафиксирован фрагмент другого сопла.

Таким образом, процесс восстановления железа протекал в печи, стенки которой были сооружены с использованием камня. Для подачи воздуха в печь использовались глиняные сопла.

В заполнении котлована постройки найден лишь один фрагмент венчика от лепного славянского горшка. На глиняном основании печи обнаружены части развалов двух горшков (рис. 4, *4, 5*). Причем фрагменты от одного из них (рис. 4, *5*) найдены также в слое и в яме *1*. Фрагмент от второго горшка (рис. 4, *4*) найден в слое. Наряду с горшками в развале печи имелись фрагменты двух сковородок (рис. 4, *7*) и чаши с отверстием в нижней части (рис. 4, *6*). Там же найден еще один фрагмент венчика горшка, три днища, 15 стенок. Среди керамики не выявлены ошлакованные фрагменты. Очевидно, что найденные сосуды не использовались непосредственно в металлургическом производстве.

Яма 1 (рис. 2) выявлена в 1 м от юго-восточного угла постройки. На уровне материкового основания отчетливо фиксировалось ее темное заполнение, перерезанное перекопом. Яма состояла из двух частей. Одна из них — овальной формы размерами по верху 0,6 × 0,54 м, по основанию — 0,75 × 0,75 м, глубиной в материке до 0,58 м. Заполнение этой части — очень темная супесь с включениями глины. Другая часть ямы, примыкающая к описанной выше, углублена в материк лишь на 0,1 — 0,12 м. Длина ее 1,35 м, заполнение —темная супесь.

В менее углубленной части ямы найдены восемь фрагментов глиняных сопел. Один из фрагментов происходит от сопла, часть которого встречена в печи постройки *2* (рис. 4, *11*). В целом в яме найдено пять фрагментов венчиков лепных славянских горшков, четыре обломка сковородок, два днища, одно из которых имело отверстие, две стенки сосудов сарматского времени, 15 костей животных, в том числе часть челюсти. Судя по всему, яма *1* использовалась для сброса мусора, во всяком случае, на последней стадии функционирования.

Отметим, что в районе раскопа *2* на дневной поверхности фиксируются западины, аналогичные той, что находилась над постройкой *2*.

Таким образом на II Белогорском городище впервые в практике исследования памятников боршевского типа был изучен производственный комплекс для сыродутного получения железа. Сейчас в научной литературе высказывается и обосновывается положение о некотором отставании в развитии и социальной организации черной металлургии у славян днепро-донского междуречья, в частности у населения р. Воронеж, в конце I тысячелетия н. э. в сравнении с их южными и западными соседями. Речь идет и о более низком общественном статусе мастеров-металлургов на этой территории [12]. Иными словами, черная металлургия и металлообработка у славянского населения на р. Воронеж соответствовала уровню домашнего производства, а металлург являлся рядовым общинником. Об этом, по мнению В. В. Колоды, свидетельствует характер организации рабочего места металлурга: плавка металла проводилась в обычных жилых (Кузнецовское городище) или производственных помещениях (Животинное городище). Такая форма организации рабочего места, характерная для воронежских городищ, говорит, вроде бы, о начальных фазах обособления этого вида хозяйственной деятельности [см. 12].

Выявление остатков специализированного железоделательного производства за пределами укреплений II Белогорского городища, как нам представляется, может свидетельствовать как о более высоком уровне организации рабочего места металлурга, так и о возможном выделении ремесленников-металлургов у донских славян. С этим положением согласуется и наличие специализированных кузнечных мастерских (I Белогорское городище [13, с. 122]).

Естественно, что высказанные наблюдения будут уточняться в ходе дальнейшей разработки научно-прикладной программы "Вантит", реализация которой в последние годы ведется кафедрой археологии Воронежского университета [14].

ЛИТЕРАТУРА

1. Москаленко А.Н. Славяне на Дону (Боршевская культура). Воронеж, 1981.
2. Винников А.З. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж, 1984.
3. Винников А.З. Славянские поселения на р. Воронеже // Древности славян и Руси. М., 1988.
4. Винников А.З. Памятники VIII —первой половины XI в. // Археологические памятники славяно-русского времени в черте и окрестностях Воронежа. Воронеж, 1992. Препр.
5. Пряхин А.Д. К необходимости изучения и музеефикации комплекса памятников древнерусского времени в черте и окрестностях г. Воронежа ("Вантит") // Историко-культурное наследие (Воронежская область). Воронеж, 1992.
6. Марков Е.Л. Хазарские городища на реке Воронеже // Русский вестник. Т. 217. 1891. Ноябрь.
7. Москаленко А.Н. Отчет к открытому листу № 56 на право производства археологических разведок в пределах Воронежской и Липецкой областей: Воронеж, 1963. 29 л. (Рукопись хранится в археологическом музее ВГУ).
8. Винников А.З. Отчет о работе славянского отряда археологической экспедиции Воронежского госуниверситета в 1976 г. - 98 л. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6438.
9. Цыбин М.В. Постройка на II Белогорском городище // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н.э. Воронеж, 1983.
10. Пряхин А.Д. Отчет об исследованиях Подклетненского могильника и разведочных работах в окрестностях г. Воронежа в 1993 г. - 70 л. // Архив ИА РАН.
11. Пряхин А.Д. Отчет об археологических исследованиях на территории Воронежского археологического микрорайона (Воронежская обл.) и о раскопках Лавского городища (Липецкая обл.) в 1994 г. - 85 л. // Архив ИА РАН.
12. Колода В.В. К вопросу об уровне социальной организации черной металлургии у славян днепро-донского междуречья во второй половине I тыс. н.э. // Роль ранніх міських центрів в становленні Київської Русі. Суми, 1993.
13. Винников А.З. Славянское городище на Белой горе под г. Воронежем // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1977. Вып. 6.
14. Пряхин А.Д., Цыбин М.В. Исследовательские аспекты научно-прикладной программы "Вантит — уникальная археологическая территория" // Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация (Материалы науч. конф.). Рязань, 1994.

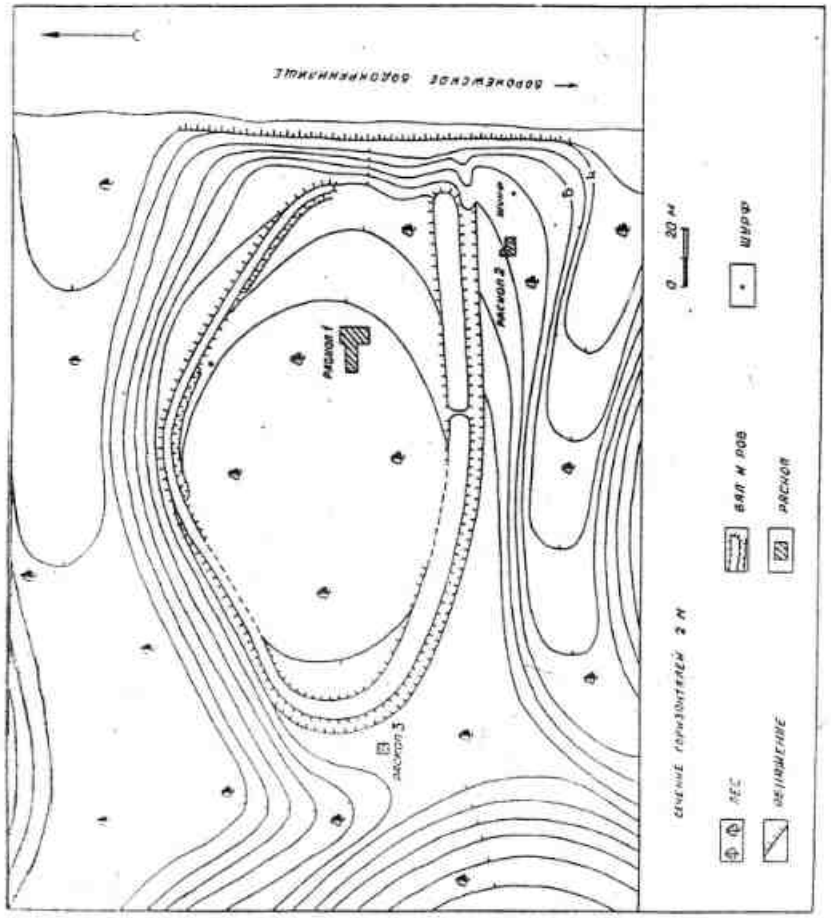


Рис. 1. План II Белогорского городища

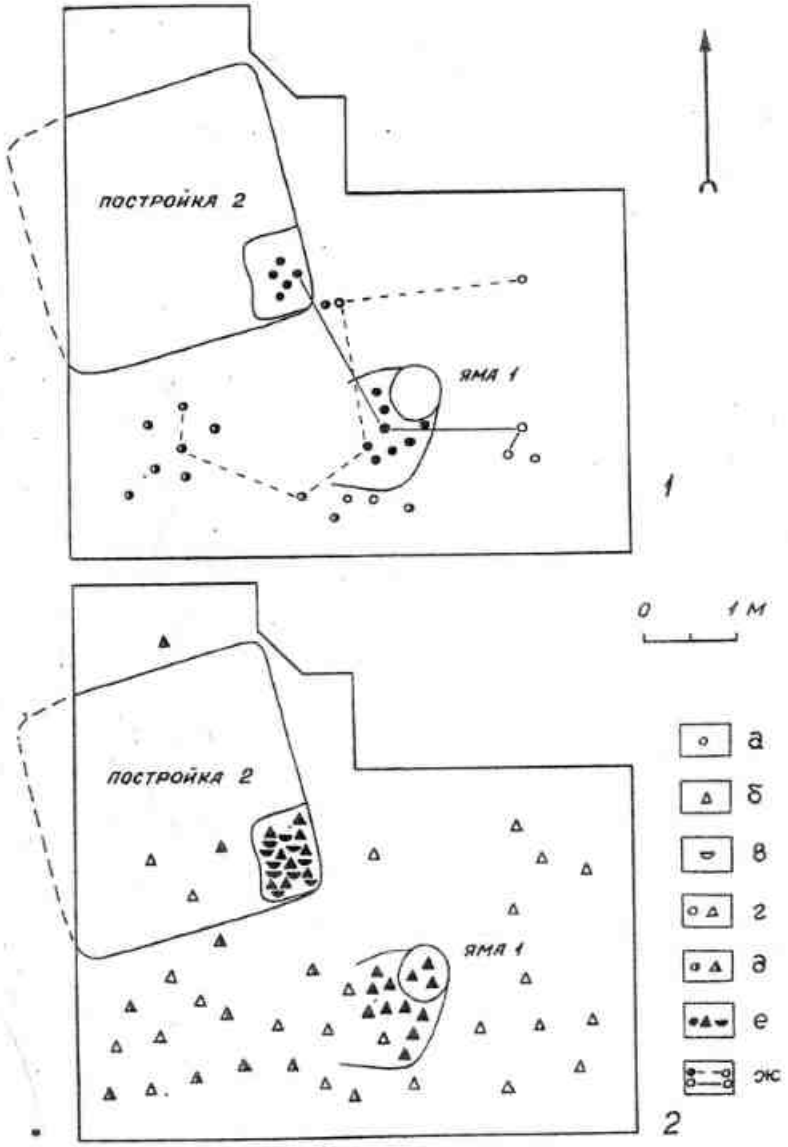


Рис. 2. План раскопа 2 на II Белогорском городище.

1 — план распространения обломков сопел; 2 — план распространения кусков шлака и губчатого железа:

а — обломок сопла; б — кусок шлака; в — кусок губчатого железа; г — находки из первого пласта слоя; д — находки из второго пласта слоя; е — находки из постройки и ямы; ж — склеивающиеся обломки сопел

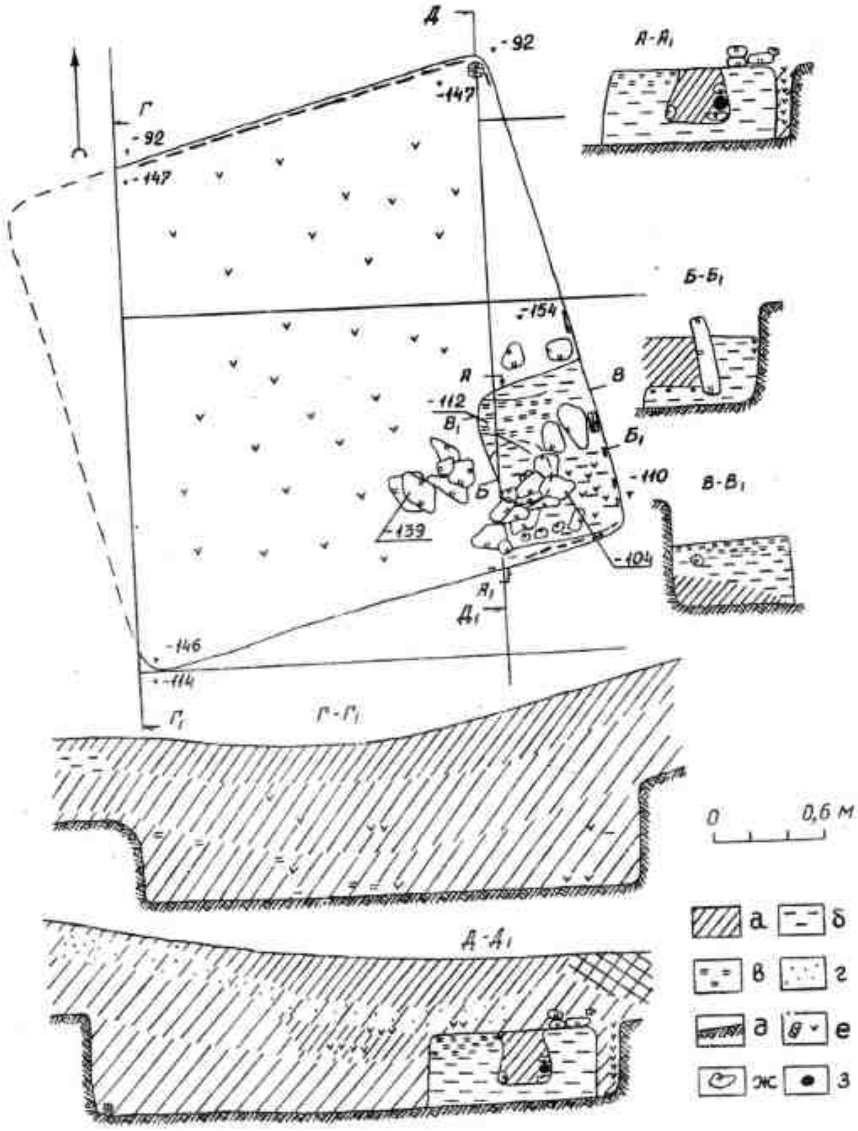


Рис. 3. Постройка 2. План, профили, разрезы:
а — супесь; б — глина; в — обожженная глина; г — песок; д — материк; е — дерево, уголь; ж — камень; з — шлак

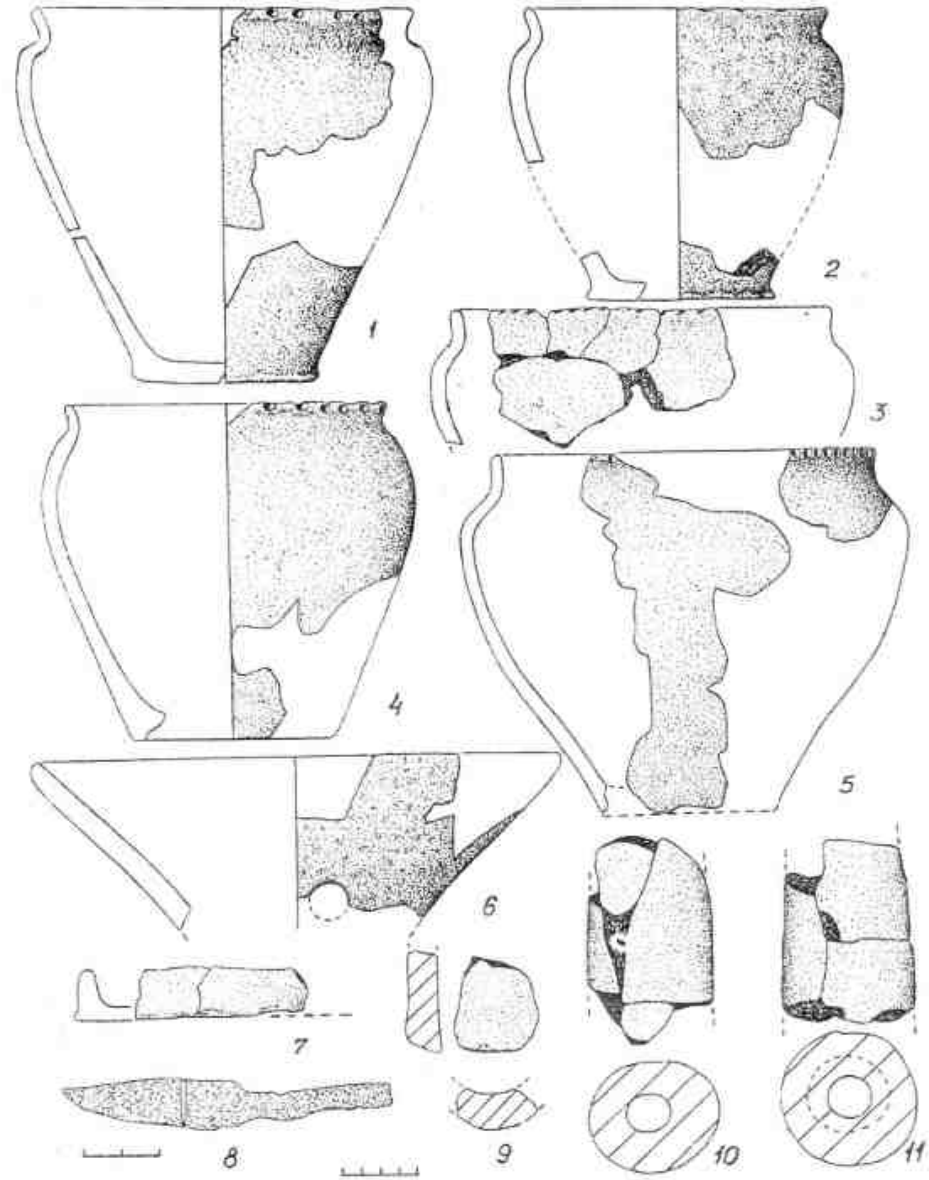


Рис. 4. Материалы из раскопа 2

А.Д. ПРЯХИН, М.В. ЦЫБИН

РАННЯЯ ИСТОРИЯ ЕЛЬЦА И ДАННЫЕ АРХЕОЛОГИИ

В последние годы заметно усилился интерес исследователей к ранней истории Ельца. В значительной степени это обстоятельство связано с разработкой научной программы "Елец — уникальная историческая территория России", важную часть которой составляют археологические исследования в округе Ельца.

Нужно отметить, что в исследованиях отечественных историков, в силу крайней малочисленности сведений письменных источников о Ельце, этот город занимал весьма скромное место. Однако на историко-географической карте юго-востока древнерусских земель Елец постоянно присутствовал как один из центров "русской оседлости". Так, например, в работе, посвященной истории Рязанского княжества, Д. И. Иловайский отмечал, что Елец был самым крайним укрепленным пунктом на "Рязанской украйне" [1, с. 109—113]. С. М. Соловьев писал, что "область Дона долго находилась вне русской исторической сцены, хотя по близости окских притоков к Верхнему Дону и его притокам владения рязанские, с одной стороны, и черниговские — с другой, необходимо должны были захватывать и донскую систему" [2, с. 77—78]. В конце XIV в. самым крайним русским княжеством на ней, по мысли историка, было Елецкое [3, с. 475]. Известный специалист по истории южнорусских земель, профессор Киевского университета П. В. Голубовский полагал, что из района Ельца и его округи в XII в. древнерусское население продвигалось по Дону и Воронежу на юг [4, с. 113]. В лекционном курсе "Историческая география России в связи с колонизацией" М. К. Любавский, говоря о районах концентрации поселений в Рязанской земле XII—XIV вв., выделил верхнее течение Дона и реки Быстрая Сосна и Воронеж. Центрами этого района являлись Елец и Воронеж [5, с. 74—75]. Фигурирует город Елец и в работах современных историков (А. Н. Насонов, А. Г. Кузьмин, Е. Л. Егоров, А. А Шенников и др.). Однако малочисленность известий письменных источников о ранней истории Ельца, хорошо известных исследователям [6], не позволяет сколько-нибудь существенно продвинуться в изучении этого вопроса.

В самом деле, перед историками стоит сложная задача. Упоминание Ельца в Никоновском своде под 1146 и 1147 гг. может вызывать сомнения в их достоверности. Однако необходимо объяснить, почему в своде, составленном в конце 20-х гг. XVI в., потребовалось выдумывать факт существования Ельца в середине XII в. и обосновывать его рязанскую принадлежность.

© Пряхин А.Д., Цыбин М.В., 1996

Вызывает вопросы и сообщение о Ельце, приведенное под 1156 г. В. Н. Татищевым. Во второй редакции второй части его труда читаем: "Того же году приходили половцы в Резанскую землю на реку Сосну и, много около Ельца попленя, возратились" [7, с. 58]. Однако в первой редакции Елец в этом эпизоде не назван: "...приходиша половцы в Рязанскую волость на реку Сосну..." [8, с. 250]. Из какого источника известный историк почерпнул сведения о Ельце?

Существование Ельца в конце XIV в. сомнений не вызывает. Широко известен факт взятия Ельца Тимуром в 1395 г., отраженный и в летописях, и в литературной повести. Но почему город не упомянут в "Списке русских городов дальних и ближних" — источнике, составленном в это время?

Нетрудно заметить, что неоднозначность трактовки сведений письменных источников породила и столь же противоречивые подходы историков. Так, отрицание некоторыми исследователями факта существования Ельца в XII— начале XIII в. приводит к необходимости обоснования возникновения города в XIV в. В. Л. Егоров, например, полагает, что Елец возник в результате градообразовательной политики монгольских ханов [9]. А. А. Шенников пишет о формировании в районе Елецкого княжества тюрко-славянского образования [10]. Действительно, если следовать логике "строгого" источниковедения письменных источников, то первым упоминанием Ельца, не вызывающим сомнений в его достоверности, является сообщение 1395 г. о взятии Ельца Тимуром. Стало быть, и Елец возник в 90-е гг. XIV в., после Куликовской битвы, взятия Москвы Тохтамышем, в период резкого обострения русско-золотоордынских отношений? Очевидно, что получить сколько-нибудь однозначные ответы на эти и другие вопросы только на основе анализа письменных источников вряд ли возможно.

В этой ситуации "объективизировать" наши представления о ранней истории Ельца могут прежде всего данные археологических исследований. К ним мы и обратимся.

Освоение бассейна Быстрой Сосны славянским населением происходит задолго до первого упоминания Ельца. Славянские памятники третьей четверти I тыс. н. э. в округе Ельца пока не выделены. Но обнаружение и исследование поселений пеньковского круга на Верхнем Дону (Животинное III, раскопки А. И. Козлова; Хлевенское, раскопки А. З. Винникова) предполагают возможность их открытия и в бассейне р. Быстрая Сосна.

Судя по имеющимся археологическим данным, процесс освоения бассейна р. Быстрая Сосна в IX—X вв. связан со славянами Днепровского бассейна и, возможно, с населением Верхней и Средней Оки [11, с. 110]. Интересный микрорайон славянских памятников IX—XI вв. выявлен в бассейне р. Воргол. Он включает Воргольское горо-

дище и более десяти селищ и местонахождений керамики боршевского типа. Специальному изучению подвергалось Воргольское городище. На памятнике изучены оборонительные укрепления славянского времени, языческий культовый комплекс, хозяйственные сооружения, полуземляночная постройка, являвшаяся и ремесленной мастерской, ряд наземных построек. Выявлена серия индивидуальных находок и керамики. Важно отметить, что в сооружении укреплений прослежены два этапа в рамках существования славянского поселения IX—XI вв. Полученные данные (отсутствие долговременных полуземляночных жилищ, языческое святилище, ритуальное погребение головы лошади в валу) позволили высказать предположение о том, что Воргольское городище являлось культовым центром, а также могло выполнять функции городища-убежища. Дальнейшей задачей исследований в бассейне р. Воргол является конкретизация структуры славянского расселения в IX—XI вв.

В 3 км к северо-востоку от Воргольского городища на левом берегу р. Пажень находится Паженьское городище, на котором получены славянские материалы. Оно выделяется значительной площадью (максимальные размеры 130 × 230 м), мощной линией укреплений. Имеющиеся материалы позволяют в целом отнести это городище к IX—X вв. Но хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Найденный на городище ключ от навесного цилиндрического замка относится по новгородской хронологии к XI—XII вв. Это дает некоторое основание вывести верхний хронологический рубеж Паженьского городища в XI в. В этом плане следует отметить, что севернее в бассейне р. Красивая Меча на городище у д. Дубики помимо славянской керамики, надежно датируемой арабским дирхемом X в., встречена раннегончарная керамика X—XI вв. и древнерусская гончарная керамика XII—XIII вв. [12].

В ходе археологических исследований экспедиции Воронежского университета в начале 90-х гг. было выявлено около двух десятков поселений и местонахождений славянской керамики на реках Воргол, Ельчик, Пальна. Примечательно, что общие географические контуры "экологической ниши", занятой славянским населением в конце I тысячелетия н.э., в целом соответствуют примерным контурам округи Ельца XIV в. Эта географическая приуроченность системы расселения на протяжении длительного периода времени заставляет обратить на себя внимание.

В XII в. наблюдается приток в бассейн р. Быстрая Сосна новой волны древнерусского населения. Время феодальной раздробленности характеризовалось стремлением князей того или иного княжества зафиксировать и укрепить границы своих государственных образований, способствовать внутренней колонизации территории княжеств. Черниговское и Рязанское княжества, границы которых со-

прикасались в Верхнем Подонье, не являлись исключением. Заселение этой территории, скорее всего, шло со стороны Черниговской земли (об этом могут свидетельствовать некоторые топонимы и гидронимы). Имеющийся керамический комплекс не противоречит этому предположению. Находка решетчатых перстней в округе Ельца позволяет предполагать, что в рассматриваемый район проникали выходцы из "земли вятичей" (бассейн Верхней и Средней Оки). По имеющимся данным пока нельзя говорить о сколько-нибудь развитой структуре сельского расселения в XII—первой половине XIII в. Дело в том, что материалы этого периода в основном представлены на Лавском комплексе. Помимо этого комплекса материалы XII—XIII вв. известны лишь на отдельных поселениях на реках Воргол и Пажень.

По имеющимся в нашем распоряжении данным археологии, возникновению Ельца около середины XII в. не предшествовало формирование развитой агломерации сельских поселений. Елец мог выполнять роль своего рода опорного пункта государственного освоения этого района. Появление такого населенного пункта как раз и могло стимулировать развитие сельской инфраструктуры. Последняя пока не может быть достаточно полно охарактеризована на основе полученных археологических данных. Хотя о возможном наличии сельских поселений в округе Ельца уже в 50-е — 60-е гг. XII в. косвенно свидетельствует упоминавшееся выше одно из сообщений, приведенных В. Н. Татищевым под 1156 г.

Вопрос о точной археологической локализации летописного Ельца XII в. остается спорным. Еще в 1972—1973 гг. экспедицией института археологии АН СССР под руководством В.И. Матвеевой проводились археологические исследования на так называемой Кошкиной горе в черте современного Ельца, в результате которых были получены материалы XVI—XVII вв. Пока единственными достоверными находками XII в. в "историческом центре" Ельца являются фрагмент древнерусского горшка, найденный в строительном котловане поблизости от Кошкиной горы и фрагмент стеклянного браслета.

Еще одним возможным местом детинца летописного Ельца является территория бывшего Знаменского монастыря, расположенного на мысу левого берега р. Ельчик. Размеры мыса составляют примерно 65 × 175 м. Кирпичные стены монастыря XIX в. сооружены по краю площадки городища, возможно, существовавшего здесь. Культурный слой на мысу, особенно его верхняя часть, оказался практически полностью уничтоженным строительной деятельностью. Шурфовка пока не дала свидетельств древнерусского времени.

В связи с проблемой возникновения летописного Ельца значительный интерес представляет комплекс памятников у с. Лавы на р. Быстрая Сосна, состоящий из городища и обширного селища. Памятник

был открыт еще в начале 60-х гг., а в 90-е гг. на нем ведутся археологические исследования экспедициями Елецкого пединститута и Воронежского университета. Елецкий исследователь Н. А. Тропин предполагает, что Лавский археологический комплекс можно считать остатками летописного Ельца [13]. Однако полученные в результате исследований укреплений и площади городища немногочисленные материалы не позволяют, на наш взгляд, видеть в нем детинец городского центра. Археологические материалы, происходящие с селища, гораздо более выразительны. Это орудия труда, предметы вооружения и снаряжения всадника, украшения, бытовые вещи. По нашему мнению, возможно интерпретировать Лавский археологический комплекс, как княжеское или боярское село. Действительно, летописи содержат неоднократные упоминания княжеских сел. Так, например, в 1146 г. Давыдовичи под Новгородом-Северским разграбили местечко Порохно, принадлежавшее Игорю Ольговичу. Затем дружинники Давыдовичей жгли "жита и дворы" в других княжеских селах. Под Путивлем было захвачено сельцо Игоря Ольговича, "идеже устроил двор добре" [14, стб. 331—333]. Давыдовичам досталось много вина, меда, железа, меди и других ценностей. Были сожжены двор и церковь святого Георгия, гумно с несколькими сотнями стогов. Кстати сказать, в связи с этой войной и был упомянут Елец. Естественно, что археологические материалы исследований княжеских сел будут иметь и "городские" черты, что, собственно, мы и видим на Лавском комплексе.

Если говорить о хронологии Лавского комплекса, то основной период существования селища может быть определен второй половиной XII—XIII вв. Уточнение времени возникновения этого комплекса требует дополнительных изысканий. И еще одно наблюдение. Примечательно, что селище Лавского комплекса существовало и после монгольского нашествия, во всяком случае, материалы XIV в. здесь бесспорно представлены.

Более уверенно, даже не обращаясь к данным археологии, можно говорить о существовании Ельца и его округи во второй половине XIV— начале XV в. Об этом свидетельствуют данные письменных источников под 1389, 1395, 1414/1415 гг. Как мы уже отмечали, существует гипотеза о возникновении Ельца в результате градостроительной политики золотоордынских ханов (В. Л. Егоров) и о формировании в этом районе "тюрко-славянского образования" (А. А. Шенников). Сразу же отметим, что приведенные в бассейне р. Быстрая Сосна археологические исследования не фиксируют сколько-нибудь выраженного присутствия в археологических материалах иноэтнических компонентов. Нет в бассейне р. Быстрая Сосна и собственно кочевнических памятников. Да и письменные источники не дают прямого основания для такой постановки вопроса.

Представляется оправданным рассмотрение процесса развития Елецкой земли во второй половине XIII—XIV вв. в рамках именно тех закономерностей, которые характеризовали историческое развитие и других русских земель. Естественно, нельзя при этом не учитывать постоянно присутствовавший внешнеполитический фактор.

Одним из важнейших результатов проведенных в районе Ельца археологических исследований следует считать выявление округи летописного города конца XIII—XIV вв. Причем, опираясь на полученные материалы, можно уверенно говорить, что сельская округа Ельца структурно оформилась к XIV в. (речь, скорее всего, должна идти о первой половине этого столетия). В округе Ельца в настоящее время известно около 50 селищ второй половины XIII—XIV вв. Они расположены преимущественно в левобережье р. Быстрая Сосна, в междуречье Воргола и Пальны. Просматривается неравномерность заселенности этой территории. Выделяются группы концентрации древнерусских поселений: на реках Пальна, Ельчик, Б.Сосна и Воргол (две группы). В значительной степени интересна их оценка в связи с выявлением структуры расселения. Представляется оправданной постановка вопроса о том, что эти группы памятников оставлены населением отдельных сельских общин. В этом плане перспективно дальнейшее изучение группы памятников на р. Пальна, включающей более десяти селищ, одно из которых раскапывается Н. А. Тропиным. В результате целенаправленных исследований 1991—1992 гг. удалось четко очертить территорию этого микрорайона памятников. Селища в нем расположены на участке реки протяженностью около 4 км в районе сел Аргамач—Пальна, Пальна—Ламская, Касимовка. Ни в низовьях р. Пальна, ни выше с. Касимовка древнерусских памятников не выявлено. Эта группа поселений территориально обособлена от района возможного расположения Ельца того времени. На удобном в ландшафтном отношении правом берегу р. Быстрая Сосна от устья р. Пальна до совхоза "Елецкий" древнерусские поселения не обнаружены. Судя по полученным на селищах по р. Пальна материалам, они относятся к достаточно узкому хронологическому горизонту, что наряду с территориальным обособлением этого микрорайона создает перспективные возможности для изучения структуры расселения в бассейне р. Пальна.

В русле рассматриваемой проблемы информативна группа селищ XIII—XIV вв. в нижнем течении р. Воргол у с. Нижний Воргол, расположенная на участке правого берега реки протяженностью всего около 2 км. Аналогичные "гнезда" древнерусских селищ зафиксированы на р. Пажень и р. Ельчик. Можно уверенно говорить о том, что ключ к дальнейшему изучению сельской округи летописного Ельца — в исследовании перечисленных групп концентрации селищ.

Пока неясен вопрос о возможной преемственности сельского рас-

селения в домонгольский и последующий периоды. Его изучение перспективно вести на комплексе памятников у с. Лавы.

Во второй половине XV в. рассматриваемая территория входит в зону влияния Москвы. Елец фигурирует в договорной грамоте великого князя московского с рязанским князем, датируемой 1483 г. [15, с. 285]. Но факт существования Ельца в это время оспаривается, в частности В. П. Загоровским [16, с. 22, 23]. Поэтому археологические материалы XV—XVI вв. имеют значительный интерес. Отметим, что пока критерии выделения керамики XV в. для рассматриваемой территории не вполне четкие. В этом отношении большой интерес представляют материалы исследований Воргольского городища, на котором наряду со славянской лепной керамикой зафиксированы позднесредневековые материалы. Это значительная керамическая серия, включающая фрагменты горшков, кувшинов, мисок, зачастую обожженных в восстановительной среде и имеющих черный или серый цвет. Исследованы остатки горна для обжига керамики. Получена серия железных изделий. Таким образом, оценка достоверности информации договорных грамот московского и рязанского князей конца XV в. может быть в дальнейшем проведена на основе данных археологии.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы подчеркнуть, что только комплексное использование различных видов источников может способствовать изучению ранней истории Ельца. Но учитывая тот факт, что сумма сведений письменных источников вряд ли пополнится, особое внимание следует обратить именно на археологические исследования. Локализация летописного Ельца XII в., характер Лавского археологического комплекса, возможность существования Ельца на протяжении XV в.— вот лишь некоторые вопросы, решение которых обусловлено развертыванием археологических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иловайский Д. История Рязанского княжества. М., 1858.
2. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1959. Кн. 1. Т. 1.
3. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1959. Кн. 2. Т. 4.
4. Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX-XIII вв. Киев, 1884.
5. Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909.
6. Тропин Н.А. Елецкая земля в XII—XVI веках (по письменным источникам) // История и культура Ельца и Елецкого уезда. Елец, 1992.
7. Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1964. Т. 3.
8. Татищев В.Н. История Российская. М.;Л.,1964. Т. 4.
9. Егоров В.Л. Золотая Орда: мифы и реальность. М., 1990.
10. Шенников А.А. Червленый Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV-XVI вв. Л., 1987.

11. Винников А.З. Славяне на Верхнем Дону в конце I тыс. н.э. // Елец и его окрестности: Тез. науч. конф. Елец, 1991.
12. Разуваев Ю.Д. Городище у д. Дубики // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987.
13. Тропин Н.А. Где находился древний Елец? // Елецкая быль. Елец, 1994. Вып. 1.
14. ПСРЛ. М., 1962. Т. II.
15. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.; Л., 1950.
16. Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ВИ — Вопросы истории
ГИМ — Государственный исторический музей
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ПСРЛ —Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология

СОДЕРЖАНИЕ

Куза А.В. (Москва), Коваленко В.П. (Чернигов), Моця А.П. (Киев). Новгород-Северский: некоторые итоги и перспективы исследований 3

Пряхин А.Д., Цыбин М.В. (Воронеж). Древнерусское Семилукское городище (материалы раскопок 1987—1993 гг.) 29

Дьяченко А.Г. (Белгород), Лапчинская Л.В. (Харьков), Щапова Ю.Л. (Москва). О химическом составе и происхождении стеклянных браслетов Донецкого городища 63

Александровский А.Л., Гласко М.П., Гоняный М.И. (Москва). Опыт археолого-географических исследований древнерусских памятников XII—XIV веков долины Верхнего Дона (район Куликова поля) 73

Беляева С.А. (Киев). Из истории охоты в Древней Руси 89

Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., Цыбин М.В. (Воронеж) Железоплавильный комплекс на II Белогорском городище конца I тысячелетия н. э. 98

Пряхин А.Д., Цыбин М.В. (Воронеж). Ранняя история Ельца и данные археологии 108

Список принятых сокращений 116

Научное издание

НА ЮГО-ВОСТОКЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Историко-археологические исследования

Сборник научных трудов

Редактор А. С. Зайцева

Художник-редактор Л. А. Клочков

Электронная верстка Л. О. Мещеряковой

Корректоры М. Г. Щигрева, Н. Н. Масленникова

ИБ № 2333

ЛР 040088 от 17.09.91. Подп. в печ. 09.02.96. Форм. бум. 60×84/16.

Бумага типографская № 2. Офсетная печать. Усл. п. л. 7.6 Уч.-изд. л. 7,0

Тираж 1000. Заказ 102

Издательство Воронежского университета

394000 Воронеж, ул. Ф. Энгельса, 8

Отпечатано в ГП "ТЭФА"

394007 Воронеж, ул. Минская, 16

В издательстве Воронежского университета готовится к выпуску монография:

Пряхин А. Д.
Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы
Книга вторая

В книге впервые дается целостная оценка производственно-хозяйственной деятельности раскопанного почти всей площадью мосоловского поселения срубной культурно-исторической общности.
Обосновывается выделение доно-донецкого центра металлургии и металлообработки эпохи бронзы.
Издание предназначено для археологов, историков, всех интересующихся древней историей Евразии.